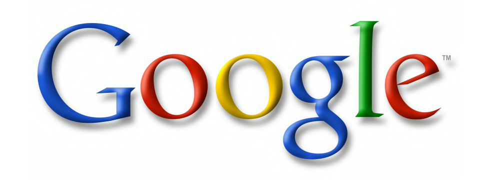


VE
RI
TAS

Проф. К. Ротъ.

Исторія Славянъ.

Часть II.

Балканскій полуостровъ.

Библіотека Систематическаго Знанія
Издательство „Вѣстника Знанія"
(В. В. Битнера).

Безпл. прил. къ № 9 „Вѣстника Знанія", 1908 г.

ИЗЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ" МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ

Волшебный фонарь

«В. Зн.» усоверш. сист. с объектив., конденсат. лампою. Ц. для подпис. изданій «Вѣст. Зн.» 4 р., упаковка 50 к., перес. за 12 ф. в 1 поясѣ—75 к., во 2—1 р. 35 к., в 3—1 р. 95 к., в Маньчж. 2 р. 35 к. Для неподписчиков ц. фонаря без перес. 5 р. 50 к.

Продолжается подписка на слѣд. отдѣльныя изданія «Вѣстника Знанія»:

Настольная иллюстрирован. ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

Цѣна в год с перес. 5 р.

Для подписчик. «Вѣстника Знанія» 3 р. 50 к.

под общей редакціей В. Битнера.

В трех томах по 1024 стб. кажд., с рис., картами и пр.; отдѣлы ред. спеціалистами. Вых. с нач. ноября 1907 г. и законч. в концѣ окт. 1909 г. При подпис. на «Н. Энц.» вмѣстѣ с пр. изданіями «В. Зн.» допуск. разсрочка. Ц. перв. вып.—1 р., кот. засч. в подписную сумму.

Подписка на роскошное изданіе серіи капитальных сочиненій для завершенія образованія въ отдѣльных областях знанія, под общим заглавіем:

Научная Библіотека

3 р. 30 к., без пер. 2 р. 50 к. кажд. отд. 12 вып.

под общей редакціей В. Битнера,

состоящая из 6 отдѣлов, подписн. цѣна на каждый отд. (12 вып.) 3 р. 30 к. с перес. и 2 р. 50 к. без перес.

В **Біологическом** отд. печ. соч. Каруса Штерне. «Мір, его прошлое, наст. и будущ.» Истор. разв. вселен. и ея обитателей в общепон. излож.

Историческій отд.: Проф. Шлоссер «Всемір. исторія с древн. врем. до нач. XX ст.».

Общественный отд.: Проф. Ван-дер Боргт. «Основы соціальной политики» и проф. Альбер «Политическіе мыслители XVIII и XIX» вв.

Философскій отд.: Проф. Браш. «Классики философіи. Громадныя иллюстр. истор. филос. с выдержками из подлин. сочин. философов.

Географическій отд.: Проф. Зиверт. «Экономич. физич. и политич. географія». С дополн. «Россія, полное описаніе», под ред. пр. Э. Ф. Лесгафта.

Этическій отд.: (Вопросы духа, вѣры и нравств.) нач. печатаніем двух соч.: «Исторія религій с древн. времен. до наших дней», нов. изд. знамен. труда проф. Шантепи-де-ля-Соссей и „Половой вопрос" проф. Фореля.

Всѣ шесть отдѣлов (72 вып.) стоят 19 р. 80 к. с перес. или по 3 р. 30 к. кажд. (12 вып.). Изданіе на прекрасн. бум. и роскошно иллюстр. множ. рис., отдѣльн. картин, таблиц, хромолит., карт и пр. Подробности—въ каталогѣ (см. ниже).

Адрес для всѣх перечисленных изданій: С.-Петербург, Невскій пр., 147. Глав. конт. изд-ва «Вѣстника Знанія». Подробн. объявл., брошюра, устав. просвѣтит. союза «Вѣст. Зн.» и каталог—выс. беспл. в люб. колич. для распростр.

Ред. изд. **В. В. Битнеръ.**

ИСТОРІЯ СЛАВЯНЪ

Часть II.

Проф. К. Ротъ.

Исторія христіанскихъ народовъ балканскаго полуострова.

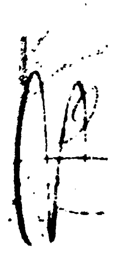
Переводъ съ нѣмецкаго Р. Бодуэнъ де Куртене.

Подъ редакціей В. В. БИТНЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера)

1908.



Типографія Б. М. Вольфа, Спб., Невскій пр., 126, уг. Суворов.

ГЛАВА I.

До-славянская эпоха [1]).

На всемъ пространствѣ Европы не найдется страны, испытавшей столько величайшихъ политическихъ и этнографическихъ перемѣнъ, какъ Балканскій полуостровъ. Сколько народовъ искало себѣ здѣсь мѣстопребываніе! Немногимъ изъ нихъ удалось утвердиться на его почвѣ,—большинство же исчезло, не оставивъ послѣ себя болѣе замѣтнаго слѣда. Впрочемъ, и изъ оставшихся далеко не всѣмъ удалось вылиться въ устойчивую форму, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю, подобно государствамъ западной Европы. Балканскій полуостровъ остается и до сихъ поръ страною открытыхъ вопросовъ.

Исторія самаго восточнаго изъ европейскихъ полуострововъ начинается лишь съ момента пришествія съ сѣвера индо германскаго племени—ѳрако-иллирійцевъ. Въ то время, когда главное племя ѳракійцевъ захватываю области—отъ истоковъ Дрины и болгарской Моравы по Эгейское и Черное моря, къ сѣверу же владѣло позднѣйшими трансильванскими и румынскими землями [2]), племена эпиро-иллирійскія, потомками которыхъ являются нынѣшніе албанцы, владѣли береговыми областями—отъ устьевъ р. По до границъ Этоліи. Раздѣленныя на многія отдѣльныя вѣтви, они не достигли государственнаго объединенія и не могли, слѣдовательно, играть опредѣленной исторической роли. Благодаря этому, персидскій царь Дарій, найдя ихъ поселенія на своемъ пути, во время скиѳскаго похода 513 г, до Р. Х, не преминулъ подчинить ихъ себѣ, а Мегабазъ расширялъ также на ихъ счетъ персидскіе предѣлы, захватывая береговыя земли и долину Марицы. Когда же, послѣ окончательнаго отступленія персовъ, тѣснимыхъ греками, аѳиняне сами рѣшили утвердиться въ этихъ сѣверныхъ областяхъ, они все-таки наткнулись на сопротивленіе со стороны ѳракійцевъ. Тѣмъ не менѣе во времена Морского Союза аѳиняне господствовали, какъ на ѳракійскомъ берегу, такъ и во ѳракійскомъ Херсонесѣ.

Къ сѣверу отъ этой территоріи, подчиненной греческому вліянію, простиралось государство одриссовъ, могущественнаго племени, занимавшаго горныя мѣстности по теченію Марицы, сплошь до Дуная. Это и былъ единственный тогда примѣръ образованія государства на ѳракійской почвѣ. Основателемъ его въ V вѣкѣ былъ царь Тересъ, покорившій и соединившій различныя племена.

Эти дикія племена, занимавшіяся лишь охотой, разбоемъ и войной, [д]олжны были выносить тираническую власть своихъ царей, до тѣхъ поръ

---

[1]) Сочиненіе того-же автора—Др. К. Рота: „Исторія Византійской Имперіи"—[дов]едено до 1453 г.

[2]) Не подлежитъ сомнѣнію, что ѳракійцы проникали также, начиная съ [?] вѣка до Р. Х., и въ Малую Азію,—къ ѳракійскимъ же племенамъ слѣдуетъ [отн]ести: троянъ, ѳригійцевъ, мизійцевъ, пафлагонцевъ и арменъ.

пока прежняя династія не была низвергнута нѣкимъ Котисомъ, воцарившимся въ 383 г. Ему удалось побѣдить аѳинянъ, стремившихся возстановить свою власть надъ Херсонесомъ ѳракійскимъ. Однакоже и при новыхъ царяхъ, такъ же какъ и при прежнихъ, отдѣльныя племена, со своими начальниками во главѣ, стремились къ обособленію, что и послужило поводомъ для внутреннихъ смутъ и раздоровъ. Неудивительно слѣдовательно, что ни ѳракійцы, ни иллирійцы не могли устоять противъ напора Филиппа Македонскаго,—впослѣдствіи же именно ѳрако-иллирійскіе отряды выносили главнымъ образомъ на своихъ плечахъ военную славу Александра Великаго на дальнемъ востокѣ. Послѣ смерти Александра, въ періодъ борьбы между его бывшими военачальниками изъ-за различныхъ престоловъ, среди ѳрако-иллирійцовъ съ прежнимъ ожесточеніемъ, возобновилась племенная рознь и помѣшала имъ успѣшно сопротивляться кельтамъ, появившимся въ Босніи въ 3 в. до Р. Х. Отступая къ югу, они должны были оставить новымъ пришельцамъ Боснію и Герцеговину. Хотя господство кельтовъ на Балканскомъ полуостровѣ продолжалось недолго, однако иго, испытанное благодаря имъ ѳрако-иллирійцами, было въ высшей степени тяжело и унизительно. Затѣмъ, и римляне, послѣ 2-й пунической войны, обратили свои взоры на востокъ,—и съ тѣхъ поръ этой странѣ не суждено уже было отдыхать долгія столѣтія,—она сдѣлалась постояннымъ лагеремъ римскихъ войскъ. Въ 3 и 2 вв. до Р. Х. къ югу отъ Наренты существовало цвѣтущее иллирійское государство, съ которымъ вели энергичную борьбу римляне, подчинивъ его наконецъ себѣ въ 167 г. до Р. Х.—при царѣ Генѳіи.

Подъ вліяніемъ успѣховъ римскаго оружія, племена, жившія къ сѣверу отъ Наренты, составили союзъ въ цѣляхъ взаимопомощи и защиты отъ римлянъ (въ 170 г. до Р. Х.). Борьба римлянъ съ этими делматами была весьма продолжительна. Хотя Павелъ Корнелій Сципіонъ и разрушилъ въ 155 г. до Р. Х. Дельминіумъ,—главный городъ ихъ союза, но торжество римлянъ далеко еще не было окончательнымъ. Между 119—114 гг. до Р. Х. мы читаемъ опять повѣтствованія о новыхъ войнахъ, между прочимъ и о войнѣ съ кельтами-скордисками, соединившимися съ делматами.

Только въ 85 г., Л. Сципіону, — пропретору иллирійскому, удалось отбросить скордисковъ за р. Саву, и не ранѣе 78 г. римляне могли наконецъ присоединить земли делматовъ (т. е.—Боснію и Герцоговину) къ своей иллирійской провинціи, но и тогда еще онѣ не были вполнѣ усмирены,—такъ напр. делматы принимали участіе въ возстаніи паннонцевъ въ 6 г. послѣ Р. Х. Послѣ четырехлѣтней борьбы ихъ силы были наконецъ истощены,—а затѣмъ уже они стали поддаваться, хотя и очень медленно, вліянію римской культуры. Вскорѣ послѣ того появились въ странѣ новые стратегическіе и торговые пути сообщенія—и, благодаря римлянамъ, побѣжденные научились пользоваться богатыми сокровищами ихъ родной почвы, прежде всего золотомъ. Къ исходу 1-го столѣтія до Р. Х., и востокъ полуострова входилъ уже въ составъ римской иллиріи. М. Лукуллъ довелъ побѣдоносно свои легіоны до самаго Чернаго моря. а побѣды М. Красса дали возможность присоединить къ римскимъ владѣніямъ и область, расположенную между Дунаемъ и Балканами, извѣстную подъ названіемъ Мезіи (29 до Р. Х.). Что же касается южной Ѳракіи, то она сдѣлалась достояніемъ имперіи лишь въ царствованіе Тиверія (26 г. по Р. Х.).

Какъ и ѳрако-иллирскій сѣверъ добычею подвинувшагося на востокъ Рима, сталъ и греческій югъ, — взятіе Коринѳа Консуломъ Мумміемъ (146 до Р. Х.) положило конецъ независимости эллинскаго народа. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы тогда же прекратилась и его политическая жизнь. Политическія наклонности и интересы,—проявлявшіеся

раньше въ дѣятельности различныхъ партій, продолжали, конечно, существовать и развиваться и при измѣнившихся обстоятельствахъ, хотя основанія партійныхъ дѣленій были теперь иныя, причины и цѣли борьбы вырастали на новой почвѣ. Такъ или иначе, греки должны были интересоваться съ одной стороны борьбою Рима съ востокомъ, съ другой—внутренними вопросами римской жизни, а именно назрѣвающимъ цезаризмомъ, и его покушеніями на республику. Во время раздѣла римскихъ областей, послѣ битвы при Акціумѣ, Греція, подъ названіемъ провинціи Ахайи, была причислена къ сенатскимъ областямъ. Частыя войны послѣдняго до-христіанскаго періода, происходившія большею частью въ греческихъ земляхъ привели ихъ въ упадокъ и запустѣніе. Слѣдствіемъ этого было во-первыхъ бѣгство деревенскихъ жителей въ приморскіе города, а во-вторыхъ образованіе латифундій, такъ какъ разоренные и обремененные долгами мелкіе хозяева были принуждены оставлять свои земельные участки въ пользу кредиторовъ. Менѣе ощутительны были послѣдствія войнъ въ портовыхъ и приморскихъ городахъ. Обычаи той эпохи, ея любовь къ роскоши поощряли именно художественную промышленность. римляне же были всегда столь умны, что съ большимъ вниманіемъ относились къ развитію торговли. Благодаря этому Коринѳъ и Патры остались попрежнему крупными торговыми городами.

Несмотря на то, что Греція была уже тогда лишь одной изъ римскихъ провинцій, она однако удержала за собой руководящую роль, являясь центромъ утонченной культуры, вліяющимъ на всю громадную территорію,—отъ самой отдаленной восточной границы имперіи до крайнихъ западныхъ предѣловъ. Аѳинскій университетъ, несмотря на Римъ, Александрію и Массилію (Марсель), являлся главнымъ притягательнымъ пунктомъ для людей, жаждавшихъ знанія, и римскіе императоры, напр. Адріанъ, Антоній Пій и Маркъ Аврелій, не жалѣя средствъ, поддерживали дальнѣйшее развитіе страны,—какъ матеріальное, такъ и умственное. Послѣ гнета и финансовой эксплоатаціи греческихъ земель, которые слѣдовали непосредственно за присоединеніемъ ихъ къ имперіи, наступила эпоха духовной свободы, отразившаяся, между причемъ, очень выгодно и на положеніи женщины. Теперь уже она не была обречена проводить все время въ спертомъ воздухѣ гинекеевъ и могла примѣнять свое тонкое образованіе и изящную культуру въ болѣе обширномъ кругу общества, среди котораго, послѣ періода нравственнаго упадка, воскресла прежняя полная энтузіазма, любовь ко всему прекрасному. Увлеченіе наукой и искусствомъ овладѣло даже тѣми областями, которыя раньше были вполнѣ равнодушны къ музамъ. Значеніе греческаго элемента усилилось въ особенности со времени изданія императоромъ Каракаллою (212 г.) эдикта, предоставляющаго всѣмъ свободнымъ жителямъ имперіи права римскихъ гражданъ. Это перемѣщеніе интеллектуальнаго центра въ сторону Греціи стало еще болѣе несомнѣннымъ послѣ того, какъ опредѣлилась важная роль Византіи. Новая столица, возникшая благодаря императорской прихоти, к своему счастливому географическому положенію, дѣлавшему ее торговой метрополіей тогдашняго міра, сдѣлалась вскорѣ затѣмъ и духовнымъ центромъ греческой жизни, несмотря на соперничество древнихъ центровъ образованія и знанія, прежде всего, Аѳинъ.

Но если греческому элементу и удалось сохранить первенствующее наченіе въ южной части полуострова—въ южной Македоніи и въ восточюй Ѳракіи, зато на сѣверѣ ѳракійскія области, слишкомъ изстрадавшіяся къ теченіе продолжительнаго періода войнъ, не могли противостоять романизаціи своего населенія. Изъ смѣшенія дако-ѳракійскихъ элементовъ съ болѣе сильнымъ римскимъ—образовалась новая національная единица—

румынскій народъ, съ его новымъ языкомъ. Большое участіе въ дальнѣйшемъ образованіи этого потомка народно-латинскаго языка принялъ славянскій элементъ, а также впослѣдствіи греческій и турецкій языки, кромѣ того, въ самой незначительной мѣрѣ, мадьярскій и албанскій. Главное нарѣчіе возникло и распространилось на территоріи прежней Дакіи, въ Молдавіи и Валахіи, въ Бессарабіи, Трансильваніи, въ Банатѣ и отчасти въ мѣстностяхъ съ венгерскимъ населеніемъ. Оно является также литературнымъ языкомъ. Кромѣ этого дако-румынскаго нарѣчія существуютъ еще два другихъ—македоно-румынское, или діалектъ куце-валаховъ (цинцаровъ), въ Македоніи, Албаніи, Эпирѣ и Ѳессаліи; и, сильно славянизированное,—истро-македонское нарѣчіе, на которомъ говорятъ, наряду съ хорватскимъ языкомъ, въ Истріи и въ области Карста. Настоящая романизація дакійскихъ земель, расположенныхъ къ сѣверу отъ Дуная, началась съ тѣхъ поръ какъ Траянъ, побѣдивъ дакійскаго царя Декебалла, переселилъ туда массы римскихъ колонистовъ, чтобы болѣе крѣпкими узами связать вновь завоеванную страну съ имперскими областями. Однако и финансовыя и военныя силы государства были слишкомъ слабы для прочнаго объединенія этихъ далеко выдвинутыхъ постовъ съ римскою державою. Правда, энергичному Максимину (235—238)—ѳракійцу (провозглашенному императоромъ легіонерами) удалось обезпечить спокойствіе странѣ, подвергнутой постоянно нападеніямъ варваровъ, но оно продолжалось не долго. Съ тѣхъ поръ какъ готы, утвердившись на сѣверномъ берегу Понта, надвигались на Дакію съ востока, а вандалы засѣли на сѣверѣ этой провинціи, степныя земли, расположенныя сѣвернѣе и восточнѣе Понта, не переставали уже выдѣлять изъ своихъ нѣдръ народныхъ массъ (разнообразнаго происхожденія), по направленію къ Дунаю. Уже императоръ Аврелій, «обновитель государства» (270—275) былъ принужденъ отдать готамъ область къ сѣверу отъ Дуная и перевести армію и управленіе въ южную часть этой территоріи—названную «*Dacia ripensis*». Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ задунайская Дакія была потеряна имперіей, но не римскимъ населеніемъ и не римскимъ языкомъ. Гораздо устойчивѣе государственной власти оказалось здѣсь господство народной латыни, ставшей на этой почвѣ, благодаря римскимъ солдатамъ и купцамъ, особымъ нарѣчіемъ. Точно такъ же подвигался и процесъ латинизаціи народовъ, даже въ то время, когда Дакія постоянно подвергалась нападеніямъ варварскихъ ордъ, устремившихся въ нее съ сѣвера и съ юга—гунновъ, гепидовъ (450 г.) и аваровъ (555).

Но самыя глубокія этнографическія и политическія перемѣны были слѣдствіемъ вторженій славянскихъ народовъ.

ГЛАВА II.

Переселеніе славянъ и основаніе прочныхъ славянскихъ государствъ.

Племена, о которыхъ мы намѣрены сейчасъ говорить—словенцы, хорваты (кроаты), сербы, болгары, принадлежатъ къ юго-славянской группѣ. Славяне были уже извѣстны Плинію (79 г. до Р. Х.). Можно также предположить, на основаніи особенной популярности императора Траян въ памяти славянъ, —попавшаго даже въ славянскій міръ боговъ и вос пѣваемаго до сихъ поръ въ болгарскихъ пѣсняхъ «о царѣ Траянѣ», чт онъ долженъ былъ приходить въ соприкосновеніе съ этими племенами Съ полной же увѣренностью можно сказать, что въ позднѣйшей борьбі за дунайскія границы римляне встрѣтились съ племенемъ *Карповъ*, на званіе которыхъ сохранилось и теперь въ названіи Карпатскихъ горъ. Бла

годаря римскимъ императорамъ, заселявшимъ въ 3-мъ и 4-мъ вѣкахъ государственныя земли славянскими племенами, они проникли также и на Балканскій полуостровъ. Эта колонизація, мирная вначалѣ, со временемъ измѣняетъ свой характеръ. Славяне, слѣдовавшіе ранѣе лишь въ незначительномъ числѣ за полчищами готовъ и гунновъ, съ 5-го вѣка начинають самостоятельное массовое движеніе, выходя изъ предѣловъ Дакіи (позднѣйшей Трансильваніи, Валахіи и Молдавіи), наводняя полуостровъ и добывая себѣ, путемъ завоеваній, прочныя владѣнія. Балканскому полуострову было суждено въ теченіе столѣтій играть роль военнаго лагеря германскихъ, славянскихъ и урало алтайскихъ народностей, появлявшихся на его почвѣ съ сѣвера и востока. Сначала пришли вестготы Алариха, жившіе съ 382 г. на сѣверѣ римскаго государства, угрожавшіе въ 395 г. Константинополю и проникшіе затѣмъ въ Эпиръ и Элладу. Сколько великолѣпныхъ произведеній, сокровищъ античнаго искусства, сдѣлалось тогда жертвою аріанскихъ варваровъ, подстрекаемыхъ къ разрушенію своимъ фанатическимъ клиромъ! Въ Константинополѣ столь мало интересовались въ то время Элладой и ея судьбою, что Аларихъ могъ даже надѣяться, что ему удастся утвердиться въ Пелопонесѣ. Греческое населеніе равнинъ, спасаясь отъ вестготовъ, бѣжало въ недоступныя мѣстности и на острова. Хотя вмѣшательство западно-римскаго Стилихона и помѣшало образованію Аларихова государства въ Пелопонесѣ, однако, благодаря римской зависти, готы все же были спасены, и могли оставаться съ своимъ королемъ въ Эпирѣ, считаясь на службѣ восточно-римскаго императора, до тѣхъ поръ, пока наконецъ Аларихъ, убѣдившись въ непрочности своего положенія на греческой почвѣ, не двинулся въ Италію.

За вестготами слѣдовали гунны опустошавшіе главнымъ образомъ сѣверныя части полуострова, между тѣмъ, какъ южныя греческія земли менѣе страдали отъ ихъ вторженій. Тѣмъ чувствительнѣе были для всего полуострова нападенія Теодориха остготскаго, для греческихъ же береговыхъ земель въ особенности разрушительные набѣги вандаловъ и урало-алтайскихъ болгаръ, разграбившихъ въ 517 г. Эпиръ и Ѳессалію—до Ѳермопилъ и захватившихъ много плѣнныхъ. Византійскій императоръ Анастасій I (491—518) былъ очень доволенъ, обезопасивъ, до извѣстной степени по крайней мѣрѣ, свою столицу постройкой извѣстныхъ укрѣпленныхъ стѣнъ, возведенныхъ отъ береговъ Пропонтиды до Чернаго моря (512); несчастныя же провинціи отданы были на произволъ судьбы. Этой общей безпомощностью, въ царствованіе Анастасія и Юстина I (518—527) воспользовались славяне, чтобы начать безъ помѣхи колонизацію южно-дунайскихъ областей; имъ не удалось однако образовать тамъ своего государства, благодаря побѣдоносному походу противъ нихъ могущественнаго Юстиніана I (527—565). Грандіозно задуманная система крѣпостей, какъ вдоль Дуная, такъ и внутри страны, должна была помѣшать дальнѣйшимъ нападеніямъ славянъ. Но на исполненіе этого колосальнаго плана не хватило ни денегъ, ни времени, ни средствъ для оборудованія крѣпостей. Къ тому же императоръ былъ такъ занятъ впослѣдствіи своимъ новымъ планомъ — возстановленія прежнихъ имперскихъ границъ на востокѣ и на западѣ, что пересталъ думать о сѣверной границѣ, и славяне могли опять безпрепятственно грабить сѣверныя провинціи (533 — 560). Воспользовавшись анопейскимъ проходомъ, какъ нѣкогда персы, они нашли дорогу и въ Среднюю Грецію и остановились лишь у Истмоса (перешейка) (558). Хотя новое совмѣстное вторженіе славянъ и болгаръ подъ предводительствомъ Цаберъ-Хана (559) и потерпѣло крушеніе у наскоро укрѣпленныхъ Ѳермопилъ, но все-таки мѣстное населеніе сильно пострадало, кромѣ множества убитыхъ—тысячи народа были уведены въ плѣнъ.

Въ послѣдней четверти 6-го столѣтія появляются еще болѣе опасные враги полуострова, — авары. Занимая пространство между Каспійскимъ и Азовскимъ морями, они напали въ 5-мъ вѣкѣ на Антены и утвердились (въ 568) между Тиссой и Дунаемъ, откуда они затѣмъ, въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій, распространяли ужасъ во всѣ стороны. Въ 575 авары начали свои вторженія въ византійскія области, впослѣдствіи же выступали попеременно то въ роли союзниковъ Византіи противъ славянъ, то, наоборотъ, въ роли ея противниковъ. Такъ напр. въ 577 г. въ царствованіе Тиверія II, когда громадныя массы славянъ опять перешли Дунай и, опустошая все по пути, проникли въ глубь Эллады, Тиверій призвалъ къ себѣ на помощь аваровъ. Выйдя изъ Добруджи, они напали на дакійскихъ славянъ, но имъ не удалось ихъ побѣдить и подчинить себѣ. Славянскіе походы и войны продолжаются безпрерывно. Славянскій потокъ устремляется все далѣе на югъ. Но хотя этотъ новый народный элементъ и передвигался свободно и независимо въ теченіе двухъ столѣтій внутри Эллады—и въ особенности въ Пелопоннесѣ, ему все таки не хватало силъ для болѣе рѣшительной роли. Очень можетъ быть, что причиной этой слабости было значительное удаленіе славянскихъ пришельцевъ отъ своей племенной массы, оставшейся на родинѣ, а слѣдовательно и отсутствіе поддержки съ ея стороны. Нерѣдко даже на греческой почвѣ славяне мирно уживались съ эллинами, бывшими всюду до половины VIII в. въ численномъ превосходствѣ. Но съ этого момента греческій элементъ начинаетъ уже уклоняться къ югу, вслѣдствіе слишкомъ интенсивнаго напора славянъ на Пелопоннесъ, что и побуждало византійское правительство приступить снова къ планомѣрному эллинизированію и ославянившихся мѣстностей. Но не подлежитъ сомнѣнію, что затуманная борьба со славянами лишь въ томъ случаѣ могла бы оказать дѣйствіе и удержать ихъ отъ нападеній, если бы она была перенесена на ихъ собственную территорію, т.-е. къ сѣверу отъ Дуная. Изъ такихъ именно соображеній исходилъ и дѣятельный императоръ Маврикій, предпринимая свой походъ въ 593. Однако, несмотря на успѣхи византійцевъ вначалѣ этого похода, онъ все-таки не привелъ ни къ чему, благодаря смутамъ въ арміи и безцѣльной смѣнѣ начальствующихъ лицъ. Къ тому же одновременно нужно было вести борьбу со славянами и внутри государства, такъ же какъ и съ аварами,—и наконецъ былъ заключенъ миръ (въ 600 г.), по условіямъ котораго Дунай былъ признанъ границей между воюющими сторонами. Еще императорскія войска стояли въ разграбленной ими славянской Дакіи, когда провозглашеніе грубого солдата Ѳоки императоромъ лишило всякаго значенія сѣверный походъ и его заключеніе — мирный договоръ. Въ правленіе этого деспота несчастья имперіи, причиненныя новымъ напоромъ славянъ на Ѳракію и Македонію, достигли ужасающихъ размѣровъ. Въ особенности тяжело было положеніе Ѳессалійской области, къ захвату которой славяне стремились, напрягая всѣ силы. Всеобщее смятеніе доходило уже до того, что преемникъ Ѳоки — Ираклій, готовъ былъ оставить на произволъ судьбы Балканскій полуостровъ. Славяне стали уже пренебрегать провинціей и осмѣливались подступать къ самой столицѣ государства. со стороны моря, а авары въ то же время поддерживали ихъ съ суши. Все настойчивѣе и настойчивѣе стремились славяне на полуостровъ; съ начала 7-го вѣка они стали уже расширять свои владѣнія и въ западныхъ, приморскихъ областяхъ, заставляя римскіе элементы, уже и такъ тѣснимые аварами, искать убѣжища въ прибрежныхъ городахъ и на островахъ.

Въ сѣверо-западномъ углу полу-острова, отъ Савы на сѣверѣ до Цеттины на югѣ и Вербы на востокѣ, расположились хорваты (кроаты)—

независимые облaдатели этой страны, пришедшіе сюда съ сѣвера, послѣ аварскаго разгрома въ 626 г. Главные ихъ города были: Біоградъ, нынѣшній морской городъ Зара-Веккіа и Бигачъ въ сѣверной Босніи. Императоръ Ираклій, разсчитывая на кроатовъ, какъ на надежную стражу границъ, постоянно угрожаемыхъ со стороны аваровъ, охотно оставилъ въ ихъ владѣніи занятыя ими мѣстности; такими-же соображеніями руководился и императоръ Василій, позволяя селиться на имперской территоріи *сербамъ*, также оставившимъ сѣверныя области и занявшихъ тѣ самыя земли къ востоку и югу отъ кроатовъ, въ которыхъ они живутъ и до сихъ поръ: Боснію (за исключеніемъ нынѣшней турецкой кроаціи), Герцеговину, южную Далмацію, сѣверъ Албаніи, Черногорію, Ново-Базарскую область и нынѣшнюю Сербію. На этой площади сербскій народъ распался на отдѣльныя вѣтви. Названіе *сербъ*, означавшее первоначально славянъ вообще, удерживается впослѣдствіи лишь за этимъ однимъ племенемъ и сохраняется за нимъ и теперь. Возникаютъ маленькія княжества—жупанства, большею частью жестоко враждующіе другъ съ другомъ (какъ это опять таки мы видимъ здѣсь и въ настоящее время,—достаточно напримѣръ будетъ вспомнить отношенія сербовъ подданыхъ королевства къ сербамъ черногорскимъ и т. п. Изъ жупанствъ выдвинулись главнымъ образомъ шесть: собственно Сербія (территорія нынѣшняго королевства), Боснія, Травунія, или Коновлія,—отъ Рагузы (Дубровника) до Каттаро; Захлумія (Захолмія) или Паганія, жители которой занимались морскимъ разбоемъ,—отъ Рагузы до Залива Станьо, отсюда же до устья Цеттины—Неретвы,—и Зета или Дуклія (Діоклеа), занимавшая большую часть нынѣшней Черногоріи,—давнее убѣжище сербской независимости.

Пребывая въ неопредѣленномъ союзѣ съ Византіей, сербы признавали надъ собой ея верховную власть, но заселенныя ими области не считались византійскими провинціями.

Въ то время какъ поселенія славянъ,—хорватовъ и сербовъ на западѣ, а словинцевъ въ другихъ частяхъ полуострова, умножились уже до такой степени, что византійскіе писатели стали называть *Славиніей* занятыя ими области, элементъ ѳрако-иллиро-румынскій отступаетъ къ сѣверу, греческій же къ югу, посколько онъ не поддается и не смѣшивается съ чужеземцами; онъ удерживаетъ, впрочемъ, пока за собой недоступныя, гористыя мѣстности, или приморскіе города и острова. Въ береговыхъ полосахъ, вслѣдъ за захватомъ ихъ славянами, замѣчался упадокъ городовъ, а между тѣмъ уже и на морѣ славянинъ заставлялъ трепетать грековъ. На своихъ неустойчивыхъ суднахъ, славянскіе пираты стали посѣщать берега Италіи, Греціи и острова, простирая до береговъ Малой Азіи свои грабительскіе набѣги, уже въ древнѣйшихъ арабскихъ записяхъ читаемъ мы о свѣтловолосыхъ славянахъ. Одной изъ самыхъ безпокойныхъ странъ полуострова была Македонія. Стремясь къ обладанію богатымъ торговымъ городомъ—Ѳессалоникой, славяне не переставали жестоко мучить ее своими нападеніями—въ продолженіе всего 7-го столѣтія. Только Юстиніану II удалось обезпечить этой области спокойствіе, благодаря широко организованному имъ переселенію мѣстныхъ славянъ въ 687 г. въ мало-азійскій Опсикіонъ.

Несмотря однако на видимое превосходство славянъ, владѣвшихъ вными и болѣе открытыми землями полуострова отъ Дуная до мыса атапана, имъ все-таки не удалось, вслѣдствіе свойственнаго имъ стремнія къ свободѣ, сплотиться въ одно государство, и многіе изъ этихъ зрозненныхъ племенъ были снова подчинены византійцами.

Заслуга объединенія восточной половины славянскаго населенія придлежатъ не славянскому, но угрскому народу—болгарамъ.

Изъ побережья Азовскаго моря, они двинулись нѣсколькими ордами

къ западу и уже въ 482 г. мы видимъ ихъ въ роли союзниковъ Императора Зенона въ его борьбѣ съ остготами, а затѣмъ на службѣ у византійцевъ, во время борьбы съ Гепидомъ-Мундо. Тогда уже они начали безпокоить Ѳракію своими набѣгами. Но дѣйствительно опасными они стали лишь съ тѣхъ поръ, когда сынъ Кувриата—Исперихъ, по-византійски Аспарухъ, послѣ одного неудачнаго похода императора Константина IV Погоната (679) перешелъ нижній Дунай, двигаясь противъ него, и дошелъ со своими ордами, не встрѣчая сопротивленія, до самой Варны.

Славяне бо́льшею частью подчинялись добровольно этимъ новымъ завоевателямъ и вскорѣ большая часть славянскихъ племенъ покорилась ихъ власти, перенявъ въ то же время и имя подчинившаго ихъ народа, между тѣмъ какъ этотъ народъ, вслѣдствіе своей малочисленности, самъ немного спустя сталъ растворяться въ массѣ своихъ новыхъ подданныхъ.

Потомки этихъ турко-татарскихъ завоевателей нѣсколько столѣтій спустя стали дѣйствительно славянами — и въ нынѣшнихъ болгарахъ нѣтъ, кажется, капли крови первыхъ носителей этого имени. Такимъ образомъ, къ исходу 7 вѣка, въ Добруджѣ и на равнинахъ Мезіи возникло первое славянское государство, хотя господствующій слой его отличался по происхожденію отъ побѣжденной массы.

ГЛАВА III.

Внутреннія отношенія. Культура.

По описаніямъ византійскихъ авторовъ, славяне были высокаго роста и свѣтловолосы. Они не знали лжи и лукавства, и отличались гостепріимствомъ. Что касается ихъ образа жизни и степени культуры, то въ эпоху ихъ появленія на балканскомъ полуостровѣ они были полу-кочевымъ народомъ. Любимыми ихъ занятіями были охота и скотоводство, отчасти также земледѣліе, хотя по большей части воздѣлывали поля только женщины и невольники.

Основаніемъ государственной жизни славянъ служилъ семейно-родовой союзъ—*задруга*. Насчитывая обыкновенно въ своемъ составѣ 50—60 человѣкъ, задруги, носившія различныя названія, подчинялись власти старѣйшинъ (староста, господарь, владыко, дѣдъ, домакинъ) — представителей союза, какъ по отношенію къ другимъ соплеменникамъ, такъ и по отношенію къ богамъ. Равенство правъ обезпечивало каждому члену задруги его долю въ общемъ владѣніи, такъ что бѣдность и нужда были невозможны и недопустимы. Нѣсколько подобныхъ родовыхъ союзовъ составляли племя, управляемое вѣчемъ,—общимъ племеннымъ собраніемъ. Центральнымъ мѣстомъ области—Жупы («Zupa»), заселенной однимъ племенемъ, былъ укрѣпленный *градъ*. Во главѣ Жупы стоялъ избираемый изъ числа родовыхъ старѣйшинъ-Жупанъ. Въ общественной жизни славянъ проявляются всюду демократическія черты; славянинъ лишь въ военное время подчиняется приказамъ одного начальника, но съ окончаніемъ войны прекращается и эта единая власть. Стремленіе къ равенству и свободѣ, бывшее главной причиной неуспѣха славянъ въ образованіи государствъ облегчало также борьбу съ ними другимъ народамъ и покореніе ихъ чужестранцами. Оно проявлялось также и въ ихъ манерѣ селиться. Славяне никогда не любили жить въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Такъ же какъ теперь еще мы часто видимъ въ Сербіи, ихъ жилища были разбросаны по горамъ и лѣсамъ, по рѣкамъ и озерамъ. Здѣсь сербъ занимается теперь скотоводствомъ, или сѣетъ рожь и просо.

Религія южныхъ славянъ была религіей природы. Подъ открытымъ небеснымъ сводомъ они воздавали честь своимъ богамъ и приносили имъ

жертвы, сопровождая свои обряды пѣснопѣніями. Они не знали ни образовъ, ни храмовъ, ни жрецовъ. Съ особенною торжественностью чествовались перемѣны временъ года. Лѣса, рѣки и источники были населены, по ихъ понятіямъ, божественными существами, въ родѣ *вилъ* или *самовилъ*, до сихъ поръ играющихъ роль въ вѣрованіяхъ балканскихъ славянъ, или длинноволосыми, любящими плясать водяницами, «іуди», враждебными всѣмъ приближающимся къ нимъ, или многочисленными другими миѳическими существами, въ родѣ фей — «бродницъ», значеніе и характеръ которыхъ не изслѣдованы еще въ точности наукой. Всѣ славяне вѣровали въ загробную жизнь.

Различныя этнографическія и культурныя перемѣны, бывшія результатомъ многочисленныхъ вторженій независимыхъ другъ отъ друга варварскихъ полчищъ, давали, конечно, себя чувствовать и на *греческомъ* югѣ. Съ того времени, какъ императоръ Клавдій, одержавъ большую побѣду при Наиссѣ (269), положилъ конецъ опустошительнымъ набѣгамъ готтовъ, наступилъ столѣтній періодъ мира, слѣдствіемъ котораго была послѣдняя эпоха расцвѣта античной греческой жизни. Новыя сокровища накоплялись снова въ торговыхъ и морскихъ городахъ и греческое образованіе господствовало опять надъ міромъ, съ его классическимъ источникомъ Аѳинами, на всей территоріи—сплошь до персидскихъ предѣловъ. Но вторженіе готтовъ, подъ предводительствомъ Алариха, разрушило благосостояніе страны и лишило ее культурнаго греческаго населенія, спасавшагося бѣгствомъ изъ равнинъ въ побережные города. Экономическія катастрофы отразились самымъ кореннымъ образомъ на всей обновленной античной жизни; и хотя императоръ Ѳеодосій II (408—450), подъ вліяніемъ своей супруги аѳинянки («Аѳинаисъ»)—Евдокіи и старался помочь населенію сокращеніемъ податей и другими мѣрами, но въ то же время онъ разрушалъ духовныя основы античности, преслѣдуя своими эдиктами язычество. Древнее міросозерцаніе, прежнія понятія искали себѣ теперь убѣжища лишь въ отдаленныхъ горныхъ мѣстностяхъ хотя и въ городахъ они все-таки продолжали жить попрежнему — подъ видоизмѣненною формою христіанства. Многіе древне-греческія идеи стали облекаться въ христіанскіе образы и сохранились такимъ образомъ и до нашихъ дней. Языческіе храмы были освящены именемъ того или иного святого, замѣнявшаго собою прежнее божество, чтимое и до сихъ поръ. Еще въ началѣ 5-го вѣка Аѳины были преимущественно языческимъ городомъ и лишь къ исходу этого столѣтія христіанство стало пріобрѣтать популярность въ народѣ. Въ виду полнаго контраста идей и стремленій аѳинскаго университета съ оффиціальнымъ міровоззрѣніемъ, нельзя было удивляться, что Юстиніанъ I, творецъ византійскаго деспотизма, обратилъ особенное вниманіе на этотъ очагъ упорнаго противодѣйствія и издалъ знаменитый указъ 529 г., разрушившій послѣдній оплотъ античной мысли. Такимъ образомъ язычество лишилось главной жизненной силы—и только въ дикихъ горныхъ долинахъ Тайгета продолжалъ еще держаться почти неприкосновенно древній культъ грековъ—вплоть до 9-го вѣка.

Образованіе, отличавшееся прежде свободнымъ, мірскимъ характеръ, перешло теперь въ вѣдѣніе церкви. Денежныя средства, употреблявся раньше на образовательныя и художественныя цѣли, скоплялись теь въ императорской казнѣ для защиты отъ наводнявшихъ всю страну зянъ. Но хотя Греція и перестала въ то время играть значительную итическую роль въ государствѣ, ея языкъ становится все-таки, начиная 6-го вѣка, господствующимъ языкомъ во всей имперіи и вмѣстѣ съ ковью составляетъ объединяющую связь между всѣми народностями, ящими въ составъ византійскаго государства.

ГЛАВА IV.

Отъ основанія болгарскаго государства до покоренія его Василіемъ II.

Исторія отмѣчаетъ тотъ своеобразный фактъ, что разныя славянскія племена, селившіяся на Балканскомъ полуостровѣ, устраивались тамъ каждое отдѣльно, безъ всякой связи между собою. Лишь впослѣдствіи, послѣ обращенія ихъ въ христіанство, нѣкоторой связью являлась религія, а еще позже кромѣ того и распространившаяся среди нихъ греческая культура.

Въ то время какъ хорваты и сербы играли лишь незначительную роль на западѣ, вновь основанное *Болгарское государство* является съ самаго начала своей исторіи могущественнымъ и опаснымъ врагомъ византійцевъ. Благодаря болгарамъ, Византія лишилась почти всей страны между Дунаемъ и Балканами, что же касается Ѳракіи, то ее удалось спасти лишь цѣною дани, платимой по договору Византіей болгарскому хану Испериху. (640—700). Но и тутъ спокойствіе продолжалось недолго. Отказавшагося отъ уплаты дани императора Юстиніана II, болгары заставили внести условленныя суммы, нанеся ему крупное пораженіе въ 687 г. Вскорѣ послѣ того Юстиніанъ II, лишенный престола и изгнанный въ Крымъ, отправился къ преемнику Исперихa—Тервелю (700—720), прося его защиты, и съ его помощью вернулся на престолъ. Онъ выразилъ ему свою благодарность не только богатыми подарками, всегда сильно дѣйствующими на варваровъ но и титуломъ цезаря—въ 705 г. Когда же, вскорѣ послѣ того кровожадный деспотъ забылъ добрыя услуги, оказанныя ему болгарскимъ вождемъ, — Тервель наказалъ его, предпринявъ новый походъ на Византію. Слѣдствіемъ тяжелаго пораженія византійцевъ подъ Анкіаломъ на Черномъ морѣ, было не только возстановленіе дани, но и присоединеніе къ Болгаріи Загоры—области, лежащей къ югу отъ Балканъ. Во время частыхъ смутъ въ имперіи и борьбы изъ-за престола болгары находились попеременно то въ добрыхъ, то во враждебныхъ съ ней отношеніяхъ,—послѣ же заключенія мира въ 714 г. (главнымъ образомъ изъ-за торговыхъ соображеній), эти отношенія стали не только болѣе устойчивы, но и улучшились до такой степени, что Тервель приходилъ выручать византійскую столицу, осажденную арабами. Послѣ однако онъ опять давалъ чувствовать не разъ свою силу имперіи. Въ 719 г. напр. властный императоръ Левъ VI Исавріанинъ долженъ былъ вступить съ нимъ въ борьбу, такъ какъ ему вздумалось посадить снова на византійскомъ престолѣ свергнутаго императора. Со смертью Тервеля значеніе Болгаріи пришло въ упадокъ. Вступленіе на престолъ узурпатора Коромыша (изъ рода Укиль), свергшаго прежнюю династію—Дуло, два послѣдніе представителя которой были неспособными ханами (720—753), подало поводъ къ кровопролитнымъ столкновеніямъ, жестоко отразившимся на благополучіи болгарской державы.

Геніальный византійскій императоръ Константинъ V (741—775), прозванный *Копронимомъ* ненавидившими его фанатичными монахами, возобновилъ борьбу съ болгарами. Этотъ энергичный правитель считалъ одной изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ окончательное избавленіе Византі[и] отъ постоянно угрожавшей ей болгарской опасности. Рядъ основываемых[ъ] ѳракійскихъ крѣпостей долженъ былъ служить главной поддержкой е[го] плановъ. Хотя Коромышъ, полчища котораго грабили Константинополь, [—] былъ принужденъ, послѣ одного крупнаго пораженія, заключить мир[ъ въ] 755 г., но уже три года спустя мы опять видимъ его въ окрестностях[ъ] Ѳессалоники, вмѣстѣ съ независимыми македонскими славянами. Каратель[-]ная экспедиція императора Константина окончилась пораженіемъ его [в]

узкомъ проходѣ Берегава, между Анкіаломъ и Варною 759 г., но значеніе этого удара не было столь важно для византійцевъ, какъ можно было ожидать, благодаря вспыхнувшимъ въ Болгаріи внутреннимъ усобицамъ. Всѣ члены прежняго княжескаго дома Дулоидовъ были перебиты и ханомъ былъ провозглашенъ нѣкій Телецъ, молодой человѣкъ, отличившійся своей смѣлостью (760—763). Онъ не замедлилъ напасть со своими болгарами, и въ союзѣ съ славянами, на византійскія земли, но императоръ разбилъ его подъ Анкіаломъ. Вслѣдствіе этой неудачи онъ былъ свергнутъ съ ханства своими возмущенными соотечественниками, избравшими на его мѣсто Савву, зятя прежняго хана Коромыша. Новый властитель, стремясь исправить ошибки своихъ предшественниковъ, желалъ заключить миръ съ имперіей, но и онъ былъ лишенъ ханства, и долженъ былъ искать убѣжища въ Константинополѣ. Его преемникамъ не удалось также помѣшать постоянному росту внутренней смуты и раздоровъ. Ханъ Баянъ долженъ былъ все-таки просить мира въ Константинополѣ (764), а его соперникъ Умаръ, изъ рода Икиль, защищавшій интересы Саввы, послѣ сороконедневнаго ханства, былъ принужденъ бѣжать изъ Болгаріи. Этими обстоятельствами воспользовался императоръ Константинъ чтобы нанести рѣшительный ударъ болгарамъ.

Дойдя до Тундши во время одной изъ своихъ экспедицій, онъ разбилъ на голову, на нижнемъ Дунаѣ новаго хана Токту, павшаго на полѣ битвы вмѣстѣ съ множествомъ бояръ—въ 765 г. Византійскія войска опустошили Болгарію, грабя и сожигая все на своемъ пути. Императоръ повторялъ свои болгарскія экспедиціи и при ханѣ Телерихѣ, хотя не всегда удачно, благодаря различнымъ хитростямъ ловкаго Телериха. Однакоже и этотъ ханъ свергнутый, кажется, враждебнымъ ему дворянствомъ, былъ принужденъ бѣжать въ Константинополь, въ 777 г. къ преемнику Константина—Льву IV (775–780), пожалававшему ему титулъ патриція—и давшему ему въ супруги, послѣ его крещенія, одну изъ византійскихъ принцессъ.

Въ слѣдующій затѣмъ періодъ ходъ событій былъ болѣе благопріятенъ для болгаръ. Уже преемникъ Телериха—Кардашъ четыре раза побѣждалъ войска малолѣтняго Константина IV (780—797), и заставилъ Византію платить ежегодную дань; въ началѣ же 9-го вѣка появляется на болгарскомъ престолѣ одинъ изъ могущественнѣйшихъ властителей этой страны—неутомимо дѣятельный, и жестокій Крумъ (802—814 или 815). Благодаря своимъ завоеваніямъ, онъ стоялъ во главѣ огромной державы—отъ Константинопольской Кампаніи до трансильванскихъ Карпатъ, подчинивъ себѣ также значительную часть Венгріи и являясь такимъ образомъ сосѣдомъ франковъ, незадолго передъ тѣмъ разрушившихъ аварское государство (796). Тріадица (Софія) была также захвачена Крумомъ. Императоръ Никифоръ Ѳока, два года готовившійся къ войнѣ съ болгарами и опустошившій ихъ земли, а также столицу, былъ такъ увѣренъ въ своей силѣ, что отклонилъ предложенные ему Крумомъ переговоры о мирѣ, а между тѣмъ, когда онъ уже находился на возвратномъ пути, войско Крума преградило ему доступъ къ Гемусову проходу, и произошла жестокая б[illegible]тва, въ которой императоръ потерялъ и армію и жизнь (26 іюля 811). I[illegible]слѣдовавшій ему Михаилъ I Рангабе (811—813) не могъ помѣшать б[illegible]лгарамъ уводить въ жестокій плѣнъ къ Круму массы ѳракійскаго населенія и смотрѣлъ безпомощно на захватъ болгарами разныхъ имперскихъ г[illegible]родовъ. Гордая столица должна была также терпѣливо смотрѣть на успѣхи б[illegible]гаръ, оцѣплявшихъ ее со всѣхъ сторонъ—отъ Хризокиры до береговъ I[illegible]пропонтиды. Хотя болгарское осадное искусство не могло справиться съ е[illegible] крѣпкими стѣнами, за то попытка византійцевъ предательски умертвить

Крума во время начатыхъ мирныхъ переговоровъ была наказана жесточайшей расправой взбѣшенныхъ болгаръ съ окрестностями Цареграда. Адріанополь былъ взятъ и множество жителей его уведено въ плѣнъ. Крумъ носился уже съ планомъ общаго похода на Византію всѣхъ ея враговъ, но внезапная смерть спасла имперію отъ ея опаснаго противника. За этими жестокими годами слѣдовалъ опять періодъ затишья.

Послѣ хановъ—Чока (Дукумъ) и Диценга, ничѣмъ особеннымъ себя не проявившихъ, болгарскій престолъ былъ занятъ Омортагомъ (Мортагонъ). Происшедшія перемѣны на сѣверо-западѣ полуострова вынудили новаго хана заключить тридцатилѣтній миръ съ Византіей. Между тѣмъ не только населеніе сербскаго Браничева и Тимока сбросило съ себя болгарское иго и признало власть короля франковъ—Людовика Благочестиваго, но и франки, поразивъ хорватскаго великаго жупана Лжудевита (присоединившаго было къ своимъ владѣніямъ альпійскихъ словенцевъ, послѣ побѣды близъ Кульпы), завладѣли Хорватіей (Кроаціей) и стали неожиданно сосѣдями болгаръ. Омортагу пришлось такимъ образомъ столкнуться съ Людовикомъ Благочестивымъ, съ которымъ онъ воевалъ довольно успѣшно (827—828). Паннонскіе славяне должны были признать власть Омортага, но болгарское господство въ этихъ областяхъ было вообще непродолжительно, и сохранилось лишь въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ устьямъ рѣкъ Дравы и Савы.

Исторія преемниковъ Омортага—хановъ Пресъяма и Маламира, представляется намъ довольно туманной Годы ихъ правленія заняты были различными столкновеніями между болгарами и сербами. Эти послѣдніе, обезсиленные внутренними неурядицами, и слишкомъ примитивной соціальной и государственной организаціей, подвергались различнымъ опасностямъ и угрозамъ со стороны болгаръ и византійцевъ. Тѣмъ не менѣе воинственные сербы сумѣли оградить себя отъ покушеній противниковъ—какъ это доказываютъ между прочимъ пораженія, испытанныя, по примѣру предшественниковъ и Борисомъ, принявшимъ власть въ Болгаріи въ 852 г.

Однакоже борьба изъ-за престола между сыновьями сербскаго князя Властиміра дала ему опять впослѣдствіи предлогъ вмѣшательства въ сербскія дѣла—съ его помощью старшій изъ братьевъ—Мунтиміръ—сталъ единодержавнымъ правителемъ Сербіи. Неудачна была борьба Бориса съ хорватами, такъ же какъ и съ Ѳракіей, въ которой его нападенія были отражены византійцами. Болгары приняли въ это время участіе въ западныхъ столкновеніяхъ, а именно въ качествѣ союзниковъ моравскаго князя Ростислава въ борьбѣ его съ восточно франкскимъ королемъ Людовикомъ нѣмецкимъ. Но послѣ пораженія, нанесеннаго Борису, мы встрѣчаемъ его въ 862 г. въ союзѣ съ Людовикомъ противъ сына послѣдняго—Карломана, возмутившагося съ помощью Ростислава Моравскаго. Послѣ усмиренія этого возстанія, Людовикъ и Борисъ заключили между собой договоръ въ Тульнѣ на Дунаѣ (864) противъ Ростислава—возобновленный впослѣдствіи императоромъ Арнульфомъ въ 892 г.

Правленіе Бориса, мало успѣшное въ военномъ отношеніи, замѣчательно тѣмъ, что въ это именно время болгары приняли крещеніе и, слѣдовательно, вошли въ кругъ тогдашняго культурнаго міра. Слѣдуетъ одна замѣтить, что причины апостольской дѣятельности Бориса, снискавша себѣ признательность духовенства основаніемъ церквей и открывшаго пу новому ученію жестокими насиліями и кровопролитными расправами (дворянствомъ въ особенности), были чисто политическія. Окруженный всѣхъ сторонъ христіанскими государствами, онъ принялъ крещеніе интересахъ самосохраненія. Начавъ прежде переговоры съ папой Николаемъ онъ обратился затѣмъ къ греческой церкви, крестясь въ Византіи, по

чилъ имя Михаила въ честь своего крестнаго отца—императора Михаила III. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ сталъ дѣйствительно ревностнымъ сыномъ православной церкви. Изъ опасенія, чтобы церковная зависимость отъ Византіи не превратилась въ политическую, онъ вступилъ опять въ переговоры съ папою Николаемъ I, и уже въ концѣ 866 г. два римскіе епископа совершали торжественный въѣздъ въ Болгарію,—вслѣдъ затѣмъ, конечно, нужно было ожидать начала новой эры въ церковной жизни этой страны, но близорукая политика папы Адріана II толкнула снова Бориса въ объятія греческой церкви. Напрасно старался послѣ Римъ исправить свою ошибку. Вмѣстѣ съ византійскимъ церковнымъ вліяніемъ началось вообще вліяніе на Болгарію греческой культуры,—изъ Болгаріи же новыя понятія были заимствованы и другими славянами. Послѣ 36-лѣтняго правленія Михаилъ-Борисъ удалился въ монастырь въ 888 г., но четыре года спустя онъ долженъ былъ на время выйти изъ своего уединенія, чтобы спасти отъ паденія государство, управляемое его разнузданнымъ сыномъ и наслѣдникомъ—Владиміромъ, и передать его младшему сыну—Симеону. 2 мая 907 г. умеръ Михаилъ-Борисъ, первый національный святой Болгаріи. Правленіе Симеона (893—927), воспитаннаго въ Константинополѣ и ревностно усвоившаго себѣ разныя отрасли знанія, можно по справедливости назвать золотою эпохою болгарской исторіи—въ это именно время достигаютъ высокой степени развитія, какъ политическая, такъ и литературная жизнь ея. Многолѣтній миръ, старательно оберегаемый Борисомъ, недолго продолжался при Симеонѣ. Высокія пошлины, взимавшіяся византійскимъ правительствомъ, и крайне стѣснявшія болгарскую вывозную торговлю, заставили Симеона объявить войну императору Льву IV Философу (866—911). Послѣ ряда побѣдъ, одержанныхъ болгарскимъ царемъ, Левъ IV былъ принужденъ искать себѣ союзниковъ и нашелъ ихъ въ финско-угорскихъ мадьярахъ.

Полторы тысячи лѣтъ минуло уже съ того времени, какъ угры, оставивъ свою первоначальную родину на рѣкѣ Иртышѣ, стали подвигаться по направленію къ западу. Къ концу 9-аго вѣка они жили уже въ области позднѣйшей Валахіи и Молдавіи. Переправившись на императорскихъ корабляхъ черезъ Дунай, новые союзники, подъ предводительствомъ Ліунта (Арпадова сына), прошли всю Болгарію—до самой столицы—Великаго Преслава (нынѣ Эски-Стамбулъ), предавая все мечу и пламени. Симеонъ поспѣшилъ заключить миръ съ Византіей, чтобы наказать мадьяръ и нанесъ имъ ужасное пораженіе. Въ то же время онъ снесся съ печенѣгами, побуждая ихъ напасть, въ отсутствіи мадьяръ, на ихъ бессарабскія земли. И дѣйствительно, онѣ были опустошены, а оставшіяся тамъ жены и дѣти мадьяръ перебиты. Слѣдствіемъ этого было новое переселеніе мадьяръ (896—97), занявшихъ тогда, во главѣ со своимъ вождемъ Арпадомъ, свои нынѣшнія земли, между тѣмъ какъ печенѣги поселились въ ихъ прежнихъ областяхъ. Страшное пораженіе, испытанное императорскимъ полководцемъ—Львомъ Катакаломъ близъ Булгарофига, нанесенное ему царемъ Симеономъ, привело къ упроченію мирныхъ отношеній между болгарами и византійцами, благопріятно отразившихся на развитіи болгарской литературы. Къ сожалѣнію высокомѣріе византійскаго двора, оскорбившаго между прочимъ болгарскихъ посланниковъ, подало поводъ къ войнѣ 912 г. Адріанополь палъ добычей Симеона и Византія видѣла нѣсколько разъ болгарскія полчища у своихъ воротъ. Византійцы бросались во всѣ стороны въ поискахъ за союзниками—къ печенѣгамъ, мадьярамъ, сербамъ—даже къ арабамъ. Тѣмъ не менѣе битва при Мезембріи 917 г. окончилась полнымъ уничтоженіемъ византійской арміи. Эта большая побѣда подвинула далеко къ югу границы болгарскаго царства. Отъ моря до моря, отъ Олимпа до

Савы, повелѣвалъ теперь Симеонъ, настоящій властитель полуострова, принявшій тогда титулъ, соотвѣтствующій его могуществу и величію (въ 917 г.), а именно: «царя болгарскаго и самодержца греческаго». Царскую корону онъ получилъ изъ Рима. Политическое возвышеніе Болгаріи способствовало также возвышенію ея церкви: вмѣсто прежнихъ архіепископовъ стояли теперь во главѣ болгарской церкви патріархи.

Дрина и Ивара составляли границу Симеонова государства со стороны Сербіи, принужденной также въ это время признать его главенство. Съ помощью захлумійскаго (герцеговинскаго) князя Михаила Бышевича (912—926) онъ захватилъ въ плѣнъ союзника Византіи—великаго жупана Петра и велѣлъ умертвить его, вмѣсто же него отдалъ жупанство Павлу, также одному изъ потомковъ Властиміра. Симеонъ намѣревался затѣмъ присоединить къ своему государству и остальную часть Византіи вмѣстѣ съ Царьградомъ, но его союзъ съ Каирскимъ халифомъ-Фадлуномъ, обѣщавшимъ ему осадить Константинополь съ моря, былъ разстроенъ византійцами, и Симеонъ тѣмъ охотнѣе согласился на предложенный ему Романомъ Лекапеномъ миръ (924 или 926), что сербы старались тогда вернуть себѣ утраченную независимость. Жупанъ Павелъ былъ смѣщенъ, когда же преемникъ его. Захарій, сталъ проявлять стремленія къ освобожденію отъ болгарской власти, Симеонъ опять выступилъ противъ Сербіи, но лишь послѣ вторичнаго похода ему удалось принудить Захарія къ бѣгству въ Кроацію. Походъ противъ Кроатскаго короля Тимислава былъ злополученъ для болгаръ (927). Вскорѣ послѣ него умеръ Симеонъ, самый замѣчательный изъ болгарскихъ монарховъ, полководецъ и ученый, пріобщившій Болгарію къ тогдашнему цивилизованному міру. Къ сожалѣнію, его твореніе слишкомъ тѣсно было связано съ его личностью, вмѣстѣ съ нимъ оно возвысилось, и съ нимъ и погибло.

Преемникомъ могущественнаго монарха былъ его сынъ Петръ (927—969), человѣкъ мирнаго характера, болѣе наклонный къ уединенію чѣмъ къ суровымъ воинскимъ занятіямъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что враги Болгаріи, пользуясь слабостью новаго царя, выжидали лишь удобнаго момента, чтобы унизить столь сильную державу. Хотя съ Византіей и былъ заключенъ миръ, залогомъ прочности котораго долженъ былъ служить бракъ Петра съ византійской принцессой Маріей, внучкой императора Романа Лекапена, отпразднованный съ большой пышностью; хотя Византія признала царскій титулъ Петра, и автокефальность болгарской церкви,—все-таки въ этомъ союзѣ коренилось будущее злополучіе Болгаріи. Противъ византійскаго вліянія, усиливавшагося, какъ въ государствѣ, такъ и въ церкви, возстали консервативные болгары, Симеоновскіе солдаты. Они сгруппировались вокругъ своего вождь—Іоанна, брата Петра. Но византійское оружіе прекратило начавшееся возстаніе и Іоаннъ жилъ съ тѣхъ поръ при Константинопольскомъ дворѣ въ качествѣ византійскаго пансіонера, вмѣстѣ съ супругою, армянкою знатнаго рода. Точно также и возстаніе, затѣянное его старшимъ братомъ Михаиломъ, оставившимъ монастырь, въ которомъ онъ былъ водворенъ отцомъ, не имѣло серьезныхъ послѣдствій, благодаря ранней смерти Михаила.

Внутренними смутами Болгаріи не преминули, конечно, воспользоваться ея сосѣди — прежде всего *сербы*. Продолжая жить разрозненными племенами, сербы, въ большинствѣ своемъ, должны были признать власть болгарскаго Симеона, страшно опустошившаго ихъ области. Теперь же ихъ жупанъ Чеславъ сталъ лишь ждать случая, чтобы возвратить Сербіи прежнію самостоятельность. Печенѣги и мадьяры также вторгались въ предѣлы Болгаріи, опустошая все кругомъ, а между тѣмъ царь Петръ былъ слишкомъ слабъ, чтобы помѣшать разгрому своего государства. Онъ дол-

женъ былъ смотрѣть и на то, какъ бояринъ Шишманъ изъ Тырнова, пользуясь общимъ недовольствомъ противъ бездѣятельнаго царя, завладѣлъ западной частью Болгаріи, — Македоніей и Албаніей послѣ краткаго сопротивленія и образовалъ тамъ новое *западно-болгарское государство*, подъ властью рода Шишманидовъ въ 963 г. Съ своей стороны и византійскій императоръ Никифоръ Ѳока воспользовался всеобщимъ разстройствомъ, чтобы вернуть Имперіи области, отнятыя у слабыхъ императоровъ Симеономъ. Въ то время, какъ онъ вводилъ свои войска въ болгарскія земли, лежащія къ югу отъ Балканъ,—сѣверными землями долженъ былъ завладѣть его союзникъ великій князь Кіевскій—Святославъ. Но этотъ послѣдній оказался вскорѣ такимъ опаснымъ союзникомъ, что Никифоръ предпочелъ заключить съ Петромъ миръ, закрѣпленный двойнымъ бракомъ болгарскихъ принцессъ съ византійскими принцами; кромѣ того Петръ отправилъ своихъ сыновей—Бориса и Романа, въ Константинополь; старшій отъ нихъ наслѣдовалъ отцу подъ именемъ Бориса II (969 г.). Взятый въ плѣнъ Святославомъ, снова перешедшимъ Дунай, онъ былъ послѣднимъ царемъ древне-болгарскаго государства. Хотя Борисъ и былъ освобожденъ изъ русскаго плѣна византійскимъ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ, и гордый русскій князь былъ принужденъ оставить страну, въ которой онъ надѣялся утвердиться, однако же надежды Бориса на возвращеніе ему болгарскаго престола потерпѣли жестокое крушеніе. Болгарія стала теперь лишь провинціей византійской имперіи, простиравшейся опять до Дуная. Борисъ долженъ былъ довольствоваться титуломъ *магистра* (magister), между тѣмъ какъ побѣдитель пожертвовалъ взятую имъ болгарскую корону, въ «Гагію Софію». Такимъ образомъ древнеболгарское государство, послѣ 300-лѣтняго существованія, вошло опять въ составъ Византійской имперіи.

Только западная Болгарія продержалась еще самостоятельно около полувѣка, подъ властью Шишманидовъ, а внутреннія смуты въ имперіи, послѣ смерти императора Цимисхія, обезсилившія Византію, дали возможность дѣятельному царю Самуилу (976—1014) расширить границы его государства къ сѣверу и востоку. Самуилъ былъ младшимъ изъ сыновей Шишмана I-го. Старшій изъ нихъ Давидъ, палъ въ битвѣ подъ Касторіей съ валашскими кочевниками, Моисей — погибъ во время нападенія на Серресъ, а расположенный къ грекамъ Ааронъ былъ умерщвленъ Самуиломъ. Послѣ смерти Цимисхія (976) жестокія возстанія разрушили опять могущество византійскаго государства. Во время возстанія Варда Склероса, усмиряемаго византійскими войсками, Самуилъ опустошалъ Ѳракію и дошелъ до Ѳессаліи и Эллады. Но онъ встрѣтилъ мощнаго противника въ лицѣ молодого императора Василія II. поставившаго себѣ главной задачей окончательное покореніе болгаръ. Онъ былъ дѣйствительно поглощенъ ея осуществленіемъ въ теченіе своего правленія. Эта борьба впрочемъ происходила съ большими и меньшими перерывами, такъ какъ императоръ былъ часто отвлекаемъ иными предпріятіями, возстаніями въ Азіи, русскими дѣлами, а также арабскими—въ Сициліи. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, удалось Самуилу, послѣ перваго неудачнаго похода Василія II (981) использовать пятнадцатилѣтній періодъ мира. для расширенія западныхъ границъ своего государства. Онъ завладѣлъ г. Дураццо и частью Адріатическаго побережья, между тѣмъ какъ сосѣди его на сѣверѣ—кроаты стремились съ своей стороны подвинуть къ югу свои приморскія владѣнія. Острова и прибрежные города, съ ихъ романскимъ еще населеніемъ, въ томъ числѣ и Венеція, спасали свободу своей торговли лишь уплатою дани кроатскому царю, а преемники Тимислава Кроатскаго—Кризиміръ и Мирославъ имѣли въ своемъ распоряженіи не только сильную армію, но и

могущественный флотъ. Самуилъ подчинилъ также себѣ, въ качествѣ вассала, и сербскаго князя Іоанна-Владиміра.

Въ 996 г. возобновились враждебныя дѣйствія между императоромъ Василіемъ и Самуиломъ болгарскимъ. Самуилъ, проникшій до самаго Пелопоннеса, былъ принужденъ византійскими войсками къ отступленію; разбитый на голову близъ Шперхея онъ съ трудомъ спасся самъ-другъ, пробравшись въ свою крѣпость Преспасію. За этимъ пораженіемъ слѣдовали и другія, во время позднѣйшихъ походовъ, такъ что подъ властью Самуила остались лишь Западная Македонія, Албанія и окрестности Софіи. Никакія усилія Самуила не могли спасти его государство отъ паденія, но ему не суждено было пережить этого удара. 20 іюля 1014 года его армія была окончательно уничтожена подъ Бѣласицей—горой въ западной Болгаріи, самъ же царь съ трудомъ спасся бѣгствомъ въ Прилѣпъ. Василій велѣлъ ослѣпить плѣнныхъ болгаръ, давая каждой сотнѣ слѣпыхъ по одному одноглазому въ провожатые—и отпустилъ ихъ такимъ образомъ на родину. Это страшное зрѣлище подѣйствовало такъ удручающе на Самуила, что онъ лишился чувствъ и умеръ отъ сердечнаго припадка (1014 г.). Напрасно сынъ и наслѣдникъ Самуила, Гавріилъ (1014—1015) предлагалъ побѣдоносному императору заключеніе мира. Болгарія должна была опять войти въ составъ имперіи. Окончательное разрѣшеніе этой задачи облегчили императору кровопролитныя катастрофы въ болгарскомъ царственномъ домѣ. Гавріилъ палъ отъ руки своего двоюроднаго брата Іоанна-Владислава, продолжавшаго войну по настоянію бояръ. Въ 1018 г. онъ палъ въ битвѣ подъ Дураццо. Послѣ отчаянной сѣчи въ албанскихъ горахъ долженъ былъ сложить оружіе и его сынъ и преемникъ—Фружинъ. Теперь только взяла верхъ партія мира, съ царицей Маріей и патріархомъ Давидомъ во главѣ. Въ своемъ Охридскомъ лагерѣ, побѣдитель принялъ болгарское посольство, въ составъ котораго входили и члены царской семьи. Богатая государственная сокровищница стала достояніемъ императора. Василій былъ настолько уменъ, что подтвердилъ требуемыя болгарами привилегіи. Болгарская церковь, во главѣ которой опять, вмѣсто патріарха, долженъ былъ стоять архіепископъ, сохраняла свое самоуправленіе. Кромѣ того пожалованные въ большомъ числѣ титулы, облегчали также до извѣстной степени новымъ подданымъ ихъ положеніе. Болгарія была раздѣлена на «темы»—округа, во главѣ которыхъ стояли ежегодно мѣняемые стратеги, начавшіе вскорѣ затѣмъ сурово угнетать и эксплуатировать вновь присоединенныя земли. Царство болгарское перестало существовать. Сербскіе князья и царь кроатовъ—Кресиміръ должны были также признать верховную власть Василія византійскаго.

* *
*

Въ то время, когда исторія сѣверной части Балканскаго полуострова отличалась столь яркимъ и жестокимъ характеромъ, — исторія юга представляется гораздо болѣе пассивной. Однажды только южные греки вмѣшались активно въ дѣла государства, и выказали себя еще самостоятельнымъ, необезличеннымъ византійскою властью народомъ, а именно во время смѣлой борьбы, предпринятой императоромъ Львомъ III съ иконопочитаніемъ, выродившимся тогда почти въ идолопоклонство. Вопросъ этотъ волновалъ тѣмъ болѣе грековъ, что античныя переживанія и воспоминанія были особенно сильны среди нихъ въ формахъ христіанства, древніе и боги и герои были лишь слегка покрыты христіанскимъ лакомъ. Реформы Льва, вызванныя стремленіемъ очищенія христіанства отъ чуждыхъ е[...] элементовъ, были причиной общаго мятежа на всемъ, почти спеціаль[...]

увлеченномъ культомъ иконъ, древне греческомъ югѣ. Вся эллинская территорія, до островевъ включительно, приняла въ немъ участіе. Въ лицѣ Козьмы былъ избранъ другой императоръ и привязанные къ античной традиціи панэллины, снарядивъ флотъ, двинулись еще разъ на столицу (727). Но это антично-христіанское предпріятіе не могло устоять противъ знаменитаго «греческаго огня» и болѣе совершенной византійской техники. Когда же папа Григорій III, во время римскаго собора 731 г., предалъ анаѳемѣ иконоборцевъ, императоръ отвѣтилъ съ своей стороны распоряженіемъ, въ силу котораго освобождалась изъ-подъ духовной власти папы Южная Италія, всѣ земли на востокъ отъ Адріатики съ Эпиромъ, Ѳессаліей и Элладой и передавались подъ управленіе константинопольскаго патріарха.

Къ этому времени относится дальнѣйшее развитіе того широкозахватывающаго процесса, благодаря которому совершились столь важныя перемѣны въ этнографическомъ составѣ полуострова, и границы которого можно опредѣлить и теперь, изучая названія мѣстностей, сохранившіяся съ тѣхъ поръ. Славянскія племена, нашедшія уже раньше путь къ Пелопоннессу, должны были тѣмъ интенсивнѣе подвигаться къ южнымъ областямъ Греціи, что ихъ вытѣсняли изъ прежней территоріи болгары, распространявшіе тогда свои владѣнія. Успѣхи славянскихъ пришельцевъ облегчались еще и тѣмъ неблагопріятнымъ для мѣстнаго греческаго элемента обстоятельствомъ, что значительная часть эллинскихъ гражданъ была переселена императоромъ Константиномъ V въ столицу, для возмѣщенія громадныхъ потерь въ ея народнаселеніи, послѣ ужасной эпидеміи чумы. Въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣка, славянскія вторженія достигли наибольшихъ размѣровъ.

Въ Ѳессаліи лишь большіе города не были славянизированы, въ Беотіи, Ѳокидѣ и Локридѣ славянскія поселенія были весьма многочисленны, но главнымъ образомъ славянскій элементъ утвердился въ Пелопоннесѣ, раздѣливъ его, по своему обычаю, на жупанства, названія которыхъ продолжаютъ и теперь еще жить въ устахъ народа.

Центральное греческое правительство, желая сохранить эти области съ ихъ прежнимъ греческимъ населеніемъ, противодѣйствовало различнымъ образомъ этому росту славянскаго могущества. Однако, походъ императрицы Ирины (783) не имѣлъ серьезныхъ послѣдствій, и отразился такъ слабо на дѣлахъ Пелопоннеса, что уже при ея преемникѣ Никиѳорѣ славяне подняли общими силами знамя возстанія, цѣлью котораго было вытѣсненіе изъ страны греческаго элемента.

Однако, несмотря на поддержку, оказываемую славянамъ африканскими арабами, греческіе портовые и приморскіе города продолжали такъ храбро защищаться, что славяне должны были отказаться отъ своего предпріятія, главнымъ образомъ, благодаря героизму городского населенія Патраса. Убѣдившись, впрочемъ, тогда въ невозможности вооруженнаго вмѣшательства со стороны центральнаго правительства, занятаго другими войнами, славяне повторили свое широко задуманное возстаніе, но и оно было подавлено, хотя не раньше, какъ при императрицѣ Ѳеодорѣ,—полководцемъ Ѳеоктистомъ Вріеніемъ, заключившимъ свой походъ полной побѣдой надъ славянами и разгономъ ихъ политическихъ союзовъ (849). Впрочемъ, Тайгетскимъ славянамъ, Милингерцамъ и Черитамъ были предоставлены нѣкоторыя вольности, взамѣнъ наложенной на нихъ дани.

На этой почвѣ, добытой мечомъ, продолжала свое строительство церковь съ ея миссіонерской дѣятельностью. Главной заслугой ея является возстановленіе въ этихъ областяхъ значенія греческаго элемента, а затѣмъ его окончательная побѣда. Повсюду были основаны монастыри, къ ко-

торымъ примыкали новыя греческія поселенія. Такимъ образомъ, отличительной чертой IX-го вѣка является новая эллинизація смѣшаннаго населенія, въ половинѣ же X-го вѣка процессъ поглощенія славянскихъ элементовъ эллинизмомъ можно уже считать въ общемъ законченнымъ.

Но едва такимъ образомъ была устранена славянская опасность, наступила очередь новыхъ ужасныхъ страданій, какъ для береговой полосы греческаго материка, такъ и для островов. Они стали теперь подвергаться разбойнымъ нападеніямъ андалузскихъ арабовъ. завладѣвшихъ Критомъ, и основавшихъ тамъ независимое арабское владѣніе, а также и другихъ пиратовъ, прежде всего ренегата Льва Триполиса, захватившаго даже Салоники. Во время слабаго императора Льва VI (886—912), эти пираты хозяйничали вполнѣ свободно на всемъ Эгейскомъ морѣ. Вслѣдствіе этого, греческое населеніе острововъ переселялось въ болѣе безопасныя мѣстности материка. Нѣкоторое успокоеніе, однако, замѣчалось съ тѣхъ поръ, какъ Іоаннъ изъ Триполиса былъ разбитъ у Лемноса адмираломъ Іоанномъ Радиномъ 924 г. Береговыя полосы съ ихъ гаванями испытали также несчастья военнаго времени, когда болгарскій царь Симеонъ сталъ простирать въ глубь Эллады свои нападенія. Точно также и смуты, возникшія при его слабомъ преемникѣ Петрѣ, внутри Болгаріи, тяжело отражались на греческомъ сѣверѣ. Важнѣйшимъ, однако, событіемъ для грековъ X-го вѣка было новое завоеваніе острова Крита Никифоромъ Ѳокою (960), благодаря которому, какъ собственно Греція, такъ и ея острова почувствовали себя опять въ безопасности. Дальнѣйшимъ обезпеченіемъ спокойствія страны было завоеваніе Никитою Халкуціемъ острова Кипра (964); въ царствованіе же энергичнаго Никиѳора Ѳоки, а также Іоанна Цимисхія замѣтнымъ образомъ возрасло благосостояніе греческихъ областей. Правда, широкія притязанія царей западно болгарской державы, въ особенности Самуила Шишмана, причинили Греціи не мало тяжелыхъ моментовъ, напримѣръ, когда Самуилъ, намѣреваясь присоединить Грецію къ своей державѣ, дважды подвергъ ее опустошенію, доходя до границъ Пелопоннеса. Но успѣхи болгаръ были не продолжительны. Императоръ Василій, разбивъ и уничтоживъ болгарскую армію близъ Шперхея и въ Албанскихъ горахъ, возносилъ благодарственныя молитвы на Аѳинскомъ Акрополѣ — съ тѣхъ поръ начались и для Греціи новые, счастливые дни.

ГЛАВА IV.

Византійскія дѣла до покоренія Константинополя турками. Основаніе Сербскаго и второго Болгарскаго государствъ.

Послѣ того общаго подъема, которымъ византійская держава была обязана Василію II, раздвинувшему опять ея предѣлы, наступилъ періодъ упадка и разложенія, вызваннаго, главнымъ образомъ, придворными интригами и правленіемъ женщинъ. Это дало возможность печенѣгамъ трижды переходить Дунай и ужаснымъ образомъ разорять византійскую имперію. Славяне пришли тогда въ свою очередь къ убѣжденію, что настало время вернуть утраченную свободу. Въ старомъ гнѣздѣ сербск[illegible] независимости — въ «Черной горѣ» началось новое освободительное д[illegible] женіе. Здѣсь именно Стефанъ Войславъ, женатый на внучкѣ болгарск[illegible] царя Самуила, и владѣтель Зеты и Травуни, удачно выступилъ проти[illegible] византійскаго господства и уничтожилъ въ 1040 г. византійскую армі[illegible] Точно такъ же и сѣверныя. боснійскія земли объявили себя независимы[illegible] подъ властью собственныхъ жупановъ. Пользуясь благопріятнымъ мом[illegible] томъ, болгары также поспѣшили отдѣлиться отъ Византіи и провозг[illegible]

сили царемъ (1040) Петра Делеана, сына умерщвленнаго царя Гавріила. Западные славяне и албанцы сплачивались вокругъ Тихоміра, но онъ долженъ былъ послѣ подчиниться Делеану и, наконецъ, палъ подъ ударами камней своихъ прежнихъ приверженцевъ. Такимъ образомъ, Делеанъ, единственный повелитель болгаръ, расположился вокругъ Ѳесалоники, храбрые граждане которой, во время одной вылазки, нанесли жестокое пораженіе его воинамъ. Все почти славянское населеніе приняло постепенно участіе въ возстаніи, къ которому, повидимому, присоединились затѣмъ и греки. Уже въ 1026 г. чрезмѣрное бремя податей вызвало въ Навпактосѣ взрывъ народнаго гнѣва, закончившійся бунтомъ, впослѣдствіи же недовольство охватило все болѣе и болѣе широкіе круги и болгары могли дойти до Ѳивъ, гдѣ и нанесли серьезное пораженіе стратигу Алакассію. Историки, основываясь на ложномъ толкованіи рунической надписи на колосальномъ древнемъ львѣ, стоявшемъ нѣкогда у входа въ Пирей и перевезенномъ въ Венецію Морозини (гдѣ онъ стоитъ и до сихъ поръ у воротъ арсенала), приводили въ связь подавленіе этого возстанія съ византійской службой норвежскаго принца Гаральда Гардрада, сына короля Сигурда. Этотъ принцъ весьма успѣшно боролся тогда съ италійскими и африканскими сарацинами, не только на Эгейскомъ морѣ, но и внутри ихъ собственныхъ странъ. Конецъ возстанія, въ которомъ, повидимому, принимали участіе и Аѳины, былъ ускоренъ разрывомъ между Делеаномъ и Алузіаномъ, младшимъ братомъ болгарскаго царя Іоанна Владислава, бѣжавшимъ изъ Арменіи, гдѣ онъ находился на византійской службѣ, къ Делеану, сдѣлавшему его своимъ соправителемъ. Когда же онъ отплатилъ за это ослѣпленіемъ Делеана (напоивъ его раньше), онъ долженъ былъ бѣжать въ Константинополь, спасаясь отъ народной мести. Оставшись, такимъ образомъ, безъ вождя, болгары терпѣли всюду пораженія — и къ исходу 1041 г. болгарское возстаніе окончательно было усмирено. Только Стефану Войславу удалось сохранить свободу и независимость въ недоступныхъ горахъ его области.

Недолго продолжался періодъ мира и въ придунайскихъ областяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ печенѣги, тѣснимые тюркскими *узами* или куманами (половцами), оставили свои прежнія поселенія, простиравшіяся отъ нижнедунайскихъ степей вплоть до Крыма, въ 1048 г. перешли Дунай, Болгарія 1048—1053 г. сдѣлалась ареною борьбы между византійцами и печенѣжскимъ ханомъ Тирахомъ. Они были разбиты, но значительная часть ихъ поселилась въ окрестностяхъ Нишу, Софіи и Овчеполя, въ сѣверной Македоніи. Вскорѣ затѣмъ, однако, они поднялись опять, усиленные новыми ордами, и со всей свойственной имъ дикостью грабили и разрушали страну до самаго Адріанополя. Лишь съ громаднымъ трудомъ удалось византійцамъ одолѣть ихъ. Еще большею жестокостью отличались слѣдовавшіе за ними дикіе наѣздники — узы и куманы (половцы), перешедшіе Дунай въ 1065 г., опустошившіе Болгарію и проникшіе въ самую Грецію, черезъ Салоники. Впослѣдствіи печенѣги, такъ же какъ и куманы, являются союзниками болгаръ, пытавшихся постоянно сбросить съ себя византійское иго и обрѣсти такую же свободу, которой пользовались тогда сербскіе подданные царя Михаила (1050—1084). Михаилъ заручился поджской Рима, отъ котораго онъ и получилъ свой царскій титулъ. По глашенію болгаръ, сынъ его Константинъ Бодинъ сталъ царствовать Болгаріи и они надѣялись, что онъ сумѣетъ добыть имъ независимость. новый царь, принявшій имя Петра, не былъ счастливъ. Взятый въ плѣнъ зантійцами, онъ былъ вывезенъ ими въ Антіохію, въ Сирію, но бѣжалъ уда. съ помощью венеціанцевъ, къ своему отцу въ Скодру. Болгарскія станія повторялись постоянно и въ послѣдующемъ періодѣ. Что касается

печенѣговъ и кумановъ, то ихъ опустошительныя вторженія продолжались до тѣхъ поръ, пока они, окончательно разбитые (печенѣги—въ битвахъ подъ Лебуніономъ и Верхеей (въ 1091 и 1122), куманы же въ битвѣ подъ Таврокоманомъ (1094) не исчезли изъ исторіи. Вмѣсто нихъ, по нижнему Дунаю, появляются тогда румыны, заселяющіе позднѣйшую Валахію. Въ то время какъ дакійско-римское населеніе лишь въ молдавскихъ и трансильванскихъ горахъ могло сохранить въ общемъ свою этнографическую неприкосновенность, жители Бессарабіи, Добруджи и Валахіи поддавались сильному вліянію славянскихъ и урало-алтайскихъ народовъ, которые смѣнили пребывавшихъ здѣсь по очереди — готовъ, гунновъ, гепидовъ и аваръ.

Послѣ того, какъ русскія княжества настолько усилились, что могли служить оплотомъ противъ завоевательныхъ вожделѣній этихъ среднеазіатскихъ кочевниковъ, послѣ того, какъ мадьяры обрѣли себѣ прочную политическую форму, организовавъ королевство, наступила эпоха спокойствія. Дако-римское населеніе горныхъ областей воспользовалось наступившимъ затишьемъ, чтобы вовлечь въ процессъ образованія новаго румынскаго народа обитателей обширныхъ равнинъ въ сѣверной части нижняго Дуная. Въ горахъ Трансильваніи—этой колыбели румынскаго народа, возникли въ теченіе 10 и 11 вѣковъ маленькія удѣльныя владѣнія (Банатъ), сохранявшія свою независимость, несмотря на всѣ покушенія къ ихъ разгрому, между тѣмъ, какъ соплеменники ихъ, населявшіе равнины и долины рѣки Тиссы, должны были признать надъ собою власть мадьяръ.

Несмотря на то, что во главѣ Византійской Имперіи стояли и такіе могущественные властители, какъ Алексѣй I, Іоаннъ и Мануилъ Комнены, и они лишь съ величайшими усиліями могли охранять ее отъ угрожавшихъ ей со всѣхъ сторонъ враговъ. Тяжелыя послѣдствія нападеній норманновъ, начавшихся въ царствованіе Алексѣя I, отразились прежде всего на Греціи. Когда Робертъ Гвискаръ, овладѣвъ Дирракіономъ, поручилъ своему сыну Боэмунду продолженіе войны; этотъ послѣдній утвердился въ Эпирѣ, затѣмъ пройдя Македонію, онъ очутился въ Ѳессаліи и осадилъ ея столицу Лариссу. Хотя союзъ Алексѣя съ венеціанцами и разрушилъ широкіе планы Роберта Гвискара, тѣмъ не менѣе, въ эпоху перваго крестоваго похода, возобновились враждебныя дѣйствія,—при наслѣдникѣ Роберта, Боэмундѣ, а именно—греческіе острова—Корфу, Кефалонія, Левкадія, Сакинтосъ были ограблены союзниками Боэмунда—пизанцами.

Но когда, вслѣдствіе различныхъ неудачъ, Буэмундъ долженъ былъ принести ленную присягу Алексѣю—норманнская опасность перестала угрожать государству. За то оно должно было считаться съ новымъ грознымъ врагомъ—съ прежними союзниками, венеціанцами. Республика, пользовавшаяся уже различными привилегіями и вольностями, и освободившаяся при дожѣ Джустиніано отъ послѣднихъ слѣдовъ зависимости отъ Византіи, выжидала лишь удобнаго случая, чтобы завладѣть византійской державой и занять ея мѣсто. Ея притязанія и высокомѣріе заставили Іоанна Комнена отказаться отъ договоровъ съ нею. Сильная своимъ флотомъ, Венеція отвѣчала ему въ 1124 году морской войной, причинившей опять въ первую голову много страданій греческимъ островитянамъ. Хіосъ сталъ центральнымъ пунктомъ военныхъ дѣйствій венеціанцевъ на Эгейскомъ морѣ, а также дѣйствій, направленныхъ противъ береговъ Пелопоннеса. Недостатокъ г рядочнаго флота заставилъ наконецъ Іоанна признать опять за венеціа цами ихъ прежнія торговыя привилегіи.

Въ общемъ однако, эти военныя столкновенія довольно поверхност задѣвали Грецію, такъ что она все-таки по своему благостоянію считала одной изъ лучшихъ провинцій имперіи. Но въ царствованіе Мануила

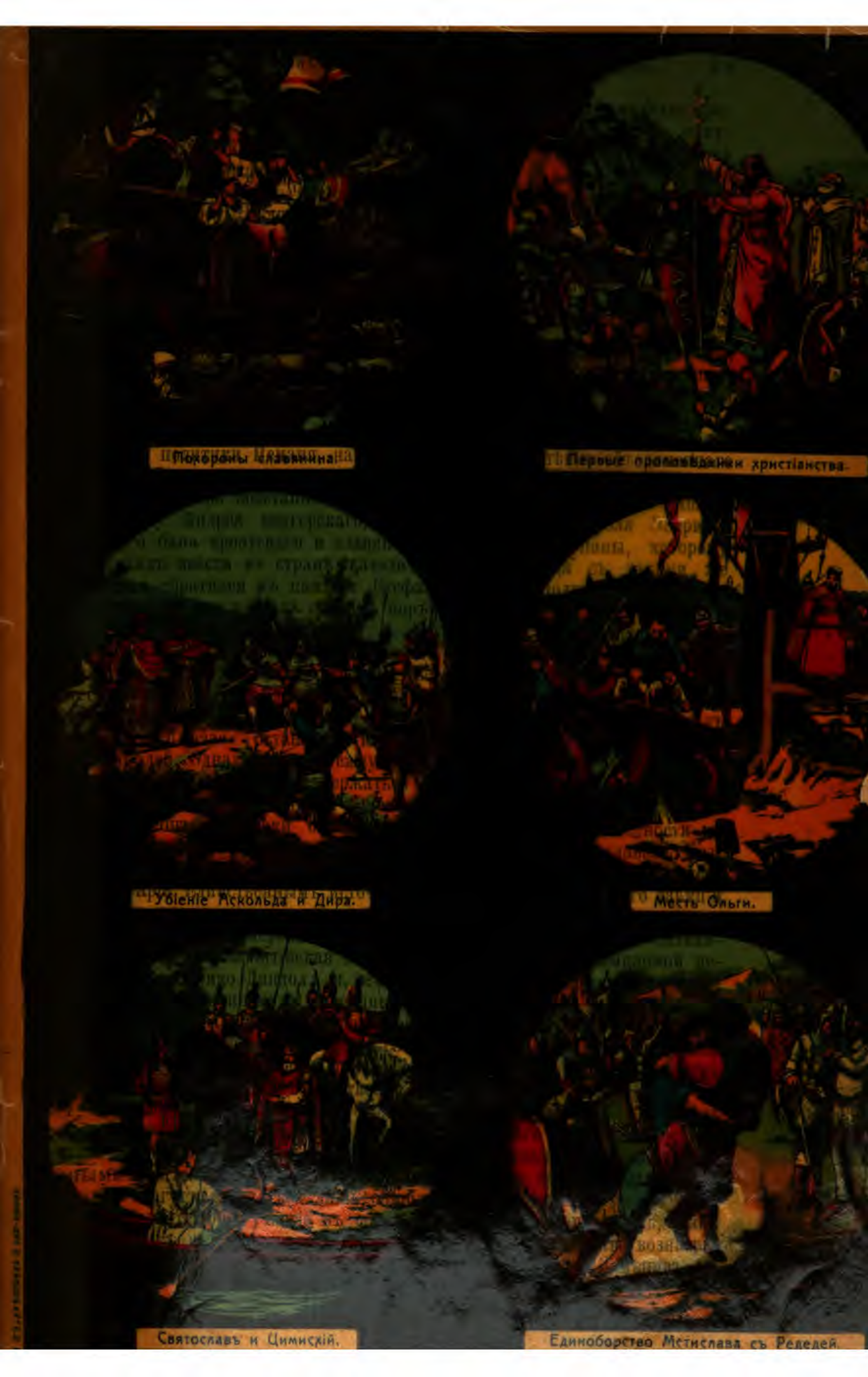
Комнена ей пришлось глубже почувствовать норманнскія наступленія. За рѣзкій отказъ въ рукѣ византійской принцессы сыну Роджера II, за оскорбленіе, нанесенное его чести, должна была прежде всего отвѣчать богатая Греція; моментъ для этого былъ избранъ тѣмъ удачнѣе, что вниманіе императора было поглощено вторымъ крестовымъ походомъ. Корфу, возмущенное византійскимъ податнымъ гнетомъ, открыто передалось норманнамъ. Но эти послѣдніе, ограбивъ нѣкоторыя мѣстности въ Аттикѣ и Эвбеѣ, дѣйствовали сначала не особенно успѣшно, въ Менембазіи они встрѣтили даже серьезное противодѣйствіе. За то послѣ, направившись въ Коринѳскій заливъ и жестоко опустошивъ западные берега, они высадились и, дойдя до цвѣтущихъ Ѳивъ, знаменитыхъ шелковыми фабриками, предали ихъ ужасному разгрому. Въ числѣ уведенныхъ плѣнныхъ было не мало рабочихъ и людей, свѣдущихъ въ шелковой промышленности, которые и должны были насаждать эту отрасль производства во владѣніяхъ Роджера. Благодаря трусости коринѳскаго коменданта, и этотъ городъ вмѣстѣ со своимъ акрополемъ попалъ въ руки норманновъ, къ ихъ собственному удивленію. Норманнскій флотъ съ богатымъ грузомъ оставилъ гавань Лехайонъ, а *Ponte dell'Ammiraglio* напоминаетъ и до сихъ поръ объ этомъ походѣ съ греческою добычею, которому она обязана своимъ происхожденіемъ. Лишь въ 1158 году, послѣ того какъ Мануилъ перенесъ войну на италіанскую почву, былъ заключенъ миръ,—но монополія греческаго шелковаго производства была уже потеряна для Византіи. Впослѣдствіи опять іонническіе и эгейскіе острова должны были выдерживать натискъ враговъ Византіи, прежде всего венеціанцевъ, ставшихъ въ особенности непримиримыми противниками грековъ съ тѣхъ поръ, какъ они разнесли франкскія кварталы Венеціи во время дикаго возстанія въ царствованіе Андроника Комнена. Вообще, ненависть между двумя элементами — греческимъ и латинскимъ постоянно увеличивалась съ теченіемъ времени. Затѣмъ и норманнскій король Сициліи Вильгельмъ II (1166—1189). рѣшилъ воскресить планы Роберта Гвискара, и хотя въ конечномъ результатѣ онъ и не имѣлъ успѣха, все-таки острова Кефалонія и Закинтосъ были оторваны отъ Византіи.

Такъ же и на сѣверѣ государства—мадьяры и сербы оттягивали отъ него область за областью. Въ Сербіи игралъ большую роль въ 1120 г. рассскій жупанъ Урошъ, или Бела Урошъ, ставшій родоначальникомъ владѣтельнаго рода Неманей, которому удалось сплотить въ одно государство разрозненныя, но союзныя сербскія княжества и править тамъ въ теченіе 200 лѣтъ. Съ помощью Уроша венгерскій король Бела II, его зять, отнялъ отъ византійцевъ Семендрійскую область до Тимока, а также завладѣлъ Босніей. Съ тѣхъ поръ венгерскіе короли стали также именоваться королями рамы (Рама—притокъ Наренты). Партикуляризмъ и сепаратистическія тенденціи, столь легко развивавшіеся на почвѣ древнеславянскаго семейнаго и родового быта, должны были все-таки и у сербовъ уступить мѣсто стремленіямъ къ государственному объединенію. Заслуга устраненія всѣхъ препятствій, мѣшавшихъ до того образованію одного сербскаго государства, принадлежитъ сыну Уроша, Стефану I Неманѣ. Несмотря на то, что онъ былъ младшимъ изъ братьевъ, ему удалось, съ помощью императора Мануила I Комнена, занять жупанаръ Рассу—а вмѣстѣ съ нимъ пріобрѣсти и главную власть, санкціонированную Мануиломъ I, послѣ ленной присяги, принесенной ему Стефаномъ. (1165). Побѣдивъ жестоко боровшихся съ нимъ родственниковъ и противодѣйствовавшихъ ему жупановъ, Неманя соединилъ подъ своей властью почти всѣ области съ сербскимъ населеніемъ, за исключеніемъ Босніи, въ одну наслѣдственную монархію, а затѣмъ освободилъ ее и отъ византійскаго

протектората. Считая себя освобожденнымъ отъ ленной присяги послѣ смерти Мануила I (1180 г.), онъ присоединилъ также къ своему государству, съ поддержкой венгерскаго короля Белы II, различные сербскіе округа, захваченные прежде Византіей. Во время болгарскаго возстанія онъ выступилъ въ роли противника Византіи. На этотъ разъ причиной возстанія были новые сборы, наложенные на совершенно обѣднѣвшую страну, по случаю готовившагося брака императора Исаака II Ангела съ дочерью Белы III Маргаритой, и взимаемые съ болгаръ и валаховъ въ особенности крайне безжалостно. Во главѣ всеобщаго движенія стояли братья—Петръ и Іоаннъ Асѣни. На одномъ собраніи, охваченномъ необыкновеннымъ религіознымъ энтузіазмомъ, и происходившемъ въ основанной Асѣнидами церкви св. Димитрія въ Тырновѣ, было рѣшено приступить къ военнымъ дѣйствіямъ подъ начальствомъ Петра, провозглашеннаго 1186 г. «царемъ болгаръ и грековъ». Въ то же время и болгарская церковь была объявлена независимой, во главѣ съ архіепископомъ, вполнѣ самостоятельно поставленнымъ въ Тырновѣ. Хотя первый періодъ возстанія окончился для болгаръ неудачно, и ихъ предводители должны были бѣжать черезъ Дунай къ куманамъ, но уже въ 1187 г. Іоаннъ вернулся, ведя за собой этихъ опасныхъ союзниковъ, и тяжкія обстоятельства, въ которыхъ находилась тогда Византійская Имперія, до такой степени облегчили ему его задачу, что вскорѣ опять могла появиться независимая Болгарская держава между Дунаемъ и Балканами. Въ то время какъ болгары безпокоили постоянно своими нападеніями Ѳракію, ихъ союзники, сербы, водворились подъ начальствомъ Неманей въ Албаніи и Македоніи. Только послѣ того, какъ была захвачена въ плѣнъ византійцами болгарская царица были прекращены военныя дѣйствія.

Когда германскій императоръ Фридрихъ I Барбаросса, предпринявъ въ 1189 г. крестовый походъ, совершалъ свой путь въ предѣлахъ Балканскаго полуострова, сербы и болгары вошли съ нимъ въ дружескія сношенія. Неманя пріѣхалъ къ нему въ Нишъ, и, повидимому, высказывалъ желаніе признать его своимъ сюзереномъ. Этотъ планъ съ одной стороны обѣщалъ ему могущественную поддержку противъ Византіи, съ другой, вслѣдствіе большого разстоянія, отдѣляющаго его владѣнія отъ германской имперіи, обезпечивалъ ему полную независимость. Асѣниды также предложили Фридриху свою помощь противъ Константинополя, взамѣнъ за пожалованіе императорскаго титула и императорской короны Петру. Но Фридрихъ, стремясь къ осуществленію своей собственной цѣли, не желалъ раздражать византійцевъ и отклонилъ оба эти предложенія. Въ то время, когда Неманя помирился наконецъ съ Византіей и женилъ даже своего сына Стефана на императорской племянницѣ Евдокіи, болгары напротивъ того возобновили борьбу въ 1190 г. Борьба эта сопровождалась тѣмъ большимъ успѣхомъ, что въ Византіи опять возникли смуты изъ-за престолонаслѣдія. Исаакъ былъ свергнутъ съ престола и ослѣпленъ своимъ братомъ Алексѣемъ III. Іоаннъ Асѣнь одерживалъ одну побѣду за другой, до тѣхъ поръ, пока онъ неожиданно не былъ умерщвленъ въ новой столицѣ Болгаріи, Тырновѣ (1194), однимъ изъ бояръ—Иванкою изъ Радопа (1196 г.). Петръ поспѣшилъ въ Тырново и принялъ правленіе вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ Іоаниссою (Колояномъ). Когда же и онъ палъ отъ руки убійцы (1197 г.), сталъ править уже единодержавно, враждебный грекамъ, жестокій Іоанисса (1197—1207).

Въ союзѣ съ куманами онъ возобновлялъ ежегодно свои нападенія на Македонію и Ѳракію, доводя часто свои разбойничьи полчища до самой столицы. Между тѣмъ въ западно-македонской горной области, у Вардара, нѣкій бояринъ Добромиръ Стрецъ, основалъ себѣ также на визан-



Похороны славянина.

Первые проповѣдники христіанства.

Убіеніе Аскольда и Дира.

Месть Ольги.

Святославъ и Цимисхій.

Единоборство Мстислава съ Редедей.

Первые проповѣдники христiанства
Похороны славянина
Месть Ольги.
Убiенiе Аскольда и Дира.
Единоборство Мстислава съ Редедей.
Святославъ и Цимисхiй.
Исторiя русскаго народа.

тійской почвѣ независимое княжество (1199), которое и долженъ былъ предоставить ему императоръ Алексѣй. Точно такъ же Алексѣй былъ вынужденъ заключить миръ съ Колояномъ, царство котораго простиралось отъ Бѣлграда (принадлежащаго болгарамъ), до устьевъ Дуная и отъ верхняго Вардара до Агаѳополя на Черномъ морѣ. Пограничная линія съ Сербіей направлялась черезъ Бѣлградъ—Мораву—Нишаву. Миръ былъ тѣмъ нужнѣе Колояну, что его не только перестали уже поддерживать союзники куманы,—но и король венгерскій Эмерихъ (1196—1204) оказался очень неудобнымъ сосѣдомъ. Онъ вмѣшивался также, умѣло пользуясь обстоятельствами, и въ сербскія дѣла. Здѣсь въ 1195 Неманя, отказавшись отъ престола, передалъ его въ многочисленномъ народномъ собраніи своему старшему сыну—Стефану II Неманѣ (1195—1224). Второму же сыну Вуку (Влкъ) отдалъ старое родовое владѣніе - Зету. Самъ онъ, постригшись въ монахи подъ именемъ Симеона, удалился сначала въ построенный имъ Студеницкій монастырь, а затѣмъ, спустя два года,—на Афонъ, гдѣ и умеръ въ имъ же построенномъ Хиландарскомъ монастырѣ. Сыновья не продолжали политики Неманя, направленной къ укрѣпленію объединеннаго сербскаго государственнаго организма. Наоборотъ, прежній сепаратизмъ проявился опять во возстаніи Вука противъ старшаго брата. Вукъ нашелъ поддержку у Андрея венгерскаго,—брата венгерскаго короля Эмериха, тогдашняго бана кроатскаго и славянскаго, а также у папы, которому онъ обѣщалъ ввести въ странѣ католичество. Но когда съ такими же обѣщаніями обратился къ папѣ и Стефанъ—онъ и получилъ отъ него королевскую корону и сталъ съ тѣхъ поръ пользоваться тутуломъ «короля Сербіи, Дукліи, Травуни, Далмаціи и Хлума», коего преданность папѣ была причиной недовольства народа; когда-же кромѣ того возникла борьба между братьями, король венгерскій Эмерихъ, воспользовался ею, для осуществленія своего плана, — подчиненія Сербіи своей власти. Онъ вступилъ въ ея предѣлы въ 1202, занялъ почти всю страну и принялъ титулъ «rex Rasciae» оставшійся и до сихъ поръ въ титулятурѣ венгерскихъ королей. Однако споры между Эмерихомъ и его братомъ Андреемъ позволили все таки Стефану удержаться на престолѣ до смерти въ 1224. Хотя болгары были союзниками Эмериха во время его анти-сербскихъ предпріятій, онъ все таки отнялъ и у нихъ различныя мѣстности по Нижней Моравѣ. Въ виду такихъ обстоятельствъ, Колоянъ придавалъ чрезвычайно важное значеніе, какъ политической, такъ и церковной независимости Болгаріи. Единственнымъ источникомъ необходимой для этого санкціи могла быть лишь римская курія, такъ какъ именно въ то время произошли уже крупнѣйшія перемѣны въ государственномъ устройствѣ балканскаго полуострова. Византійская имперія пала жертвою непримиримой ненависти дожа Энрико Дандоло, и, не выдержавъ совмѣстнаго натиска венеціанцевъ и ихъ латинскихъ союзниковъ, прекратила свое существованіе. Императорская византійская корона покоилась теперь на главѣ графа Фландріи, отклонявшаго попытки сближенія со стороны Колояна. Наоборотъ, папа Иннокентій III отправилъ въ Тырново кардинала Льва съ королевскимъ вѣнцомъ. Колоянъ весьма торжественно возложилъ его на себя 8 ноября 1204, на слѣдующій день послѣ того, какъ архіепископъ Василій былъ посвященъ въ примасы Болгаріи. Желанія болгарскаго царя были осуществлены. Убѣдившись вскорѣ послѣ того, что латыняне не были вовсе опасными врагами, онъ пришелъ къ заключенію, что обѣщанія сдѣланныя имъ папѣ могутъ и остаться лишь обѣщаніями. Такимъ образомъ папы принимали дѣятельное участіе въ образованіи обоихъ королевствъ, какъ Сербскаго, такъ и Болгарскаго, но не получили за это желаннаго вознагражденія. Стефанъ II Неманя забылъ также свои обѣщанія. Замѣнивъ въ

1222 году свою римскую корону—новымъ вѣнцомъ, полученнымъ имъ отъ византійскаго императора, онъ перешелъ опять, въ присутствіи народнаго собранія, въ восточное православіе. Отклоненіе дружественныхъ предложеній Колояна первымъ латинскимъ императоромъ Балдуиномъ отразилось весьма плачевно на его судьбѣ. Призванный на помощь возставшими ѳракійскими городами, Колоянъ осадилъ Андріанополь и уничтожилъ здѣсь 15 апрѣля 1205 г. войска Балдуина, самъ императоръ попалъ также въ плѣнъ къ болгарамъ, и скончался тамъ, по всей вѣроятности, насильственной смертью. Непостоянство византійцевъ, вошедшихъ опять въ союзъ съ латинцами, вызвало новый карательный походъ Колояна во Ѳракію и Македонію. Болгарскій царь неистовствовалъ въ странѣ, заливая ее потоками крови и гордясь своимъ прозвищемъ «ромайоктоносъ»—ромеобойца, на подобіе того, какъ византійскій императоръ Василій II заслужилъ себѣ нѣкогда такими же подвигами прозвище «bolgaroktons'a» болгаробойца. Впрочемъ онъ недолго наслаждался своими успѣхами. Во время осады Ѳесалоники онъ палъ отъ руки убійцы 1207 г. Нѣкій Куманинъ-Манастразъ, подкупленный, вѣроятно царицею и ея любовникомъ Бориллой, племянникомъ Колояна, пронзилъ копьемъ спящаго царя. Греческій міръ вздохнулъ теперь свободно, но болгары лишились одного изъ самыхъ выдающихся своихъ властителей. Слѣдствіемъ завоеванія византійской имперіи латинянами были большія перемѣны и во внутреннихъ отношеніяхъ собственной Греціи. Во время раздѣла государства на долю венеціанцевъ пришлись острова: Критъ и о-ва, расположенные на Эгейскомъ морѣ. На полуостровѣ же: большая часть Мореи съ Модоно и Патрами и береговая полоса отъ Іонническихъ острововъ до Дирракіона. Къ западу отъ Нестоса Маркграфъ Бонифацій Монферратскій основалъ себѣ отдѣльное королевство, стремясь его расширить далѣе къ югу. Здѣсь столкнулся онъ съ пелопоннесскимъ архонтомъ, Львомъ Сгуросомъ изъ Навпліи, распространявшимъ наоборотъ свою власть на сѣверныя области. Онъ захватилъ уже тогда Аргосъ и Коринѳъ и осаждалъ въ то время Аѳины, оказывавшія ему сильное сопротивленіе подъ предводительствомъ благороднаго храбраго архіепископа Михаила Акомината. Даже тогда, когда Аѳины были сожжены Сгуромъ—акрополь продолжалъ оказывать противодѣйствіе. Архонтъ безъ труда завладѣлъ Ѳивами и стоялъ уже подъ Ларисcой, когда появленіе Бонифація заставило его отступить по ту сторону перешейка. Ѳивы и Аѳины покорились Бонифацію. Привѣтствуемые всюду какъ освободители, сидѣли теперь западно-европейскіе рыцари въ завоеванныхъ мѣстностяхъ, входившихъ въ составъ Бонифаціева королевства. Такъ напр. въ Венестино утвердился нѣмецкій графъ Бертольдъ фонъ Каценэлленбогенъ, въ Аѳинахъ и Ѳивахъ—рыцарь Оттонъ-де-ля-Рошъ изъ Франшъ-Контэ. Бонифацій овладѣвъ Эвбеей,—перешагнулъ уже черезъ перешеекъ («Isthmus»). Но крѣпкія стѣны Коринѳа и Навпліи задержали его наступленіе,—къ тому же полученныя извѣстія о вторженіи болгаръ въ предѣлы его королевства заставили его быстро повернуть имъ на встрѣчу. Въ Мореѣ между тѣмъ основалъ свои владѣнія французскій рыцарь Годефруа де Вилль-Гардуэнъ, къ сѣверу и западу отъ Мессенскихъ береговъ, стремясь къ дальнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ на территоріи полуострова (1205). Во главѣ этихъ предпріятій сталъ вскорѣ затѣмъ его другъ—Гильомъ де Шамплиттъ, изъ рода графовъ Шампаніи, всѣ завоеванія котораго утверждалъ заранѣе за нимъ Бонифацій Монфарратскій. Немного спустя онъ уже владѣлъ Ахайей, Элидой и частью Мессены. Его побѣда у оливковой рощи Кондуры близъ Каламаты тѣмъ скорѣе отдала въ его распоряженіе западную часть Мореи—до Тайгета, что оба вожди-рыцари соединяли военное счастье съ разумной умѣренностью, и относились съ уваженіемъ къ правамъ и особенностямъ

общинъ, отбирая въ свою пользу лишь собственность архонтовъ и церкви. Такимъ образомъ франкскіе рыцари, раздѣлившіе завоеванную страну на ленныя владѣнія, жили въ мирѣ съ мѣстнымъ греческимъ населеніемъ. Когда-же Шамплиттъ, верховный сюзереннъ этихъ областей, умеръ во время путешествія (1209), его сподвижникъ Виллыардуэнъ, утвердился въ Ахайѣ съ согласія бароновъ, видѣвшихъ въ немъ дѣльнаго вождя а также и съ согласія греческаго населенія, защищаемаго имъ отъ всякихъ обидъ и нарушенія ихъ правъ и религіи. Онъ добился также признанія своего княженія и со стороны Венеціи, уступивъ ей нѣкоторыя мѣстности, и съ 1210 г. сталъ уже пользоваться безпрепятственно титуломъ «князя Ахайи». Покоривъ затѣмъ и Коринѳъ, Навплію и Аргосъ онъ раздѣлилъ страну на баронства—какъ Патры, Востица, Калавритъ, Халандрица, Акова, Каритена и т. п. На всѣхъ стратегически важныхъ возвышенностяхъ были построены замки французскихъ бароновъ, импозантныя развалины которыхъ напоминаютъ до сихъ поръ объ этой эпохѣ греко-французскаго феодализма. Въ то время, какъ французы овладѣвали собственной Греціей—венеціанскіе патриціанскіе роды занимали острова,—а именно роды: Виніери, Гизи, Микіели, Джюстиніани, Сануди, Далле Карчери и др.

* *
*

Въ Болгаріи вступилъ на престолъ Борилъ (Борисъ III)—супругъ овдовѣвшей царицы (1207—1218), а законные наслѣдники престола,—сыновья царя Асѣня,—Іоаннъ Асѣнь и Александръ принуждены были бѣжать на Русь. Въ царствованіи Бориса былъ нанесенъ сильный ударъ могуществу Болгаріи: громадной побѣдой, одержанной надъ болгарами латинскимъ императоромъ Генрихомъ у стѣнъ Филиппополя (1208). Внутри государства, какъ народъ, такъ и дворянство проявляли сильное недовольство по отношенію къ Борису, поддерживаемое быстро распространявшейся тогда въ народныхъ слояхъ сектой богумиловъ.—Царь старался подавить смуту жестокими мѣрами,—тюрьмою и ссылкой, еретическое же ученіе было предано анаѳемѣ. Затруднительное положеніе латинскаго императора, ей Гейнриха, единственнымъ союзникомъ котораго былъ папа, сблизило опять латинянъ съ болгарами. Желая пріобрѣсти ихъ помощь противъ сербовъ, Генрихъ женился (1213) на дочери Борила—Маріи. Но, предпринявъ общими силами походъ противъ сербовъ, они достигли лишь Ниша, такъ какъ внезапно появился Іоаннъ Асѣнь во главѣ арміи, набранной имъ на Руси и направился противъ узурпатора. Борилъ, укрѣпившійся въ Тырновѣ, но лишенный приверженцевъ въ странѣ, былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ. Новый царь—Іоаннъ Асѣнь II (1218—1241) былъ однимъ изъ дѣльнѣйшихъ и благорасположенныхъ монарховъ на болгарскомъ тронѣ, столь же любимымъ своими подданными, какъ и греками. Судьба почти отдавала въ его руки, вполнѣ мирнымъ образомъ, императорскую византійскую корону, изъ-за которой было пролито столько крови его предшественниками. На латинскомъ престолѣ возсѣдалъ тогда ребенокъ—Балдуинъ II, а между тѣмъ тяжелыя обстоятельства требовали энергичнаго монарха и потому именно возникла мысль о власти болгарскаго царя Іоанна Асѣня, тѣмъ болѣе, что онъ могъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ разсчитывать на помощь своего родственника—короля венгерскаго. Іоаннъ далъ уже было свое согласіе на обрученіе своей маленькой дочери Елены съ молодымъ Балдуиномъ, но исполненію всего этого плана помѣшала старая ненависть къ болгарамъ и оппозиція со стороны духовенства. Императорская корона перешла къ неспособному экс-королю іерусалимскому—Жану де Бріеннъ. За то въ царствованіе Іоанна Болгарія, благодаря территоріаль-

нымъ пріобрѣтеніямъ, стала обширнѣе чѣмъ когда либо прежде. Въ Эпирѣ существовало въ то время значительное княжество, основанное въ 1204 г. въ эпоху общаго раздѣла Византіи незаконнымъ братомъ византійскаго императора—Алексѣя III—Михаиломъ Ангеломъ Комненомъ, и расширенное впослѣдствіи, въ разныхъ направленіяхъ, его братомъ—жестокимъ Ѳеодоромъ Ангеломъ, такъ что на западѣ оно простиралось до Марицы,—на югѣ до Коринѳскаго залива. Сначала—союзникъ Іоанна Асѣня, съ которымъ онъ былъ въ родствѣ, онъ напалъ затѣмъ на его Ѳракійскія земли, но въ апрѣлѣ 1230 г. потерпѣлъ пораженіе близъ Клокотницы и попалъ въ плѣнъ. Адріанополь, Македонія и Албанія—до Дураццо перешли тогда въ руки Іоанна безъ особенныхъ затрудненій, благодаря ихъ болгарскому населенію. Въ остальныхъ мѣстностяхъ Эпирскаго княжества и въ Ѳессалоникѣ оставилъ онъ Ѳедорова брата Мануила, своего зятя, съ прежнимъ титуломъ Ѳедора-Ангела—«императора ромеевъ». Сербскій король Стефанъ Владиславъ—сынъ Стефана II Неманя, наслѣдовавшій своему старшему брату Радослову, былъ также зятемъ Асѣня. Благодаря этимъ обстоятельствамъ Іоаннъ могъ посвятить свое время мирной культурной дѣятельности — и столица его—Тырново, ставшая благодаря его постройкамъ однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ, считалась важнѣйшимъ пунктомъ политической и умственной жизни болгаръ. Торговля и международныя сношенія вообще достигли тогда высокой степени развитія, такъ какъ царь предупредительно открывалъ доступъ иностранцамъ въ предѣлы своего государства, въ особенности же гражданамъ Рагузы (Дубровника), которымъ онъ даровалъ большія привилегіи. Отличаясь вѣротерпимостью, Іоаннъ позволялъ приверженцамъ разныхъ вѣроученій мирно жить другъ подлѣ друга. Ему удалось добиться признанія греками независимости болгарской церкви, благодаря союзу съ Іоанномъ III Ватаціемъ, герцогомъ Никейскимъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ предпринялъ походъ противъ слабой Латинской имперіи и Константинополя. Но, кажется, растущее значеніе Ватація заставило болгарскаго царя отказаться отъ этого союза, а также и отъ предполагавшихся родственныхъ связей между обѣими семьями. Разрывъ Асѣня съ папою Григоріемъ IX побудилъ этого послѣдняго вызвать венгерскаго короля Белу VI на крестовый походъ противъ болгарскаго царя. Бела, занявъ своимъ войскомъ Малую Валахію до рѣки Алуты, уже называлъ себя—«Королемъ болгаръ и кумановъ», но его планы рушились, благодаря неожиданному наступленію кумановъ (половцевъ), бѣжавшихъ изъ русскихъ областей, подъ давленіемъ монголовъ. Они разбрелись послѣ во всѣ стороны—въ Венгрію, въ Болгарію, гдѣ они были дружественно приняты, во Ѳракію и даже въ Малую Азію, и были тамъ поселены Ватаціемъ въ качествѣ военныхъ-колонистовъ. Часть ихъ однакоже осталась на своей прежней родинѣ—въ Валахіи и Молдавіи, долго еще спустя носившихъ названіе Куманіи. Предпринятое Іоанномъ въ 1239 г. наступленіе на ѳракійскіе греческіе города было неожиданно прервано, благодаря полученному имъ извѣстію о внезапной кончинѣ его супруги и сына. Въ 1240 онъ женился во второй разъ на Иринѣ, дочери плѣненнаго имъ и ослѣпленнаго Ѳедора Ангела, но умеръ въ 1241, со славою самаго выдающагося, на ряду съ Симеономъ, царя Болгаріи и самаго могущественнаго балканскаго монарха.

Сербія и ея государи, сыновья и преемники Стефана II Неманя,—Радославъ, Владиславъ, Урошъ I и Предиславъ, мало могли принимать участія въ дѣлахъ того времени. Точно такъ-же и преемники Асѣня были не въ состояніи сохранить въ неприкосновенности территорію своего государства Императоръ Никейскій—Ватацій воспользовался малолѣтіемъ Калимана I (1241—1546 гг.), и его брата Михаила Асѣни (1246—1257), чтобы

присоединить къ своимъ владѣніямъ окрестности Родопа и сѣверную Македонію, а эпирскій деспотъ захватилъ Албанію и западную Македонію. Только временно удалось Михаилу Асѣню отвоевать потерянныя области къ югу отъ Балканъ. По условіямъ мира, заключеннаго при посредничествѣ Михаилова тестя, сербскаго короля—Стефана Уроша I, родопскія и сѣверно-македонскія владѣнія, принадлежавшія раньше Болгаріи, перешли къ сыну Ватація, Ѳедору II Ласкарису, шурину Михаила. Со смертью нелюбимаго своимъ народомъ Михаила, убитаго въ окрестностяхъ Тырнова его двоюроднымъ братомъ Калиманомъ, прекратился родъ Асѣнидовъ (такъ какъ и Калиманъ лишь кратковременно занималъ престолъ), и Болгарія осталась безъ династіи.

Бояре выбрали на сеймѣ царемъ серба Константина, владѣвшаго помѣстьями въ Витошѣ (1258—1277), внука Стефана Неманя. Чтобы узаконить свою династію въ глазахъ народа, онъ женился на Иринѣ, дочери императора Ѳедора Ласкариса, внучкѣ Асѣня II, и сталъ называть себя Константиномъ Асѣнемъ. Находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ византійскимъ императоромъ Михаиломъ VIII Палеологомъ, взявшимъ въ 1261 Константинополь и положившимъ конецъ латинскому господству, онъ долженъ былъ съ другой стороны выдерживать часто повторявшіяся наступленія венгровъ 1260—1261. Борьба венгровъ съ потомкомъ Перемышля-Оттокаромъ II побудила болгаръ къ нападенію на Северинскій банатъ. Это нападеніе вызвало пять походовъ трансильванскаго намѣстника—принца Стефана. Когда онъ (въ 1270 году) вступилъ на венгерскій престолъ подъ именемъ Стефана V, онъ принялъ также титулъ короля Болгаріи—«rex Bulgariae», не пользуясь впрочемъ фактической властью въ этой странѣ, и это дало основаніе извѣстнымъ венгерскимъ притязаніямъ на Болгарію. Предпріятія Константина вообще не сопровождались успѣхами, между прочимъ и его выступленіе противъ византійскаго императора Михаила VIII, начатое по настоянію супруги Ирины, смертельно ненавидѣвшей Михаила за ослѣпленіе ея брата—Іоанна IV Ласкариса. Вначалѣ впрочемъ, во время совмѣстныхъ дѣйствій съ сельджуками и южно-русскими татарами, военное счастье было на его сторонѣ, а послѣ его брака съ племянницей Михаила VIII—Маріей наступилъ даже періодъ мирныхъ сношеній между ними,—но когда обѣщанные въ приданое за Маріей города—Меземврія и Анкіалъ были удержаны императоромъ, болгары возобновили свои нападенія, отъ которыхъ византійцы защищались съ помощью ногайскаго хана, одного изъ представителей Золотой орды. Вскорѣ затѣмъ мы уже видимъ, какъ болгаръ, такъ и сербовъ въ союзѣ съ новыми, очень опасными противниками Византіи. Король неаполитанскій Карлъ I д'Анжу, давшій убѣжище при своемъ дворѣ изгнанному императору латинскому, Балдуину II, также какъ и ослѣпленному Іоанну IV Ласкарису, заключилъ союзъ съ болгарами и сербами, на политику которыхъ оказывала большое вліяніе королева ихъ Елена—дочь Балдуина, и овладѣлъ горной областью Албаніи, былъ встрѣченъ съ сочувствіемъ въ Эпирѣ. Въ то время многіе юные славяне, поступившіе на службу къ Карлу, были колонизированы имъ на италіанской почвѣ.

Въ Болгаріи между тѣмъ слѣдствіемъ тяжелой болѣзни Константина (пл)или различныя неблагопріятныя перемѣны и осложненія. Жертвою (вла)ѳлюбія царицы-регентши Маріи Палеологъ, управлявшей государствомъ (во) время несовершеннолѣтія сына ея Михаила, пали многіе преданные царю (лю)ди. Впослѣдствіи она устранила такъ-же усыновленнаго ею и взятаго (въ) соправители Якова-Святослава (русскаго по происхожденію), княжившаго прежде почти независимо въ своей западно-балканской деспотіи.

Въ то время, когда безоружная страна особенно страдала отъ ди-

кихъ нападеній Ногайскихъ татаръ, нѣкій гайдукъ, бывшій пастухъ, Ивайло,—опираясь на всеобщую ненависть къ царицѣ, составилъ себѣ партію, и, ставъ во главѣ воинскихъ отрядовъ, два раза разбилъ татаръ. Популярность его въ народныхъ массахъ, привлекаемыхъ между прочимъ къ авантюристу различными пророчествами, возрасла до такой степени, что когда выступившій противъ него самъ царь Константинъ былъ разбитъ и убитъ въ сраженіи, Ивайло—былъ провозглашенъ царемъ (1277—1279). Византійцы противопоставили, правда, этому опасному сосѣду потомка Асѣнидовъ—Іоанна III—Асѣня и поддерживали его вооруженною силой; но царица, несмотря на свое высокое происхожденіе, въ видахъ сохраненія власти и короны для себя и для сына, не поколебалась открыть ворота Тырнова бывшему пастуху и отпраздновать съ нимъ свою свадьбу.

Во время одного изъ походовъ Ивайлы противъ татаръ было получено извѣстіе о его смерти; на опустѣвшій престолъ вступилъ Іоаннъ III Асѣнь, но народныя массы предпочли ему Георгія Тертерія, изъ знатнаго Куманскаго (половецкаго) рода, который и сталъ основателемъ династіи Тектеридовъ въ 1280 г. Но неожиданно появился опять у воротъ Тырнова мнимо умершій Ивайло; разбитый Тертеріемъ, онъ бѣжалъ въ южную Русь къ старому Ногай-Хану, у котораго встрѣтился съ своимъ бывшимъ противникомъ — Іоанномъ III Асѣнемъ. Іоанну удалось избѣжать судьбы Ивайлы, зарѣзаннаго по приказанію Хана, благодаря просьбамъ одной византійской принцессы, жертвы тогдашней дипломатіи, пребывавшей у Ногая. Тертерій, совмѣстно съ сербами, заключилъ союзъ съ Карломъ I Анжуйскимъ, воевавшимъ съ Византіей, но разбитымъ на голову въ 1281 г. въ битвѣ близъ Берата. Венеція, принимавшая также участіе въ союзѣ противъ византійцевъ, была особенно заинтересована ходомъ тогдашнихъ событій, развернувшихся вскорѣ послѣ того особенно ярко на островѣ Сициліи; знаменитая Сицилійская Вечерня 1282 г. лишила латинянъ возможности образованія новыхъ франкскихъ державъ.

Только сербскій царь — Стефанъ Урошъ II Милютинъ (1281—1320) сумѣлъ извлечь дѣйствительную пользу изъ союза съ Карломъ Анжуйскимъ. Честолюбивый и лукавый, онъ заставилъ отказаться отъ правленія своего брата Драгутина, съ помощью тестя своего—венгерскаго Короля Степана V-го, изгнавшаго изъ Сербіи 1272 собственнаго отца Уроша. Государственная и національная идея Сербіи настолько уже тогда развилась и окрѣпла въ народѣ, что Милютинъ могъ посвятить свои силы экспансивной политикѣ. Непреклонная воля, замѣчательная ловкость и полная безпринципность въ выборѣ средствъ, ведущихъ къ данной цѣли, помогали ему осуществлять планы, направленные къ возвеличенію Сербіи. Такими средствами должны были служить между прочимъ и его брачные планы и союзы, столь-же легко имъ заключаемые, какъ и расторгаемые. Въ 1279 онъ началъ борьбу съ Византіей и отнялъ свои завоеванныя провинціи, дойдя до Серреса и Аѳона. Боснію получилъ онъ мирнымъ образомъ, въ приданное за второй супругой, Елизаветой, дочерью короля венгерскаго, Стефана V, послѣ развода съ удаленной имъ первой супругой-гречанкой. Стефану Урошу Милютину удалось также пріобрѣсти благоволеніе папы своими обѣщаніями и притворной готовностью принять католичество. Чтобы обезпечить себѣ спокойствіе со стороны Византіи, онъ женился въ третій разъ на дочери болгарскаго царя Тертерія. Когда же императоръ византійскій Андроникъ предложилъ Стефану руку своей дочери, онъ не поколебался выдать болгарку грекамъ и взялъ къ себѣ восьмилѣтнюю невѣсту Симонію. Благодаря этому союзу съ Византіей, въ немъ созрѣвала мысль, осуществленіе которой должно было вызвать весьма важныя послѣдствія для всей исторіи Балканскаго полуострова. У Милютина

было лишь два незаконнорожденныхъ сына: Стефанъ и Константинъ. Убѣждаясь все болѣе и болѣе въ слабости византійскаго государства, честолюбивый сербъ возымѣлъ намѣреніе, встрѣтившее большое сочувствіе у его новой тещи Ирины, соединить оба государства подъ одной властью. Онъ самъ, конечно, долженъ былъ стать императоромъ, наслѣдниками же его—сыновья Ирины. Но этотъ широкозадуманный планъ потерпѣлъ крушеніе, благодаря сопротивленію духовенства и сербскаго народа, склонявшагося на сторону его незаконнаго сына Стефана. Этотъ послѣдній долженъ былъ расплатиться за начатое имъ противъ отца возстаніе потерею глазъ и ссылкою въ Византію. Послѣдніе годы царствованія Милютина были заняты борьбою съ венгерскимъ королемъ Карломъ—Робертомъ изъ-за Босніи. Онъ умеръ въ 1320. Въ теченіе сорокалѣтняго царствованія Стефану Урошу Милютину удалось настолько возвысить значеніе своего государства, что, вмѣсто Византіи, Сербія стала центромъ политики Балканскаго полуострова, но это положеніе великой державы должно было неминуемо привести ее къ борьбѣ за гегемонію съ Болгаріей. Судьбою Болгаріи въ царствованіе Тертерія распоряжался въ сущности татарскій ханъ Ногай. Уже въ 1285, когда онъ вторгся со своими опустошительными ордами въ Венгрію и Болгарію, Тертерій могъ удержаться лишь благодаря тому, что отдалъ свою дочь въ жены сыну Ногая, Чоки. Несмотря на это онъ все-таки долженъ былъ послѣ предоставить Болгарію утвердившимся въ ней татарамъ и бѣжать въ Византію. Однако императоръ, боясь мести Ногая, отказалъ ему въ пріютѣ. Ханъ далъ впрочемъ болгарамъ царя въ лицѣ Смильца (1292), своего данника. Даже тогда, когда Ногай палъ въ битвѣ съ начальникомъ Голубой орды—Такту, на Бугѣ близъ Западнаго Колчака, болгары не въ состояніи были сбросить съ себя татарское иго. Сынъ Ногая, Чоки, въ качествѣ Тертеріева зятя, заявилъ свои притязанія на престолонаслѣдіе, и въ союзѣ съ шуриномъ,—Θедоромъ Свѣтславомъ выгналъ Смильца. Но этотъ союзъ продолжался не долго. Чоки былъ захваченъ Свѣтславомъ и задушенъ, и Свѣтславъ вступилъ на престолъ Асѣнидовъ (1295—1322). Выдвинутый нѣкоторыми боярами, Михаилъ, сынъ Константина Асѣня, такъ же, какъ и братъ Смильца, Радославъ, не могли удержаться противъ Свѣтслава. Онъ воспользовался кромѣ того тяжелымъ положеніемъ Византіи, нашедшей себѣ новаго врага въ лицѣ Османа-Интегрула, и оттянулъ отъ нея различныя мѣстности между Тундшей и моремъ. Византія, удрученная тогда разбойничьимъ вторженіемъ испанскихъ Каталановъ, съ которыми велъ переговоры о союзѣ Свѣтславъ, должна была оставить въ его распоряженіи захваченныя области. Такимъ образомъ вторая половина царствованія Свѣтслава протекала уже болѣе мирно. Его воинственный сынъ Георгъ Тертерій (1322—1323) возобновилъ свои нападенія на Византію, но онъ скончался на слѣдующій годъ; это былъ послѣдній изъ рода Тертеридовъ.

Послѣ его смерти воеводы избрали царемъ Сербіи Михаила (1323—1330), Бдинскаго (Видданскаго) деспота, сына Шишмана, основавшаго въ западной Болгаріи свое независимое княжество. Михаилъ является родоначальникомъ послѣдней болгарской династіи Шишманидовъ Виддинскихъ. Стремясь безпрепятственно дѣйствовать противъ Византіи, новый царь постарался пріобрѣсти дружбу Сербіи и женился на дочери царя Милютина, Аннѣ. Поддержанный татарами и румынскимъ княземъ Иванкою Басарабомъ, онъ завладѣлъ опять территоріей къ югу отъ Балканъ. Когда же въ Константинополѣ готовились къ походу противъ него, онъ отстранилъ свою первую супругу и женился на вдовѣ Свѣтслава—сестрѣ Андроника III младшаго. Старанія сербскаго епископа Даніила, автора извѣстной хроники, спасли его отъ висѣвшей уже надъ нимъ войны

съ Сербіей. Но ему удалось вмѣшаться и во внутреннія дѣла Византіи: во второй разъ уже счастливый случай почти давалъ въ руки болгарскому царю власть надъ Константинополемъ. Во время столь вредной для существованія византійскаго государства борьбы между Андроникомъ младшимъ и его дѣдомъ Андроникомъ II, Михаилъ стоялъ сперва на сторонѣ перваго, но затѣмъ, видя его успѣхи въ южной Македоніи, въ Өессаліи, Эпирѣ и Албаніи, пришелъ къ заключенію, что союзъ съ Андроникомъ старшимъ поможетъ ему скорѣе осуществить его цѣль,—т. е. взять Константинополь. Онъ двинулся уже къ плохо защищенному городу, но въ это время приблизился къ столицѣ Андроникъ младшій, и болгарскій царь долженъ былъ увести свои войска, а Андроникъ вступилъ въ Царьградъ. Михаилъ былъ принужденъ отложить свои византійскіе проекты, тѣмъ болѣе, что сербскія отношенія осложнились опять до такой степени, что война съ Сербіей въ 1330 г. стала неизбѣжна.

Въ Сербіи наслѣдовалъ Милютину его сынъ—Стефанъ Урошъ III (1320—1331), получившій прозваніе Дечанскій, благодаря построенной имъ въ Дечанѣ церкви. Онъ вошелъ въ союзъ съ папой, чтобы заручиться его поддержкой въ борьбѣ съ Карломъ-Робертомъ венгерскимъ, настолько усилившимъ свое значеніе въ Босніи, что онъ могъ по собственной волѣ отдать ее Контромановичу. Стефанъ Урошъ III не былъ также пассивнымъ свидѣтелемъ борьбы двухъ Андрониковъ въ Византіи, и подчинилъ себѣ въ это время значительную часть Македоніи и Өессаліи, раздѣленную имъ между его приверженцами въ формѣ ленныхъ владѣній. Онъ вышелъ также побѣдителемъ въ столкновеніяхъ съ болгарскимъ царемъ Михаиломъ, организовавшимъ противъ него союзъ (1330), въ составъ котораго входили византійцы, румыны, бессарабцы и татары. 28 іюня 1330 болгары, захваченные врасплохъ, были имъ на голову разбиты, можно сказать уничтожены, въ битвѣ на Каменцѣ, близъ Вельбужда (Костендиль), въ которой палъ и ихъ царь. Побѣдоносно вступилъ Стефанъ въ Болгарію и всѣ ожидали, что онъ соединитъ оба государства подъ своимъ скипетромъ, но онъ удовольствовался тѣмъ, что передалъ корону своей сестры Анны (отвергнутой супруги Михаила),—Стефану, извѣстному подъ именемъ Шишмана II. Теперь, конечно, ни одно изъ балканскихъ государствъ не могло сравниться по своему могуществу съ Сербіей, значеніе же болгарскаго государства пало окончательно. Несмотря на это карьера Вельбужскаго побѣдителя окончилась трагически. Онъ палъ жертвою возмущенія своихъ бояръ. Осажденный ими, онъ бѣжалъ; но былъ пойманъ и задушенъ. Его 19 лѣтній сынъ—Стефанъ Душанъ, отличившійся въ вельбужскомъ сраженіи, вступилъ на престолъ (1331—1355).

Вслѣдъ за воцареніемъ въ Болгаріи сербской царицы и ея сына начались смуты, заставившія Анну бѣжать къ сербамъ, а Шишмана къ татарамъ. Царемъ былъ избранъ Іоаннъ Александръ (1331—1365), принявшій кромѣ того имя Асѣня, племянникъ царя Михаила и зять румынскаго князя Иванка Басараба. Родственныя отношенія Іоанна Александра къ Стефану Душану, женившемуся на сестрѣ Александра, Еленѣ, выдающейся политической женщинѣ, послужили основаніемъ балканскаго союза—между Сербіей, Болгаріей и Бессарабіей, направленнаго противъ Венгріи и Византіи, и весьма полезнаго для его участниковъ. Болгарскій царь, побѣдивъ близъ Розокастро (Бургасъ) 1333 императора Андроника III, заключилъ съ нимъ миръ, по условіямъ котораго онъ обязался вернуть ему города между моремъ и Тундшей, взятые за два года до того. Позднѣйшій бракъ дочери византійскаго императора Маріи съ сыномъ Михаила Асѣня долженъ былъ кромѣ того укрѣпить этотъ миръ. Валашскій князь Иванко Басарабъ, основатель династіи Басарабовъ, княжившей до 1654 г., извлекъ также

пользу изъ вышеупомянутаго союза. Еще съ начала 13 вѣка Валахія находилась въ зависимости отъ венгерскихъ Арпадовъ. Въ 1247 г. король Бэла IV подарилъ эту землю ордену Іоаннитовъ, но къ востоку отъ рѣки Алуты (Ольта) оставался въ качествѣ воеводы «великой Валахіи»—Сенеславъ, а кромѣ того и довольно самостоятельный, хотя и венгерскій данникъ, воевода «*Kenezіatus'a*» — Литовой. Попытка этого послѣдняго освободиться, по случаю воцаренія несовершеннолѣтняго Владислава IV Куманина, отъ уплаты постоянной дани окончилась его пораженіемъ и смертью 1275. Въ концѣ 13 вѣка Басарабъ, внукъ Сенеслава, основалъ на западъ отъ Алуты княжество Трансальпійское, называемое также угро-валашскимъ и Малой Валахіей, со столицею Аргесомъ. Вслѣдствіе его союза съ болгарскимъ царемъ Михаиломъ, вельбужское пораженіе отразилось и на его судьбѣ, а также на развитіи политической жизни его княжества. Но ему удалось сохранить до самой смерти независимость отъ Венгріи, хотя король Карлъ Робертъ I и старался принудить его къ ленной присягѣ. Онъ умеръ въ 1340 самостоятельнымъ княземъ Румыніи. Но самую большую пользу изъ союза извлекъ Душанъ, поставившій себѣ задачу объединить всѣ балканскія государства и создать «Великую Сербію». Ему нетрудно было присоединить къ своимъ владѣніямъ истощенную войнами Албанію. Въ 1342 г. императоръ византійскій, Іоаннъ Кантакузинъ, былъ принужденъ просить помощи сербскаго царя противъ болгаръ, округлявшихъ на его счетъ свои границы, со стороны Ѳракіи. Конечно, въ виду крупныхъ замысловъ Душана этотъ дружескій союзъ могъ быть лишь кратковременнымъ. Въ 1346 г. Душанъ короновался въ Скопьѣ «царемъ сербовъ, грековъ, болгаръ и альбанцевъ» и отдѣлилъ сербскую церковь отъ византійскаго патріархата, возведя архіепископа Іоаникія въ санъ сербскаго патріарха. Сербія стояла тогда на высшей точкѣ своего могущества и никогда еще ея владѣнія не были столь обширны; тѣмъ болѣе, что и болгарскій царь вполнѣ зависѣлъ отъ Душана.

Въ то время, какъ византійцы, съ ихъ страстной борьбой партій, разрушали свое государство и обращались за помощью къ туркамъ, утвердившимся въ это время подъ начальствомъ Сулеймана (сына Виѳинійскаго султана Орхана) въ Галлиполисѣ, и вообще начинавшимъ уже селиться на европейской почвѣ, въ то время, какъ венеціанцы и генуэзцы, воюя другъ съ другомъ въ греческихъ водахъ, уничтожили почти торговлю, Душанъ завладѣлъ Эпиромъ, Акарнаніей и Ѳессаліей (1349). Главнымъ его стремленіемъ было завладѣть Константинополемъ, противъ котораго онъ предпринималъ столько походовъ. Но онъ скончался во время послѣдняго изъ нихъ, въ 1355. Вмѣстѣ съ нимъ было похоронено и величіе Сербіи. Его сынъ Стефанъ Урошъ V (1355—1367), добрый и благочестивый отличался слабостью характера. Сепаратизмъ въ различныхъ частяхъ государства сталъ проявляться немедленно послѣ того, какъ исчезла мощная рука правителя; возстанія вспыхивали одно за другимъ. Въ 1367 Урошъ былъ умерщвленъ, съ его кончиною прекратился родъ Неманей, почти 200 лѣтъ владѣвшій Сербіей.

Подобно тому, какъ внутреннія войны были причиною паденія величія Сербіи, въ Болгаріи борьба различныхъ сектъ — богомиловъ, адамитовъ, гезихастовъ — истощала ее и приводила къ упадку. Вскорѣ послѣ смерти Іоанна Александра Асѣня 1365 г. Болгарія распалась на много отдѣльныхъ областей (такъ же, какъ и Сербія). У Александра (послѣ кончины двухъ старшихъ сыновей), оставалось два сына — Іоаннъ Сразиміръ и (отъ второй его жены, еврейки) Іоаннъ Шишманъ III, предназначаемый имъ въ наслѣдники, между тѣмъ какъ Іоаннъ Сразиміръ получилъ отдѣльное царство—Ввидинскую область. Кромѣ того во главѣ независимой области

вдоль береговъ Чернаго моря стоялъ Куманскій деспотъ Добротичъ, отъ котораго она и получила свое названіе—Добруджи. Благодаря предательскому захвату въ плѣнъ византійскаго императора Іоанна V Палеолога, пріѣхавшаго въ Болгарію, чтобы лично побудить царя къ союзу противъ турокъ, Шишманъ вызвалъ войну противъ себя, главнымъ руководителемъ которой былъ двоюродный братъ императора, графъ Амадей VI Савойскій, поддерживаемый генуэзцами и венеціанцами. Послѣдствія ея были весьма тяжелы для Шишмана въ различныхъ отношеніяхъ. Зато всѣ выгоды изъ этой борьбы пришлись на долю султана Мурада I перенесшаго свою столицу послѣ захвата Адріанополя (1361) и Филиппополя (1363) изъ Бруссы въ Адріанополь (Эдренэ). Покинутый всѣми своими союзниками, Шишманъ сталъ вассаломъ турецкаго султана. Въ союзѣ съ турками онъ выступилъ противъ венгерскаго короля Людовика I, взявшаго Видзинъ и захватившаго съ собою въ Кроацію Сразиміра, котораго онъ и оставилъ тамъ въ заключеніи. Но въ 1369 г. Шишману все-таки удалось отбить опять у венгерцевъ Ввидинскую область, большая часть населенія которой была обращена венгерцами въ католичество.

Въ Сербіи, послѣ смерти послѣдняго изъ Неманей, воцарился его убійца Вукашинъ. Еще разъ сербамъ была, казалось, предназначена важная роль спасителей прочихъ славянскихъ государствъ отъ турецкаго потопа. Пользуясь отсутствіемъ Мурада, пребывавшаго тогда въ Азіи, Вукашинъ и братъ его Іоаннъ Углиша, Серрескій деспотъ, подступили съ отличной арміей къ Адріанополю. Но и до сихъ поръ еще живетъ тамъ въ устахъ народа названіе: «Ссирбъ-сюндиги», т. е. смерть-сербовъ, обозначающее мѣсто сраженія, въ которомъ была уничтожена ихъ армія (1371). Правда Сербія не была еще тогда покорена турками, побѣдоносно вторгшимися послѣ своей побѣды въ Македонію и дошедшими до границъ Албаніи, но во всякомъ случаѣ она должна была вскорѣ послѣ того вступить въ борьбу не на жизнь, а на смерть съ турками подъ начальствомъ Лазаря Гербліановича, правившаго ею съ 1376 г. уже не въ качествѣ короля, но князя. Прежнее значеніе Сербіи перешло тогда, какъ казалось, къ Босніи, банъ которой Стефанъ Твртко, называвшій себя потомкомъ Неманей, хотя онъ происходилъ изъ рода Котромановичей, освободился отъ венгерской зависимости и заставилъ 1376 г. короновать себя царемъ Сербіи и Босніи. Несмотря на отчаянное политическое положеніе балканскихъ государствъ и онъ мечталъ также объ основаніи одной великой южно-славянской державы. Съ этою цѣлью онъ оказывалъ помощь кроатамъ въ ихъ борьбѣ съ Венгріей и, стремясь къ облегченію соединенія Кроаціи съ Босніей, самъ перешелъ въ католичество. Этотъ союзъ боснійцевъ, сербовъ и кроатовъ былъ заключенъ, главнымъ образомъ, въ виду защиты отъ турокъ, ставшихъ уже господами Албаніи. Союзники не преминули также воспользоваться пребываніемъ Мурада въ Азіи и вступили въ бой съ его войсками. Извѣстіе объ ихъ побѣдѣ надъ османами, на Топелицѣ, близъ Плочника 1387, было встрѣчено съ величайшею радостью и надеждами на всемъ балканскомъ полуостровѣ и заставило присоединиться къ союзу болгарскаго царя Шишмана и другихъ князей, принужденныхъ уже быть сподвижниками султана. Но эта радость была непродолжительна. Шишману первому пришлось испытать гнѣвъ Мурада. Только уплата дани и передачи туркамъ крѣпости Дырстра (Силистрія) умилостивила настолько султана, что Шишманъ могъ удержаться на своемъ престолѣ. Сразиміръ ввидинскій долженъ былъ также подчиниться турецкому игу. Затѣмъ наступила очередь расчета съ сербами. Битва на Коссовомъ полѣ 15 іюня 1389 г. сначала благопріятная для сербовъ, но затѣмъ превратившаяся въ ужасное пораженіе, рѣшила судьбу всего полуострова. Сава и Карпаты

стали границами новаго государства. Сербскій царь вмѣстѣ со многими боярами были обезглавлены у трупа Мурада, заколотаго въ своемъ шатрѣ; его преемникъ Стефанъ Лазаревичъ сталъ вассаломъ новаго султана Баязета. Наконецъ, этотъ послѣдній обратился противъ болгаръ. Съ паденіемъ крѣпкаго Тырнова 1393 г. прекратилась такъ же, какъ политическая, такъ и церковная независимость Болгаріи Ея царь Шишманъ умеръ въ турецкомъ плѣну.

Только одна Валахія не испытывала пока турецкаго ига. Здѣсь княжилъ послѣ Басараба сынъ Николая, Александръ (1340—1364), много терпѣвшій отъ своихъ бояръ, предпочитавшихъ быть въ ленной зависимости отъ короля венгерскаго, Людовика I Великаго (1342 — 1382). Ко времени его правленія относится образованіе новаго княжества въ Молдавіи. Тамошній воевода Богданъ, возстановившій уже противъ короля венгерскаго Карла-Роберта, воспользовался вступленіемъ на престолъ 16-лѣтняго Людовика, чтобы снова освободиться отъ своихъ вассальныхъ отношеній въ Венгріи. Поддерживаемый литовцами и румынскими горцами, онъ завладѣлъ Мармаросомъ и въ 1360, заручившись благосклонностью поляковъ, сбросилъ съ себя окончательно венгерское иго; съ 1365 онъ былъ уже неоспариваемымъ главою «ţara Moldoveĭ». Александру наслѣдовалъ въ Валахіи его сынъ Лайко (1364—1377, или 1386—1385), пользовавшійся съ 1369 титуломъ: «Божьею и короля венгерскаго милостью Ладиславъ воевода Валахіи, банъ Сирміи, герцогъ Фогараса» (въ Трансильваніи). Онъ также сумѣлъ защитить себя отъ власти Людовика. Лайко женилъ своего наслѣдника Раду на гречанкѣ Каллиникіи, благодаря которой усилилось греческое вліяніе. Сыновья этой четы — Данъ и Мирча боролись другъ съ другомъ до тѣхъ поръ, пока Мирча Старшій, или Великій не захватилъ власти въ свои руки (1386—1418). Можно было бы ожидать, что гнѣвъ султана обрушится и на него, какъ одного изъ участниковъ коссовской битвы, а между тѣмъ извѣстно, что въ 1370 онъ былъ властелиномъ Добруджи и крѣпости Силистріи Правда, Мирча не могъ удержаться на правомъ берегу Дуная, противъ лично наступавшаго тогда Султана, но во время пребыванія послѣдняго въ Азіи онъ напалъ на турецкую Болгарію. Возвратясь изъ Азіи султанъ самъ направился противъ него въ глубь Валахіи, но потернѣлъ тамъ пораженіе. Тѣмъ не менѣе Мирча, будучи слишкомъ слабъ для того, чтобы использовать эту побѣду, бѣжалъ къ королю Сигизмунду и заключилъ съ нимъ оборонительно-наступательный союзъ. Въ качествѣ Сигизмундова союзника, онъ принималъ участіе въ несчастнѣйшей битвѣ подъ Никополемъ 1396. Наконецъ Мирча былъ принужденъ признать надъ собою власть турокъ и обязался къ уплатѣ дани. Во время смутъ изъ-за престонаслѣдія послѣ смерти султана Баязета въ 1403 г., Мирча стоялъ на сторонѣ Музы, предоставившаго впослѣдствіи, (1411), Валахіи автономію—подъ управленіемъ собственныхъ воеводъ. Когда же Муза погибъ въ борьбѣ съ братомъ Магамедомъ, этотъ новый султанъ совершенно подчинилъ Валахію турецкому игу 1417 г..

Еще разъ представился случай балканскимъ народамъ сбросить съ себя турецкое иго, а именно, когда послѣ большой битвы народовъ подъ Ангорой (1402) господство османовъ было почти уничтожено. Стефанъ Лазаревичъ, принимавшій участіе въ сраженіи, какъ вассалъ султана, спасшись изъ этой кровавой купели, завладѣлъ опять своими прежними землями и искалъ себѣ опоры въ Венгріи. Въ Болгаріи возвысился сынъ Шишмана, Фружинъ, на Дунаѣ-же сынъ Сразиміра Константинъ. Но Сулейманъ такъ же, какъ и его преемники, опять разрушилъ всѣ ихъ надежды и при Мурадѣ II преемникъ Стефана Сербскаго, Георгъ Бранковичъ, (1427 — 1457), лишился уже почти всѣхъ своихъ земель въ пользу

османовъ. Но вотъ неожиданно появилось христіанское войско, состоявшее изъ поляковъ и венгерцевъ, къ которому присоединились сербы, боснійцы, албанцы и болгаре, и переправились черезъ Дунай, но успѣхи союзниковъ при первыхъ встрѣчахъ ихъ съ турками потеряли всякое значеніе послѣ рокового пораженія подъ Варною 1444. Когда затѣмъ и византійскій императоръ Константинъ XI палъ съ мечомъ въ рукахъ 1453, въ своей столицѣ и Константинополь сталъ столицею Могамеда II, — весь Балканскій полуостровъ подчинился уже одному властелину. Болгарія задолго до того перестала существовать самостоятельно. Сербія стала Турецкой провинціей съ 1459 и была раздѣлена султаномъ на пашалыки. Въ 1463 г. пало послѣднее славянское государство—Боснія, король которой Томашевичъ былъ захваченъ въ плѣнъ и обезглавленъ; впрочемъ отдѣльныя неприступныя твердыни и укрѣпленныя мѣстности держались еще до 1526.

Въ собственной Греціи, со времени основанія тамъ франкскихъ владѣній, княжество Виллъгардуэна сдѣлалось главною опорою и центромъ франкской власти на востокѣ. Готфриду II (1218 — 1245) удалось устранить хроническіе конфликты между государственной и церковной властями и обезпечить такимъ образомъ желанное спокойствіе въ странѣ и ея процвѣтаніе. Даже греческое населеніе, убѣдившись въ томъ, что хорошо функціонировавшая франкская администрація освободила его отъ эксплуатаціи византійскихъ намѣстниковъ и мѣстныхъ феодаловъ, было довольно своей судьбой. Франкская Морея съ ея утонченнымъ, образованнымъ рыцарствомъ прославилась во всей Европѣ и дворъ въ Андровидѣ сдѣлался притягательнымъ центромъ для многихъ членовъ французскаго дворянства. Готфриду II наслѣдовалъ его болѣе выдающійся братъ Вильгельмъ, задавшійся также мыслью распространить свою власть на весь Пелопоннесъ. Въ этихъ видахъ онъ завоевалъ, послѣ трехлѣтней осады, крѣпость Монембазію, державшую сторону императора Никейскаго, а также принудилъ къ признанію своей власти тайгетскихъ славянъ. Новыя крѣпости, напр. Мизитра близъ Спарты, должны были защищать эти пріобрѣтенія. Въ правленіе Вильгельма княжество Виллъгардуэновъ достигло высшей точки своего процвѣтанія, хотя съ другой стороны къ этому же періоду слѣдуетъ отнести и главную причину его позднѣйшаго упадка, а именно вмѣшательство въ сферу интересовъ венеціанцевъ, вслѣдствіе экспансивной политики Вильгельма. Его притязанія на часть Эвбеи повлекли за собою войну съ Венеціей, во время которой весьма желанными союзниками его были генуэзцы. Пораженіе, испытанное союзникомъ венеціанцевъ, Гвидо аѳинскимъ, заставило тогда республику заключить миръ. Много повредилъ Вильгельму его союзъ съ тестемъ, эпирскимъ деспотомъ Михаиломъ II; послѣ рѣшительнаго пораженія, нанесеннаго деспоту Михаиломъ VIII Палеологомъ 1259, отвоевывавшимъ себѣ постепенно оторванныя отъ Византіи земли, былъ взятъ въ плѣнъ и Вильгельмъ Виллъгардуэнъ. Такимъ образомъ, франки лишились самой сильной своей опоры и не подлежитъ сомнѣнію, что благодаря этому плѣну было ускорено паденіе и самой латинской имперіи. Когда императоръ Михаилъ совершалъ свой въѣздъ въ Константинополь въ 1261 г., Вильгельмъ пребывалъ еще въ заключеніи, и былъ освобожденъ лишь послѣ того, какъ согласился на уступку крѣпостей —Моненбазіи, Мизиѳры и Маины (1262). Завладѣвъ этими пунктами, Византія получала возможность утвердиться опять и въ Пелопоннесѣ; намѣстникомъ вновь присоединенныхъ областей былъ Константинъ Палеологъ. Однако-же Вильгельмъ возобновилъ въ 1263 г. свои враждебныя выступленія противъ Византіи, отвѣтомъ на которые было рѣшеніе Михаила—окончательно вытѣснить франковъ изъ Пелопоннеса. Его флотъ долженъ былъ напасть на Эгейскіе острова, а армія направилась къ Эпиру. Несмотря однакоже на

успѣхи византійцевъ, Вильгельмъ все-таки остался на своемъ престолѣ, за то деспотъ Эпира, Михаилъ II, долженъ былъ подчиниться императору; женившись на императорской племянницѣ Аннѣ, онъ правилъ затѣмъ, совершенно поддавшись ея вліянію, Эпиромъ, Этоліей, Акарнаніей, Корцирой, Итакой и частью Кефалоніи. Въ то-же время продолжалась борьба византійцевъ съ французами въ предѣлахъ Мореи. Неудачны были выступленія императора противъ герцога Неопатры Іоанна Ангела, но предпріятія его противъ владѣтелей Эвбеи и противъ Эгейскихъ островов сопровождались большими успѣхами. Что касается Венеціи, то она удержала за собой лишь островъ Критъ, несмотря на все противодѣйствіе мѣстнаго греческаго населенія.

Сильнымъ ударомъ для франкскихъ державъ востока было прекращеніе рода Виллъгардуэнъ въ мужскомъ колѣнѣ 1278 г. Послѣ смерти Филиппа Анжуйскаго, женатаго на дочери Вильгельма, Изабеллѣ 1277, Морея перешла по родовому договору во владѣніе Анжуйскаго дома и играла затѣмъ роль операціоннаго базиса въ ихъ предпріятіяхъ противъ Византіи. Вскорѣ затѣмъ однако былъ положенъ конецъ всей этой борьбѣ анжуйцевъ съ византійцами—знаменитой сицилійской Вечерней (1282), не безъ участія византійской дипломатіи.

Самую выдающуюся роль въ Греціи игралъ тогда герцогъ афинскій Вильгельмъ, правившій такъ же Мореей, какъ представитель Анжуйскаго дома. Дворъ его, какъ нѣкогда дворъ Виллъгардуэновъ въ Андровидѣ, славился своимъ рыцарскимъ великолѣпіемъ. Къ сожалѣнію Вильгельмъ умеръ уже въ 1287 и Морея, въ качествѣ леннаго владѣнія, перешла къ Флорансу д'Авэннъ, женившемуся на овдовѣвшей дочери Вильгельма Виллъгардуэна, Изабеллѣ. Онъ сумѣлъ обезпечить изнуренному войнами полуострову семилѣтній миръ. Принявъ участіе въ борьбѣ Никифора Ангела изъ Арты противъ императора, побѣдоносно вступившаго въ Эпиръ и Фессалію, онъ заставилъ этого послѣдняго увести обратно свои войска. Стремившемуся къ мирной дѣятельности князю Флорансу мѣшали постоянно враждебныя отношенія разныхъ владѣтелей Греціи, а также разбойничья экспедиція сицилійскаго корсара Рожера да Лоріа, отъ которой жестоко пострадали нетолько Эгейскіе острова, но также и Морея, города же—Патра и Монембазія подверглись отвратительному грабежу. Кромѣ того, благодаря различнымъ ошибкамъ французскихъ бароновъ, рознь между греками и французами возрасла до такой степени, что дѣло дошло до открытой войны между двумя частями населенія въ 1296 г. Послѣ внезапной смерти Флоранса, власть перешла, по условіямъ спеціальнаго договора, къ Изабеллѣ Виллъгардуэнъ, вышедшей опять замужъ 1301 за едва достигшаго двадцати лѣтъ Филиппа Савойскаго, сына герцога Фомы III Савойскаго. Ужасный гнетъ податей, бывшій слѣдствіемъ расточительности Филиппа, вызвалъ скоро возстаніе въ Аркадіи. Къ счастью, интересуясь болѣе своимъ наслѣдственнымъ герцогствомъ Савойей, онъ скоро оставилъ Морею. Вслѣдствіе того король неаполитанскій, Карлъ II Анжуйскій объявилъ его лишеннымъ ахайскаго княжества (1306) и передалъ его своему сыну Филиппу Тарентскому. Тѣмъ не менѣе титулъ князей ахайскихъ долго еще былъ въ употребленіи савойскаго дома. Родъ Виллъгардуэновъ находился также въ нѣкоторой связи съ Мореей, такъ какъ дочь Изабеллы Виллъгардуэнъ, Матильда была супругою Гвидо II Афинскаго, управлявшаго Ахайей, въ качествѣ намѣстника Филиппа Тарентскаго. Къ сожалѣнію страна лишилась своего «добраго герцога», отлично исполнявшаго свою трудную задачу уже въ 1308 г. Съ его смертью прекратился родъ Де ла-Рошъ. Матильда, сначала невѣста сына Карла Тарентскаго Филиппа, вышла замужъ за Людовика Бургундскаго, сына номинальнаго короля Фессалоники, Роберта II

Бургундскаго, который и получилъ, благодаря этому, княжество Морейское,—герцогство же Аѳинское перешло къ сводному брату покойнаго Гвидо, графу Вальтеру-де-Лечче.

Во время войнъ конца XIII вѣка между генуэзцами и венеціанцами, а также между венеціанцами и византійцами страдали въ большей или меньшей степени, какъ острова Эгейскаго моря, такъ и побережье греческаго материка. Многіе изъ острововъ, перешедшихъ во владѣніе Византіи, были опять захвачены разными венеціанскими аристократами. Съ другой стороны, послѣ кровопролитныхъ экспедицій, ареной которыхъ было Эгейское море, нѣкоторые роды, какъ напр. Санудъ, владѣвшіе Наксосомъ, Гизи изъ о-ва Тино и др., пользуясь смутой, подчинили себѣ различныя баронства. Генуэзкій родъ Заккаріа, разбогатѣвшій благодаря копямъ квасцовъ въ ихъ Ѳокейскомъ княжествѣ, завладѣлъ Хіосомъ, Самосомъ и Косомъ. Кромѣ того появилась еще новая сила на правахъ независимой державы, а именно—орденъ Іоаннитовъ, изгнанный въ 1291 г. изъ Палестины, утвердившійся на островѣ Родосѣ и владѣвшій имъ въ теченіе двухъ столѣтій.

Весьма важныя послѣдствія для всей греческой территоріи возымѣло появленіе полчищъ сѣверо-испанскихъ наемниковъ-каталановъ. Призванные сначала на службу къ императору Андронику II, они опустошили Ѳракію, Македонію и Ѳессалію, затѣмъ, перейдя на службу къ Вальтеру Аѳинскому, измѣнили ему, и начали военныя дѣйствія противъ герцога, принужденнаго защищаться отъ нихъ съ помощью сильной арміи. Но эта армія была разбита подъ Кеѳиссомъ 1311 и самъ Вальтеръ палъ на полѣ битвы такъ же, какъ и весь цвѣтъ рыцарства Мореи, средней Греціи и Эвбеи. Блестящее герцогство аѳинское. съ его высокимъ благосостояніемъ, сдѣлалось теперь военнымъ лагеремъ дикаго испанскаго сброда, и ихъ турецкихъ помощниковъ. Они раздѣлили между собою не только владѣнія (1311), но и женщинъ убитыхъ рыцарей, и всѣ эти области стали теперь театромъ постоянной борьбы между французами и испанцами. Между тѣмъ, какъ подъ властью французовъ греческій элементъ сталъ чувствовать себя со временемъ вполнѣ удовлетворительно, подъ властью суровыхъ и некультурныхъ испанскихъ наемниковъ ему было суждено испытать жестокій гнетъ. Тогда именно, вслѣдствіе внесенной ими анархіи и одичанія были уничтожены послѣднія нити, связывавшія еще эту эпоху съ античной культурой. Благодаря захвату герцогства Аѳинскаго, королевскій арагонскій домъ утвердился также на греческой почвѣ, т. к. сицилійскій король Фридрихъ II, исполняя просьбу каталановъ, позволилъ своему сыну, Манфреду, быть ихъ герцогомъ (1312—1317).

Въ Мореѣ, захваченной безцеремонными анжуйцами послѣ смерти Людовика Бургундскаго (1316 г.), несмотря на права рода Виллъгардуэновъ, представительницей котораго являлась въ то время вдова Людовика Матильда, начали также постепенно утверждаться византійцы. Вскорѣ послѣ того имъ принадлежала уже Аркадія, а возстановленная здѣсь восточная греческая церковь оказывала сильную поддержку государству. Кромѣ того въ Мореѣ же игралъ извѣстную роль флорентинскій банкирскій родъ — Аччіяжюоли. Острова—Эвбея. Наксосъ и др. испытали въ 1324—1332 грабежи турецкихъ полчищъ, тѣмъ ужаснѣе отразившіеся на ихъ судьбѣ, что многіе жители были уведены въ плѣнъ—и разныя мѣстности были опустошены. Положеніе греческихъ областей становилось все безнадежнѣе. Въ то время, какъ въ Ахайѣ, послѣ смерти Филиппа Тарентскаго д'Анжу несмотря на энергію его вдовы-правительницы Екатерины, отдѣльные бароны, освободивъ себя отъ ленной присяги, присвоили себѣ отдѣльныя владѣнія, въ то время, какъ албанцы грабили Ѳессалію своими набѣгами, а сербскій король Стефанъ Душанъ покорялъ Эпиръ и Акарнанію, шла

такъ-же непрерывная борьба и въ Эгейскихъ водахъ—между Венеціей и Генуей, изъ-за обладанія Чернымъ моремъ. Кромѣ войнъ, свирѣпствовала здѣсь въ то же время (1348) съ небывалою силою (какъ и во всей впрочемъ Европѣ), эпидемія чумы, лишившая страну по меньшей мѣрѣ девятой части ея населенія.

Императоръ Кантакузинъ воспользовался этимъ сплетеніемъ обстоятельствъ, чтобы создать для своего сына—Мануила Кантакузина, деспотію въ Мизитрѣ,—и дѣйствительно выдѣленная область отдыхала нѣкоторое время подъ его властью. Домъ Аччіажюоли, опираясь на свои богатства, позволявшія ему распространять свои владѣнія, пріобрѣлъ въ эту эпоху большое значеніе. Въ Ѳессаліи царствовалъ братъ Стефана Душана—Симеонъ Урошъ, пользовавшійся титуломъ «Императора сербовъ и грековъ». Албанцы выступили также въ роли самостоятельнаго народа и, подъ руководствомъ своего перваго царя—Карла Толія, расширяли свои владѣнія къ югу, въ областяхъ Арты и Этоліи. Полная перестановка всѣхъ прежнихъ отношеній указывала на приближеніе новой эпохи, главной двигательной силой которой предназначено было быть османамъ. Изъ Адріанополя исходили первые приказы Мурада I, вполнѣ цѣлесообразно исполняемые его великимъ визиремъ Хайрединомъ и Эфренъ-Бегомъ. Послѣ битвы на Коссовомъ полѣ рушились и всѣ надежды греческихъ мелкихъ государствъ на успѣшную самозащиту.

Въ Эпирѣ, близъ адріатическихъ береговъ, находимъ мы до сихъ поръ развалины былыхъ анжуйскихъ владѣній, дольше другихъ сохранилось процвѣтаніе острова Корфу. Это именно и заставило венеціанцевъ смотрѣть на островъ, какъ на подходящее возмѣщеніе ожидаемыхъ потерь на Эгейскомъ морѣ и они принялись съ большей энергіей создавать себѣ здѣсь партію сторонниковъ могущественной республики. Когда Карлъ III, король неаполитанскій, которому было предоставлено управленіе островомъ, палъ отъ руки убійцы 1382 г., венеціанцы сейчасъ же захватили Корфу въ свои руки (въ 1402), купили отъ анжуйскаго дома всѣ его права на это владѣніе.

Между тѣмъ, какъ на греческомъ сѣверѣ различные властители и князья, борясь другъ съ другомъ и терзая страну своими свирѣпыми нападеніями и походами, все чаще и чаще обращались за помощью къ османамъ и облегчали имъ путь и въ западныя области,—на югѣ, пощаженномъ пока отъ турецкихъ вторженій, внутреннія отношенія создавались болѣе утѣшительнымъ образомъ, онъ даже переживалъ опять, подъ владычествомъ флорентинскихъ Аччіажюоли короткій періодъ процвѣтанія. Райнеріо Аччіажюоли изъ Коринѳа, стремясь возмѣстить разныя территоріальныя потери, отнялъ отъ каталановъ Аѳины и въ качествѣ герцога аѳинскаго пріобрѣлъ любовь народа (1385—1394).

Точно такъ же и деспотія Мизиѳры, подъ управленіемъ Кантакузина, отличалась своимъ благосостояніемъ отъ остальныхъ приморскихъ областей. Дѣятельность Мануила Кантакузина въ этихъ владѣніяхъ и его раціональная политика заставили опять уважать церковь. Въ его время началось заселеніе обезлюженныхъ греческихъ мѣстностей *албанцами*, весьма долго сохранявшими свои національныя особенности и лишь въ XIX вѣкѣ растворившимися въ обще-греческой массѣ. Мануилу наслѣдовалъ его старшій братъ Матвѣй, послѣ кончины послѣдняго въ 1383 г. и за отказомъ отъ правленія Дмитрія Кантакузина — сына Матвѣя, императоръ поставилъ своего сына Ѳедора I Палеолога деспотомъ Мизиѳры (1383—1407 г.), родъ котораго и оставался здѣсь до паденія княжества.

Греческіе раздоры побудили султана Баязета напасть и на эти области. Въ 1392 г. не только острова, но и греческія земли вообще подверглись

грабительскимъ нападеніямъ Эфренъ-Бега, и герцогъ Райнаріо аѳинскій сталъ въ 1392 данникомъ султана. Два года спустя герцогство перестало даже существовать въ своей прежней формѣ и аѳинцы предложили свой городъ венеціанской республикѣ. Но въ 1402—03 г. Антоніо Аччіажюоли отнялъ его опять, съ помощью османовъ, отъ венеціанцевъ, правда съ условіемъ, что будетъ герцогомъ аѳинскимъ лишь «по милости султана». Къ счастью это герцогство, въ составъ котораго входили также Боснія и Аттика, пользовалось значительнымъ благосостояніемъ подъ его управленіемъ. Въ Мореѣ генуэзецъ Чентуріоне Цаккарія пріобрѣлъ княжество ахайское отъ Владислава Неаполитанскаго и умѣло защищалъ его, какъ отъ венеціанцевъ, такъ и отъ Ѳеодора-деспота Мизиѳры. Въ то же время и іоаннитскіе рыцари и Венеція округляли свои владѣнія при всякомъ удобномъ случаѣ. Такимъ же образомъ и владѣтель Левкадьи Токки, утвердившійся въ Акарнаніи и Этоліи, воспользовавшись случаемъ, пріобрѣлъ важный пунктъ —Лепанто.

Съ воцареніемъ Мурада II турецкая опасность стала еще явственнѣе. Но напрасно Венеція старалась побудить къ совмѣстному дѣйствію всѣ морейскія династіи. Буря приближалась въ лицѣ Мурадова полководца Турахана, жившаго въ качествѣ вассальнаго князя въ Воденѣ. За нимъ слѣдовали эмиры Македоніи и Ѳессаліи, двухъ областей ставшихъ издавна уже турецкими военными базисами. Во время свирѣпаго похода турокъ на Пелопоннесъ все покорилось имъ на пути. Антоніо I аѳинскій, въ качествѣ вассала, долженъ былъ помогать туркамъ со своими войсками. Даже построенная императоромъ Мануиломъ Гексамиліономъ—крѣпость спеціально возведенная для защиты перешейка, не выдержала напора османовъ—послѣ ужасной рѣзни, опять толпы населенія были уведены въ рабство. Послѣ взятія Ѳессалоники Мурадомъ 1430 множились постоянно потери греко-французскаго элемента въ сѣверной и средней Греціи. Только въ одной Мореѣ Константинъ, братъ деспота Ѳеодора II, обнаруживалъ предпріимчивость и энергію, благодаря которымъ почти весь южный полуостровъ, за исключеніемъ венеціанскихъ владѣній, очутился снова въ греческихъ рукахъ. Къ сожалѣнію эта побѣда греческаго духа была его послѣдней побѣдой и, кромѣ того, она все-таки была недостаточна, чтобы составить прочный базисъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ для новой крѣпкой жизни и дальнѣйшаго развитія.

Другіе члены морейской вѣтви Палеологовъ—братья Ѳеодоръ II и Ѳома теряли понапрасну свои силы въ мелкой, завистливой борьбѣ и интригахъ и въ обезсиливающихъ войнахъ изъ-за единодержавія. Съ большимъ трудомъ даже удавалось ихъ царственному брату—императору Іоанну VIII удерживать ихъ отъ обращенія за помощью къ султану Мураду, занятому тогда войнами съ сербами и венграми. Однакоже деспотъ Мизиѳры Константинъ, присоединившійся къ союзу Византіи, Венгріи и Римской Курьи противъ султана, успѣлъ расширить свои владѣнія по направленію къ сѣверу,—въ Аѳинской и Бэотійской областяхъ. Но послѣ несчастной битвы подъ Варной нельзя уже было надѣяться на дальнѣйшее осуществленіе его стремленій, цѣлью которыхъ было возстановленіе греческаго господства къ сѣверу отъ перешейка, тѣмъ болѣе, что и Венеція заключила миръ съ султаномъ. Наконецъ и самъ султанъ появился въ средней Греціи и въ Пелопоннесѣ, но Палеологи, обязавшись платить дань, еще разъ купили себѣ спокойствіе. Константину, вступившему послѣ брата,—Іоанна VIII на византійскій престолъ, было суждено пасть геройской смертью въ своей столицѣ, попавшей въ 1453 въ руки Магомета II. Императорскіе братья Ѳома и Димитрій были оставлены въ своихъ Морейскихъ деспотіяхъ, какъ вассалы и данники султана. Когда же впослѣдствіи Ѳома отказался отъ

дани, Магометъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы покончить и съ послѣдними остатками греческаго прошлаго. Въ 1456 г. онъ вступилъ въ Аѳинское герцогство, а въ 1458 появился въ Мореѣ. Новыя возстанія обоихъ Палеологовъ побудили султана къ новому нашествію на югъ страны. Димитрій отдался въ плѣнъ и жилъ съ 1460 въ роли турецкаго пенсіонера въ Константинополѣ, Ѳома оставилъ Пелопоннесъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ венеціанскихъ областей и неприступныхъ албанскихъ горныхъ твердынь, вся Морея составляла уже собственность османовъ. На всемъ пространствѣ полуострова одинъ лишь Георгъ Кастріотъ (по турецки—Скандербегъ), засѣвъ въ своихъ албанскихъ горахъ, оказывалъ еще съ помощью Рима, Венеціи и Неаполя, храброе противодѣйствіе Турціи—въ теченіе 24 лѣтъ. Послѣ его смерти 1468 г. прекратилась и эта послѣдняя борьба.

ГЛАВА VI.

Внутреннія отношенія. Культура.

Среди славянскихъ народовъ балканскаго полуострова первое мѣсто въ культурномъ отношенію принадлежитъ въ средніе вѣка болгарамъ; они являются распространителями греческой цивилизаціи и въ то же время основателями славянской культуры и литературы. Пріобщеніе болгарскаго народа къ цивилизованному міру началось съ болѣе широкаго распространенія христіанства при ханѣ Борисѣ, пересоздавшемъ кореннымъ образомъ духовную жизнь славянства. Въ самомъ началѣ исторіи обращенія славянъ въ христіанство мы находимъ имена братьевъ—Константина (Кирилла) и Меѳодія. Впрочемъ по отношенію къ болгарамъ дѣятельность этихъ апостоловъ имѣла скорѣе косвенное значеніе, такъ какъ уже и до Бориса, при ханѣ Пресямѣ, христіанство обрѣло въ Болгаріи многихъ приверженцевъ. Важнѣе были послѣдствія дѣятельности на болгарской почвѣ ихъ учениковъ, изгнанныхъ изъ Маравіи Святополкомъ, (поставившимъ свою церковь въ зависимость отъ Германіи), и нашедшихъ дружественный пріемъ у царя Симеона. Здѣсь они продолжали съ большой энергіей свою миссіонерскую дѣятельность, обративъ въ новую вѣру весь народъ. Когда и кроаты также приняли христіанство—сербы должны были съ своей стороны послѣдовать общему примѣру.

Основаніемъ государственной жизни, какъ Болгаріи, такъ и Сербіи служилъ древне-славянскій институтъ жупанства. Оба государства распадались на провинціи и округа или жупы (съ крѣпостцами въ центрѣ), во главѣ которыхъ стояли жупаны, исполнявшіе обязанности судей и заботившіеся о всеобщей безопасности. Верховная власть въ болгарскомъ государствѣ, основанномъ Аспарухомъ, принадлежала хану, принявшему впослѣдствіи титулъ царя (Кесаря). Образцомъ государственнаго устройства, церемоніала, придворныхъ и государственныхъ учрежденій—служила конечно, Болгарскому царству, такъ же какъ и сербамъ, и румынамъ—Византійская Имперія. Несмотря на то, что власть царя была ограничена болгарами, онъ пользовался безграничнымъ почитаніемъ, царицѣ же былъ п[...]своенъ титулъ: «благовѣрной». Сравнивая общую картину развитія гос[...]арственныхъ отношеній въ Болгаріи и въ Сербіи мы видимъ, что они э[...]люціонировали въ обѣихъ странахъ различнымъ образомъ въ одну и т[...] же историческую эпоху. Въ то время, какъ въ Болгаріи въ первые в[...]а ея существованія государственныя отношенія отличались большой у[...]ойчивостью—въ послѣдній же періодъ, наоборотъ, даетъ себя постоянно ч[...]ствовать общая расшатанность, какъ слѣдствіе усобицъ и раздоровъ,—въ

Сербіи замѣчается противоположный ходъ событій: рознь, характеризующая первые вѣка, исчезаетъ и въ 12—14 вв. вся страна склоняется уже передъ сознательной и послѣдовательной политикой королей.

Въ управленіи отдѣльныхъ сербскихъ племенъ большую роль игралъ принципъ старшинства, въ силу котораго власть принадлежала всегда старѣйшему члену извѣстнаго властнаго рода, съ теченіемъ времени наслѣдственно уже удерживавшаго за собою жупанское достоинство. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Стефанъ I Неманя не ввелъ новый принципъ наслѣдственной монархіи. Изъ первобытнаго жупанства возникло и сербское дворянство и высшая государственная власть. Какъ старики-члены задруги выбирали жупановъ, стоявшихъ во главѣ жупы, такъ, въ свою очередь жупаны выбирали великаго жупана, стоявшаго, съ большей или меньшей властью, во главѣ племени. Тенденціи къ обособленности, проявлявшіяся въ Сербіи до 12-го вѣка, мѣшали очень долго развитію центральной государственной идеи. Стефану I Неманѣ лишь послѣ упорной, тяжелой борьбы удалось основать общепризнанную династію, хотя преемники его должны были еще съ своей стороны бороться съ родовымъ партикуляризмомъ и племенной разрозненностью, опирающимися на древней традиціи. Такимъ образомъ, Сербское королевство, даже въ періодъ сильной монархической власти, было ограниченой монархіей,—король правилъ въ тѣсной связи съ своимъ «совѣтомъ»—органомъ могущественнаго и снабженнаго разными привилегіями дворянства.

Наравнѣ съ дворянствомъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ частно-правовомъ отношеніи, стояла церковь. Ея положеніе измѣнялось въ зависимости отъ политическаго положенія славянскихъ государствъ. Вслѣдствіе свирѣпой мести византійскаго императора Василія II болгарская церковь была совершенно подчинена греческой; уже второй архіепископъ ея былъ природнымъ грекомъ. Послѣ же паденія столицы Болгаріи—Тырнова 1394 г. возстановленная было самостоятельность болгарской церкви снова была утрачена и она перешла опять подъ власть грековъ. Монастыри въ Болгаріи были многочисленны и снабжены различными правами и доходами. И ихъ братья не стояли въ то время такъ низко, какъ впослѣдствіи; монахи усердно занимались заимствованными изъ Византіи искусствами и науками.

Сербская церковь была вначалѣ подчинена римско-католическому архіепископу города Спалато, а затѣмъ архіепископу антиварскому. Стефанъ I Неманя, стремясь къ объединенію какъ въ дѣлахъ вѣры такъ и въ политикѣ, организовалъ и церковь на новыхъ началахъ, присоединивъ ее къ восточной церкви и преслѣдуя католичество, заодно съ широко распространеннымъ богомилизмомъ. Кромѣ того онъ основалъ отдѣльную сербскую архіепископію и первымъ архіепископомъ восточнаго обряда былъ его младшій сынъ Растка, причисленный къ лику святыхъ подъ именемъ Савы. Мѣстопребываніемъ сербскихъ архіепископовъ была Жица и здѣсь также короновались сербскіе короли. Страна была раздѣлена на 12 епархій, во главѣ которыхъ стояли исключительно природные сербы. Въ 1235 независимость сербской церкви была признана и Византіей, а въ 1346 Стефанъ Душанъ возвелъ сербскаго архіепископа въ санъ патріарха. Царская власть въ Сербіи, въ своемъ стремленіи къ національной централизаціи и къ подавленію племенного сепаратизма, находила въ церкви могучую поддержку.

Кромѣ привелегированныхъ классовъ,—дворянства и духовенства, существовалъ въ сербіи и въ Болгаріи классъ крѣпостныхъ, не принимавшій никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, какъ сербскій «*sebr*», такъ и болгарскій «*parik*» не были никогда рабами; они владѣли собственностью, въ томъ числѣ и территоріальной, но они были прикрѣплены

къ землѣ. Буржуазія, являвшаяся столь важнымъ элементомъ въ западной Европѣ была неизвѣстна на Балканскомъ полуостровѣ. Въ литературномъ отношеніи Болгарія выдвигается на первый планъ среди своихъ, соплеменниковъ и въ этомъ и состоитъ ея главное культурно-историческое значеніе въ средневѣковой жизни славянства. Конечно, эта древне-славянская литература не была самостоятельна,—она не была созданіемъ болгарскаго народа и составляла лишь собственность духовенства. Начала ея относится къ дѣятельности славянскихъ апостоловъ Константина (Кирилла) и Меѳодія и ихъ учениковъ, проповѣдывавшихъ въ Сербіи при царѣ Борисѣ. Они то и перевели Евангеліе, Дѣянія Апостоловъ, Псалтырь и византійскія богослужебныя книги. Громадный шагъ впередъ сдѣлала древне-сербская литература при царѣ Симеонѣ (893—927), принимавшемъ въ ней и личное участіе въ качествѣ писателя. Такъ напр. онъ собралъ подъ заглавіемъ «Златоструя» 135 гомилій Іоанна Златоуста, а въ энциклопедическомъ сочиненіи «Сборникъ» изложилъ философскія, риторическія и историческія сочиненія двадцати византійскихъ писателей. Благодаря этому Симеонъ является настоящимъ основателемъ болгарской литературы, усвоенной затѣмъ и другими славянами и ставшей главнымъ средствомъ пріобщенія славянъ къ византійской церкви и византійской цивилизаціи. Съ другой же стороны слѣдуетъ замѣтить, что эта литература была впослѣдствіи однимъ изъ элементовъ, дѣлящихъ славянъ на два міра—восточный и западный.

Древнѣйшимъ памятникомъ славянской церковной поэзіи считается молитвенный стихъ Меѳодіева ученика—Константина, прославляющій принятіе христіанства Сербіей, поставленный во главѣ сборника воскресныхъ проповѣдей. Тогда же была переведена экзархомъ Іоанномъ, личнымъ другомъ Симеона, догматика Іоанна Дамаскина, кромѣ того, въ своемъ собственномъ «Шестодневѣ» онъ изобразилъ прекраснымъ языкомъ сотвореніе міра. Нѣкоторыя свѣтскія книги переводились также на славянскій языкъ. Напр. монахъ Григорій, одинъ изъ участниковъ литературнаго кружка Симеона, перевелъ по его порученію хронографъ Іоанна Малаласа, дошедшій до насъ въ цѣлости благодаря лишь этому переводу. Онъ прибавилъ къ нему священную исторію Ветхаго Завѣта и сказанія объ Александрѣ. Къ этому же времени относится переводъ всемірной хроники Георгія Гамартола, ставшей главнымъ источникомъ и образцомъ для позднѣйшихъ славянскихъ лѣтописцевъ. Изъ сподвижниковъ Симеона слѣдуетъ упомянуть также о черноризцѣ Храбрѣ, изложившемъ исторію изобрѣтенія славянскихъ письменъ. Расцвѣтъ молодой болгарской литературы въ эпоху царя Симеона и позднѣйшее развитіе ея находились въ тѣсной связи съ ея политической мощью. Во времена слабости и упадка государства замѣчалось также и паденіе литературы. Уже при преемникѣ Симеона, Петрѣ, она не держится на прежнемъ высокомъ уровнѣ, вслѣдствіе преобладанія въ ней мрачно аскетическаго духа. На первое мѣсто выдвигается теперь имя Іоанна Рыльскаго, національнаго святого Болгаріи, о которомъ напоминаетъ и до сихъ поръ громадный Рыльскій монастырь, а также имена пустынниковъ Прохора, Гавріила и Іоакима.

Фантастическіе апокриѳы раскрываютъ тайны неба и ада и научаютъ чи ателей о томъ, о чемъ умалчиваетъ священное Писаніе. Къ царствованіи Петра относится появленіе въ Болгаріи попа Богомила, реформатора П злова ученія, (перенесеннаго на болгарскую почву переселившимися сюда ар янскими Пауликіанами) и основателя столь распространенной и вліятельн въ болгаріи секты богомиловъ. Это мрачное ученіе, проклинающее весь чу ственный, внѣшній міръ, мѣшало также и развитію здоровой политич кой жизни. Пробивая себѣ путь по всей Европѣ, оно разрушало,

какъ всякій аскетизмъ, свободное, жизнерадостное духовное творчество. И въ позднѣйшія времена религіозныя неурядицы истощали Болгарію—всегда наклонную къ различнымъ видамъ сектантства. Рядомъ съ богомилизмомъ, находило себѣ многочисленныхъ приверженцевъ новое, оригинально-мистическое ученіе 1340 гезихастовъ. Оно возникло въ 1340 на Аѳонѣ. Эти странные благочестивцы погружались въ созерцаніе собственнаго пупа до тѣхъ поръ, пока онъ имъ не казался окруженнымъ сверхъестественнымъ ореоломъ. Это ученіе, отличавшееся извращеніемъ нравственныхъ понятій, было связано однимъ изъ его представителей монахомъ Ѳеодоритомъ съ остатками языческихъ обычаевъ и пріобрѣло большую популярность въ Болгаріи. Также и простонародная, главнымъ образомъ, секта адамитовъ, презиравшая бракъ и праздновавшая свои оргіи въ уединенныхъ мѣстахъ, находила не мало вѣрующихъ. Всѣ эти явленія, конечно, вліяли отрицательнымъ образомъ на духовную жизнь народа.

На ряду съ книгами религіознаго содержанія и съ свѣтскими хрониками проникли также въ славянскій міръ греческія, арабскія, индійскія сказки и повѣтствованія, переведенныя съ греческаго на болгарскій языкъ, напр. «Сказанія объ Александрѣ, о Троѣ, индійскія сказки изъ Панчатантры». Всѣ эти сказанія, смѣшанныя съ мѣстными преданіями, сохранились и до настоящаго времени среди народа. Ихъ знали и читали не только образованные классы, но и народъ. Въ эпоху роста политической силы государства подъ управленіемъ Шишманидовъ Тырновскихъ, начинается также и новый литературный подъемъ Болгаріи. Хотя и теперь еще преобладаютъ «сборники»—главнымъ образомъ религіознаго содержанія, но съ другой стороны болгары имѣли возможность познакомиться съ Неоплатоновской философіей, благодаря переводу въ 14 в. сочиненій Діонисія Арсопагита. Переводы и заимствованія составляютъ попрежнему основаніе тогдашней болгарской литературы, но встрѣчаются уже и легенды о мѣстныхъ святыхъ въ самостоятельной обработкѣ. Особенное процвѣтаніе литературы замѣчается въ царствованіе книголюбца-царя Іоанна Александра. Онъ велѣлъ перевести хронику Константина Манассіи, при немъ же совершались церковныя реформы Ѳеодосія Тырновскаго, ученикъ котораго Евѳимій, избранный въ 1375 патріархомъ, замѣчателенъ тѣмъ въ особенности, что онъ собиралъ вокругъ себя болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ литературныхъ дѣятелей. Его перу принадлежатъ многія жизнеописанія національныхъ святыхъ, а также посланія къ разнымъ духовнымъ сановникамъ.

Изъ Болгаріи славянская литература перешла въ Сербію и въ Русь и вплоть до 18 вѣка древне-славянскій языкъ былъ государственнымъ и церковнымъ языкомъ сербовъ, русскихъ, болгаръ и румынъ, уступивъ затѣмъ мѣсто національнымъ языкамъ.

Въ сербской литературѣ стоятъ также на начальномъ мѣстѣ церковныя книги, затѣмъ хроники и жизнеописанія. Самой выдающейся исторической книгой древне-сербской литературы считается жизнеописаніе Стефана Лазаревича, составленное Константиномъ Философомъ.

* *
*

Разсматривая, какъ политическую, такъ и духовную жизнь эт[illegible]ъ средневѣковыхъ славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова до [illegible]3 и 14 вв. включительно, мы должны признать, что они могутъ вполнѣ [illegible]держать сравненіе съ тогдашними западными государствами. Турецкое [illegible]осударство разрушило роковымъ образомъ ихъ расцвѣтавшую жизнь.

10-й вѣкъ въ Греціи составляетъ переходную эпоху, когда эллини[illegible]ъ,

оправившись отъ славянскаго потопа, снова побѣдоносно выдвигается на первый планъ, не безъ дѣятельной помощи церкви. Аѳины, Патры, Коринѳъ, Ѳивы являются попрежнему центромъ образованія и торговли. Въ половинѣ 12 вѣка въ особенности Греція достигаетъ высокой точки процвѣтанія. Даже глубокія раны, нанесенныя греческой промышленности, послѣ завоеванія Коринѳа и Ѳивъ норманнами, скоро зажили и въ особенности греческая шелковая промышленность перестала бояться сицилійской конкуренціи. Ѳивы сохранили свою прежнюю славу и даже въ Аѳинахъ оставались еще блестящіе слѣды ихъ прежняго величія. Вѣдь недаромъ же король Георгій посылалъ туда ежегодно 20 юношей для образованія, а англичанинъ Джонъ Безингстоксъ воздаетъ такія похвалы знанію своей учительницы Констанціи. Были, казалось, всѣ данныя къ тому, чтобы на прежней почвѣ могла развиваться новая сильная культура; къ несчастью несносное бремя податей и тяжелая рука господствовавшаго тамъ феодализма уничтожили всѣ зачатки лучшей жизни. Развитіе феодализма составляетъ именно самое характерное явленіе 12 вѣка. Стремясь всѣми силами къ независимости и освобожденію отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ центральной власти, эти земельные бараны (архонты) вступали, также очень часто въ жестокую борьбу другъ съ другомъ и на греческой почвѣ, какъ это было и на италіанской. Общая картина феодализма развертывается въ особенности послѣдовательно съ тѣхъ поръ, какъ франки стали здѣсь властелинами. Медленно, но постоянно франкскіе обычаи проникаютъ въ греческій бытъ и въ греческій языкъ. Въ особенности неприглядной стала подъ франкскимъ скипетромъ жизнь греческаго мужика; тяжелая барщина въ рыцарскихъ латифундіяхъ отнимала у него время и силы, и тогда же стали исчезать и послѣднія категоріи свободнаго крестьянскаго класса въ Греціи. Греки познакомились ближе съ французской придворной жизнью, турниры и здѣсь были любимымъ развлеченіемъ, трубадуры пѣли въ различныхъ замкахъ съ крѣпкими стѣнами и башнями, господствовавшими и здѣсь съ горныхъ высотъ надъ окружающею страною, какъ напр. укрѣпленная Мизиѳра, Акова въ Сѣверной Аркадіи, или Грицена между Ирой и Итомой. Въ особенности же въ Ахайи, западно-европейскій бытъ утверждался въ то время такъ прочно, что если бы не поддержка церкви мѣстные греческіе элементы были бы совершенно денаціонализированы.

Смятеніе и путаница водворились также и въ церковныхъ отношеніяхъ. Вмѣстѣ съ усиленіемъ политическаго латинства выдвигается повсюду и римская церковь. Съ одной стороны нельзя было надѣяться на установленіе мирныхъ отношеній между нею и греческою церковью, съ другой она должна была постоянно бороться съ баронами, очень часто присваивавшими себѣ церковную собственность. По всей территоріи, рядомъ съ греческими базиліанскими монастырями, возникли монастыри западно-европейскихъ орденовъ: гристеріанцевъ, доминиканцевъ, бенедиктинцевъ, францисканцевъ и кармелитовъ. Дѣло, конечно, и здѣсь не обходилось безъ многочисленныхъ столкновеній, тѣмъ болѣе, что латинскій клиръ вовсе не отличался вѣротерпимостью и, въ противоположность политикѣ папы Иннокентія III, выказывалъ лишь наклонность къ скорѣйшей эксплуатаціи и использованію своихъ приходовъ, чтобы затѣмъ вернуться во свояси. Благодаря этому не трудно было греческому духовенству поддерживать среди народа его ненависть къ латинству и вытекающія отсюда общенаціональныя тенденціи.

Но въ литературномъ отношеніи соединеніе романскаго элемента съ греко-восточнымъ дало начало новой греческой поэзіи, отличной отъ прежняго учено-византійскаго стихотворства. Близкое соприкосновеніе съ франкскимъ міровоззрѣніемъ отразилось прежде всего въ переходной литературно-на[illegible]ной формѣ—романѣ, включавшемъ въ себѣ александрійско-византій-

скіе, романскіе и народно-греческіе элементы. Сюда относятся романтическія поэмы: «Бельтандръ и Хризанца», «Либистръ и Родамна». Какъ въ этнографическомъ отношеніи, такъ и здѣсь, скоро удалось грекамъ претворить въ себѣ столь вліятельные въ началѣ чуждые элементы. Доказательствомъ служитъ между прочимъ и романъ о Либистрѣ.

ГЛАВА VII.

Общій обзоръ политическаго положенія отъ 1453 г. до новыхъ временъ включительно.

Завоеваніе турками-османами Константинополя отразилось столь рѣшающимъ образомъ на политическихъ отношеніяхъ не только тогдашней Европы, но и позднѣйшихъ временъ, что для уясненія послѣдующей исторіи балканскихъ государствъ не мѣшаетъ сдѣлать общій очеркъ отношеній великихъ державъ къ новому государству, а также обзоръ политическихъ событій, многообразныхъ стремленій, вліяній и т. п. въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, до нашего времени включительно.

Отличительную черту исторіи балканскихъ государствъ въ первую половину византійскаго періода составляетъ расовая борьба между вновь появившимися здѣсь и широко разселившимися славянами, съ одной стороны, и господствующимъ мѣстнымъ греческимъ элементомъ съ другой. Такъ какъ борьба эта лишь изрѣдка затрагивала интересы западныхъ народовъ то въ общемъ исторія балканскихъ государствъ протекаетъ въ это время безъ замѣтной связи съ исторіей остальной Европы; завоеваніе Константинополя венеціанцами и франкскими рыцарями вывело ихъ изъ этого изолированнаго положенія. Утвердившіеся на византійской почвѣ итальянскіе, французскіе и испанскіе рыцари, основатели новыхъ державъ,—не замедлили, конечно, втянуть ихъ въ водоворотъ западной политики. Интересъ западно-европейскихъ государствъ къ положенію дѣлъ на полуостровѣ долженъ былъ, конечно, еще болѣе возрасти съ завоеваніемъ Константинополя турками. Хотя извѣстіе объ этомъ событіи потрясло всю Европу, тѣмъ не менѣе нельзя было питать ни малѣйшей надежды на возможность противодѣйствія этому крупному перевороту и вытекавшимъ изъ него перемѣнамъ, благодаря тогдашнему распаду политической жизни въ христіанскихъ государствахъ. Дѣло дошло до того, что немного спустя султанскій дворъ сталъ сборнымъ мѣстомъ европейскихъ дипломатовъ, безстыдно добивавшихся его помощи противъ того или другого христіанскаго противника Какое же значеніе могъ имѣть союзъ, заключенный 31 марта 1495 г. Венеціей, Фердинандомъ и Изабеллой испанскими, Максимиліаномъ I, Людовикомъ Моро и папой для защиты отъ турокъ? Они вторглись безъ всякой помѣхи въ Венгрію и Польшу, и Венеція была наказана по справедливости за свою безхарактерную, вялую политику утратою морейскихъ владѣній. Чего также можно было ожидать «священно-римской имперіи нѣмецкой націи», не бывшей въ состояніи даже собрать тѣхъ жалкихъ грошей, которые предназначались будто бы на войну различными имперскими сеймами,—имперіи, всегда богатой разными рѣшеніями, но крайне бѣдной дѣлами! Въ то время, какъ императоръ Максимиліанъ I, пріѣхавъ на Камбрейскій съѣздъ 1517 года, предлагалъ участвовавшимъ въ немъ монархамъ планъ раздѣла Турціи — Австрія и Баварія остались совершенно беззащитны отъ грабительскихъ турецкихъ вторженій, Венеція смотрѣла безпомощно на потерю Родоса, а венгерское дворянство, надѣясь скорѣе добиться своихъ цѣлей подъ скипетромъ султана, предпочитало держать его сторону. Всѣ враги нѣмецко-римскаго императора окружали турецкаго монарха, или искали его помощи,

во главѣ съ Францискомъ I-мъ, христіаннѣйшимъ королемъ Франціи. По условіямъ заключеннаго въ 1535 г. договора, онъ добился для Франціи положенія привилегированной державы на востокѣ, и ко времени этого договора восходитъ, между прочимъ, существующій и теперь французскій протекторатъ надъ католическими подданными падишаха. Францискъ I, кромѣ того, оказывалъ щедрую денежную помощь султану, готовившемуся къ походу противъ Австріи. Хотя натискъ «царя царей» и былъ еще въ тотъ разъ отбитъ у крѣпкихъ стѣнъ Вѣны, зато Венгрія была потеряна,— она была затѣмъ пожалована «султанскою милостью» трансильванскому воеводѣ Яну Заполію. Венеціанцы, съ своей стороны, не стыдились повергать къ стопамъ султана по этому поводу свои поздравленія. Такъ какъ религіозныя смуты поглощали въ то время всѣ силы нѣмецкой имперіи, то единственнымъ сильнымъ противникомъ турокъ былъ лишь король польскій,—замѣчательный монархъ Сигизмундъ II, а также царь русскій Иванъ Грозный, создававшій тогда могущество своего государства. Но султанъ нашелъ цѣнныхъ союзниковъ въ короляхъ французскомъ и англійскомъ, такъ какъ политика ихъ опредѣлялась тогда ненавистью къ Габсбургамъ нѣмецкимъ и испанскимъ. Такимъ образомъ, благодаря низменной зависти, не была использована знаменитая побѣда при Лепанто и напрасны были всѣ усилія папъ Григорія X (1572—1583) и Сикста V (1585—1590), взывавшихъ къ союзу противъ турокъ. По планамъ послѣдняго изъ нихъ, этотъ союзъ долженъ былъ распространить свою дѣятельность и въ отдаленныхъ странахъ востока.

Франція продолжала играть руководящую роль на Босфорѣ и въ то время, когда вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, финансовыхъ затрудненій и воинской неспособности султановъ, Османская Имперія стала склоняться къ упадку. На ряду съ окрѣпшей и пріобрѣвшей опять большое значеніе Нѣмецкой имперіей, поляки и русскіе были и въ позднѣйшія времена самыми серьезными противниками турокъ. Нарушеніе верховныхъ правъ Польши въ зависимыхъ отъ нея областяхъ было причиною войны съ Турціей короля Яна III-го Собѣсскаго, счастливо доведенной имъ до конца. Три похода царя Θедора III противъ турокъ были также удачны; къ этому-то періоду относится начало тайной дѣятельности Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Зато Франція оставалась попрежнему вѣрной союзницей султана. Традиціонная ненависть къ династіи Габсбурговъ и къ Нѣмецкой имперіи выражалась, между прочимъ, и въ томъ, что Людовикъ XIV побуждалъ султана назначить гр. Эмериха Токели королемъ не только турецкой, но и австрійской Венгріи.

Слѣдствіемъ этого была война между Австріей и Турціей. Турки появились опять подъ стѣнами Вѣны, но это уже въ послѣдній разъ. Союзъ императора съ Польшей, заключенный при содѣйствіи папы Иннокентія XI, имѣлъ громадныя послѣдствія: грандіозное пораженіе Кара-Мустафы и освобожденіе Венгріи отъ турецкаго ига а затѣмъ открытіе пути для дальнѣйшихъ побѣдъ нѣмцевъ въ дунайскихъ областяхъ. Къ сожалѣнію, нѣмецкіе успѣхи не могли быть вполнѣ использованы, такъ какъ съ одной стороны императоръ долженъ былъ одновременно вести четыре разныхъ войны, а съ другой Франція и Англія старались не допускать чрезмѣрнаго усиленія нѣмецкаго императора. Благодаря ихъ посредничеству, нельзя было нанести туркамъ серьезнаго удара, послѣ же несчастной битвы подъ Кочкою австрійцы были даже принуждены отступить за Саву и Дунай. Во время бѣлградскихъ переговоровъ о мирѣ условія его были продиктованы Австріи французской дипломатіей, и въ результатѣ Австрія была лишена на долгое время всякаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, между тѣмъ какъ Россія старалась всякими средствами взять на себя ея прежнюю роль.

Турецкая политика не могла уже быть отдѣлена отъ обще-европейской и представители державъ старались, каждый по своему, снискивать расположеніе султана Махмуда I и заключать выгодные торговые договоры,—французы впереди всѣхъ. Турецкіе успѣхи 1737—1739 объясняются именно французскими совѣтами и французскимъ военнымъ обученіемъ. Россія шла своимъ собственнымъ путемъ. Уже во время турецкой войны, вызванной польскимъ вопросомъ, было устроено посредничество Австріи и Пруссіи; если же впослѣдствіи австрійскія войска и поддерживали русскихъ, то все-таки возникшій планъ раздѣленія Турціи между Австріей и Россіей былъ отложенъ на неопредѣленное время, такъ какъ Россія, преслѣдуя свои собственные интересы, не желала имѣть никакихъ товарищей на своемъ пути въ Константинополь.

Однакоже съ появленіемъ Наполеона новая сила выдвинулась на первый планъ. Слѣдствіемъ его дѣятельности на Средиземномъ морѣ—оккупаціи Египта и т. п. была съ самаго начала вражда Россіи, царь которой вовсе не былъ расположенъ смотрѣть безучастно на хозяйничанье его въ сферѣ, спеціально интересующей Россію. Въ то время, какъ Наполеонъ игралъ по отношенію къ султану роль Богомъ даннаго спасителя Турціи, Англія, принявъ во вниманіе новыя обстоятельства, сблизилась съ Россіей, стремившейся путемъ поддержки сербовъ и черногорцевъ пріобрѣсти такое же вліяніе на полуостровъ, какимъ прежде пользовалась Австрія. Россія же стала затѣмъ руководить и освободительными стремленіями грековъ. Относясь совершенно отрицательно къ панэллинизму, она тѣмъ не менѣе въ союзѣ съ Англіей, къ которому въ данномъ вопросѣ присоединилась и Франція, побуждала Турцію къ признанію греческой независимости,—не смотря на противодѣйствіе Австріи. Впрочемъ, это совмѣстное предпріятіе державъ, вызванное идеалистическими теченіями, продолжалось недолго: русскій царь, начавшій поддерживать Махмета-Али египетскаго противъ султана, отдѣлился отъ Англіи и Франціи, флоты которыхъ напрасно демонстрировали въ Дарданеллахъ. Когда же русской дипломатіи удалось добиться отъ султана закрытія Дарданеллъ для каждой враждебной Россіи державы,—воля русскаго царя стала господствовать на пространствѣ всего полуострова. Твердое рѣшеніе сохранить это первенствующее значеніе выразилось впослѣдствіи въ постоянномъ вмѣшательствѣ Россіи въ судьбы балканскихъ государствъ, а также въ выдвинутомъ ею вопросѣ о первенствѣ восточной церкви въ священныхъ мѣстахъ Палестины. Въ возгорѣвшейся изъ за этого войнѣ, Россія осталась совершенно изолированной. Въ то время, какъ Франція и Англія находились въ открытомъ союзѣ съ Турціей, Австрія и Пруссія заняли также угрожающее положеніе, на случай перехода русскихъ черезъ Балканы. Паденіе Севастополя и условія парижскаго трактата освободили Турцію отъ тѣснаго охвата ея Россіей—и руководящая роль перешла къ самому могущественному человѣку того времени—Наполеону III. Но въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Россіи удалось вернуть себѣ утраченное послѣ Крымской войны вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Игнатьевъ и славянофильская партія, поддерживавшая родственныя племена, работали такъ энергично, что, казалось, послѣдняя война съ Турціей должна уже была окончательно рѣш[illegible]ь ея судьбу. Однако угрожающее положеніе Австріи и постановленія берл[illegible]скаго конгресса модифицировали требованія Россіи. Такимъ образомъ, ц[illegible]и Россіи не были еще достигнуты, и раздоры, мѣшающіе установленію с[illegible]койствія въ балканскихъ земляхъ долго еще будутъ продолжаться.—Кр[illegible]в противоположности интересовъ, какъ другихъ державъ, такъ и сам[illegible]ь балканскихъ государствъ, немалую роль играетъ также въ этихъ неу[illegible]дицахъ—историческая, расовая ненависть. Послѣ завоеванія Констант[illegible]

поля, султанъ предоставилъ греческой церкви извѣстную долю свѣтской власти надъ «райей». И вотъ, втеченіе вѣковъ, у славянъ и у румынъ накопилось столько недовольства и ненависти къ грекамъ, что это отзывается и теперь, нетолько въ запутанныхъ церковныхъ отношеніяхъ, въ отношеніяхъ языка, но также и въ вопросахъ національныхъ.

ГЛАВА VIII.

Турецкое господство. (XV—XVIII вв.).

Самой темной главою исторіи христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова является время турецкаго господства, во время котораго они нетолько потеряли свою независимость—но даже, казалось, и національное самосознаніе. Положеніе «райи» такъ называли турки покоренное населеніе, было безнадежно. Повсюду, вслѣдъ за завоеваніемъ, было введено османское управленіе, вся страна была распредѣлена на провинціи (пашалыки) и округи (нахіи), во главѣ которыхъ стояли паши и кадіи. Впрочемъ, подчиненному населенію было предоставлено извѣстное самоуправленіе: оно выбирало въ каждой мѣстности представителя и судью, лишенныхъ впрочемъ исполнительной власти, но обязанныхъ завѣдывать мѣстными дѣлами, производить судъ и быть посредниками между народомъ и османской администраціей. Безправная «райя» едва дышала подъ тяжкимъ бременемъ налоговъ. На первомъ мѣстѣ стояла такъ называемая «*хараджъ*» поголовная подать, уплачиваемая всѣмъ мужскимъ населеніемъ съ 7—60 лѣтъ, включая и духовенство. Самымъ ужаснымъ налогомъ на народную кровь былъ повторявшійся каждые пять лѣтъ наборъ будущихъ солдатъ янычарскаго корпуса,—красивѣйшіе мальчики, 10—12 лѣтніе, выбирались тогда во всей странѣ и только лишь нѣкоторымъ городамъ удавалось откупиться отъ этой дани путемъ уплаты огромной суммы денегъ. Кромѣ того, презираемая «райя» нигдѣ не могли надѣяться на законъ и справедливость, ни у кадіевъ, ни у муллъ, смотрѣвшихъ на свои должности, пріобрѣтаемыя посредствомъ подкупа, лишь какъ на источникъ желанныхъ доходовъ. Нечего, конечно, удивляться, что подъ вліяніемъ этого гнета, проникающаго до глубины народной души, и подъ вліяніемъ презрѣнія, обнаруживаемаго при всякомъ удобномъ случаѣ османами по отношенію къ райѣ нетолько исчезла свойственная этимъ народамъ воинственность, но даже появилась, вмѣсто нея, рабская и тупая покорность. Нельзя удивляться также, что самые непримиримые изъ этихъ рабовъ убѣгали въ неприступные лѣса и горы, чтобы тамъ приготовиться къ мести ужаснымъ угнетателямъ. Эти предвозвѣстники борьбы за свободу, грабившіе и умерщвлявшіе враговъ, носили у славянъ названіе гайдуковъ, у грековъ же—клефтовъ.

Въ 16 вѣкѣ — слѣдуетъ отмѣтить неудачную попытку возстанія болгаръ въ качествѣ союзниковъ Сигмунда Баторія, князя Трансильванскаго, во время его войны съ Турціей въ 1595 г. Новыя надежды проснулись на полуостровѣ въ связи съ успѣхами австрійцевъ, предводимыхъ Карломъ Лотарингскимъ—въ концѣ 17 столѣтія. Въ виду войны было конечно, желательно пріобрѣсти союзниковъ въ лицѣ балканскихъ народовъ. Съ этою цѣлью вѣнскій дворъ вошелъ прежде всего въ сношенія съ сербами, съ патріархомъ Ипеца, Черноевичемъ, и съ Георгіемъ Бранковичемъ. Послѣдній отправился также, въ 1688 въ Россію, чтобы заручиться и здѣсь помощью, на случай войны съ Портою. А императорскій генералиссимусъ,—Маркграфъ Людвигъ Вильгельмъ Баденскій въ своихъ прокламаціяхъ призывалъ къ возстанію противъ турокъ славянъ албанскихъ, боснійскихъ и герцеговинскихъ. Несмотря на то, что отноше-

нія между сербами и Австріей были уже испорчены тѣмъ, что Георгъ Бранковичъ, начавшій титуловаться «деспотомъ Иллиріи, Сербіи, Сирміи, Мезіи и Босніи», былъ захваченъ въ плѣнъ, въ кладовскомъ лагерѣ, Маркграфомъ Людвигомъ и содержался (до самой смерти 1711 г.) въ заключеніи въ Эгерѣ, война за освобожденіе все-таки продолжалась безъ перерыва и въ 1689 г. крѣпости Нишъ, Виддинъ, Скопье, были уже въ рукахъ австрійскаго императора. Въ 1690 г. императоръ Леопольдъ обратился съ новыми воззваніями къ славянскимъ народамъ, гарантируя имъ сохраненіе ихъ религіозныхъ и политическихъ правъ. Онъ въ то же время подтвердилъ права и вольности 36-ти тысячъ сербскихъ и албанскихъ родовъ переселившихся, подъ руководствомъ патріарха Арсенія Черноевича, въ Словенію, Сирмію и въ нѣкоторыя венгерскія мѣстности. Хотя эти новыя пріобрѣтенія австрійцевъ и были потеряны ими въ 1690 г. но побѣды принца Евгенія дали поводъ къ новымъ надеждамъ. Когда же, по Пожаревацкому миру 1718 г. Малая Валахія и часть Сербіи перешли къ Австріи, множество болгаръ оставило также свою родину и переселилось въ австрійскую Валахію. Однако обстоятельства приняли впослѣдствіи снова неблагопріятный для имперіи оборотъ и, послѣ Бѣлградскаго мира 1739 г. она лишилась всего пріобрѣтеннаго въ 1718 г. Съ этого времени балканскіе народы начинаютъ опять возлагать свои упованія на Россію, болѣе близкую имъ и по своей религіи.

Между тѣмъ, какъ подъ тяжелымъ гнетомъ турецкаго владычества, уничтожавшаго всякую политическую жизнь, страдали главнымъ образомъ славяне, жившіе на югѣ отъ Дуная,—два небольшихъ государства расположенныя къ сѣверу отъ него—Валахія и Молдавія пользовались еще довольно продолжительное время относительной независимостью, въ особенности тогда, когда въ ихъ главѣ стояли люди съ военными способностями.

Въ Валахіи—преемники великаго Мирчи были люди незначительные. Его сыну—Михаилу, правившему вмѣстѣ съ отцомъ съ 1413 г., а затѣмъ два года самостоятельно, наслѣдовалъ братъ—Данъ (1420—1430) обратившійся за помощью къ туркамъ во время борьбы съ Михаиломъ. Постоянная борьба изъ за власти вредила благосостоянію страны и давала туркамъ случай вмѣшиваться во внутреннія дѣла и сѣверо-дунайскихъ областей. Поддерживаемый турками и Молдавіей, выдвинулся на первый планъ нѣкій бояринъ Альдеа (Александръ) (1430—1436) и захватилъ воеводство, но былъ побѣжденъ третьимъ сыномъ Мирчи, правившимъ затѣмъ въ Валахіи подъ именемъ Влада II (1432—1446). Данное ему прозвище—«Дракуль»—(дьяволъ), характеризуетъ его правленіе, результатомъ котораго было обнищаніе всего княжества. Освободившись изъ турецкаго плѣна въ 1436 г., онъ призналъ надъ собою верховную власть султана, и въ качествѣ вассала предводительствовалъ арміей Мурада въ Трансильваніи. Побѣды Яна Гуніади во главѣ венгерскихъ войскъ заставили покориться Влада Дракуля. Въ 1443 г. онъ долженъ былъ помогать со своимъ войскомъ венграмъ, во время ихъ сербскаго похода, но, затѣмъ, воспользовавшись слабостью Венгріи, послѣ несчастной Варнской битвы, онъ освободился отъ венгерской зависимости и перешелъ на сторону Турціи. Позже однако, во время валашскаго похода Яна Гуніади, этому послѣднему удалось захватить въ свои руки вѣроломнаго воеводу. Въ 1446 г. онъ былъ казненъ по приказанію Гуніади, вмѣстѣ съ сыномъ Мирчею, воеводство же было передано сыну воеводы Дана—Владиславу (1446—1455) принявшему имя Дана IV-го. Но между его родомъ и родомъ бывшаго воеводы вспыхнула продолжительная борьба. Съ 1455—1462 правилъ второй сынъ Дракуля, Владъ IV, кровожадный тиранъ, по прозванію Кольщикъ—«Цепешъ»—т. е. сажающій на колъ, данному ему вслѣдствіе усвоенной

имъ привычки сажать плѣнниковъ на колъ. Онъ воспользовался смертью Яна Гуніади (1455) и Владислава Постумуса въ 1457 г. для внезапнаго нападенія на Трансильванію, во время котораго онъ сжегъ Кронштадтъ. Несмотря на заключенный имъ съ Турціей, (поддерживавшей его венгерскія предпріятія), союзный договоръ. онъ напалъ въ 1461 г на Болгарію, гдѣ приказалъ посадить на колъ 20,000 человѣкъ. Но турки, вмѣстѣ съ Стефаномъ Великимъ Молдавскимъ, направились противъ него и заставили его отступить къ Трансильваніи (1462). Цѣною уплаты 12,000 дукатовъ ежегодной дани—получилъ достоинство воеводы братъ Влада—Раду Прекрасный (1462—1473), признавшій главенство венгерскаго короля Матвѣя. Онъ былъ убитъ въ сраженіи съ молдавскимъ господаремъ Стефаномъ Великимъ.

Въ то время какъ Венгрія старалась подчинить себѣ Валахію,—Польша заботилась о подчиненіи Молдавіи. Преемникомъ Богдана, освободившагося въ 1365 г. отъ венгерской зависимости, былъ сынъ его Лацко, признавшій верховную власть Польши. Слѣдующіе за нимъ воеводы—литовскій князь Юрій Коріатовичъ, узурпаторъ Стефанъ I (1375), сынъ его Петръ и братъ послѣдняго—Романъ,—въ качествѣ вассаловъ польскаго короля приносили ему ленную присягу. Стефанъ III († 1400) лишь временно уплачивалъ дань венгерскому королю Сигмунду. Славный періодъ молдавской исторіи начинается съ воеводства Александра (1401—1432—33), (сына господаря Романа), получившаго уже при жизни названіе Добраго. Благодаря ему, какъ администрація, такъ и военное дѣло были основательно реорганизованы; онъ составилъ также новый «Судебникъ»—по образцу «василикъ» византійскаго императора Льва VI и старался поднять умственный уровень народа, основывая школы и монастыри. Онъ трижды приносилъ ленную присягу королю (1402, 1404, 1407), съ которымъ вошелъ также въ родственныя связи, послѣ своего третьяго брака, и помогалъ ему въ войнѣ съ нѣмецкимъ орденомъ.

При сыновьяхъ его, Ильѣ и Стефанѣ V, споривших изъ-за власти, Молдавія была раздѣлена на двѣ части, Стефанъ получилъ южныя земли, а Илья сѣверъ съ Сучавою. Жестокая борьба партій изъ-за господарской власти,—въ которую вмѣшивались постоянно то Венгрія, то Польша, привела впослѣдствіи Молдавію почти на край гибели. Но со вступленіемъ на господарство Стефана VI Великаго (1457—1504), внука Александра Добраго, одного изъ самыхъ выдающихся государей румынскаго народа, начинается опять періодъ благосостоянія, во время которого Молдавія обогнала во многихъ отношеніяхъ румынскія области съ болѣе ранней исторической жизнью. Отличный полководецъ и государственный человѣкъ, онъ не только расширилъ границы своей страны, но и освободилъ ее отъ прежней зависимости. Когда король венгерскій Матвѣй вторгся въ его земли въ 1467 г., онъ не только вытѣснилъ его изъ своихъ предѣловъ, но и самъ напалъ въ 1469 г. на Трансильванію; кромѣ того онъ два раза изгонялъ изъ Валахіи Раду Прекраснаго. Несмотря на нѣсколько вторженій его въ Венгрію, онъ все-таки былъ для нея весьма цѣннымъ сосѣдомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ разбилъ подъ Раковой 1475 сильную турецкую армію, напавшую на Молдавію подъ предводительствомъ Сулеймана паши, оказавъ такимъ образомъ важную услугу и сосѣдней Венгріи. Хотя султанъ Могамедъ II, явившись лично въ Молдавіи, и одержалъ побѣду подъ Разбойени, но Стефану опять удалось, съ помощью Стефана Баторія, выгнать турковъ изъ своихъ земель. Онъ вмѣшивался также нѣсколько разъ въ дѣла Валахіи, господари которой держали сторону Турціи.

Послѣ смерти валашскаго господаря Влада Цепеша вступилъ на престолъ внукъ стараго господаря Дана—Басарабъ Цепелушъ («маленькій кольщикъ»)—1477—1481. Когда онъ заключилъ союзъ съ султаномъ, сво-

бодолюбивый Стефанъ выступилъ противъ него изъ Молдавіи, разбилъ его подъ Рымникомъ-Саратомъ въ 1481 г. и лишилъ его господарскаго достоинства. Но послѣ новаго появленія въ 1484 турокъ въ Молдавіи и взятія приступомъ Киліи и Четатеа Альбы, онъ долженъ былъ просить помощи польскаго короля и принесъ ему присягу въ вѣрности 1485. Впослѣдствіи однако мы его видимъ въ союзѣ съ турками, а именно послѣ несчастнаго похода короля польскаго Яна-Альберта на Буковину, цѣлью котораго было присоединеніе Молдавіи къ Польшѣ. Въ 1498 онъ находится еще вмѣстѣ съ турками подъ Львовомъ, но въ 1499 Стефанъ отказался уже отъ союза съ турками и заключилъ договоръ съ Венгріей и Польшей, по условіямъ котораго призналъ верховную власть обѣихъ этихъ державъ надъ Молдавіей и обязался противодѣйствовать турецкимъ притязаніямъ. Онъ прекратилъ однако свои зависимыя отношенія къ Польшѣ послѣ кончины Яна-Альберта и, условившись съ татарами, опустошавшими тогда Подолію, занялъ снова русинское Покутье уже и раньше, а именно въ 1490 г., отнятое имъ временно отъ Польши.

Валахія, раздѣляемая въ то время отъ Молдавіи рѣкою Милковою, не могла похвалиться столь выдающимися правителями какъ нѣкоторые молдавскіе господари. Хотя Раду V (1496—1508) и старался поднять свое господарство на высшую ступень политической жизни, улучшая администрацію и защищая церковь отъ притязаній Константинопольскаго патріарха Нифонта, за что и былъ названъ Великимъ, но всѣ его усилія не имѣли прочныхъ результатовъ. Партійная борьба при его преемникахъ разрушила эти начинанія. Сынъ Влада Цепеша, Михаилъ (1508--1510) былъ принужденъ отказаться отъ воеводства два года спустя, его преемникъ Владуцъ (1510--1512), отдавшійся подъ покровительство Венгріи, палъ жертвою недовольства своихъ бояръ. Миролюбивый Басарабъ V Неагоэ (1512—1521) былъ извѣстенъ въ особенности своею щедростью къ церквамъ и монастырямъ. Слѣдующій бурный и трудно устанавливаемый періодъ исторіи, до конца 16 вѣка, исполненъ убійствъ, грабежей и вообще свирѣпой борьбы, приведшей населеніе къ такому упадку, что всякое національное чувство среди него исчезло. Лишь въ лицѣ Михаила II Витеазуля (Храбраго) (1593—1601) Молдавія нашла опять выдающагося правителя и вождя, военные подвиги котораго обратили на себя вниманіе всей Европы. Въ союзѣ съ Сигизмундомъ Баторіемъ Трансильванскимъ, послѣ избіенія османовъ въ Яссахъ и Букарештѣ, онъ началъ войну съ турками въ 1595 г. и одержалъ надъ ними рядъ побѣдъ; самая знаменитая изъ нихъ побѣда надъ Синанъ-пашей, близъ Калугарени. Обезпечивая себѣ спокойствіе со стороны Турціи онъ старался также освободиться отъ ленной присяги, данной перехитрившему его Сигизмунду Баторію, и съ этой цѣлью вступилъ въ союзъ противъ него съ императоромъ Рудольфомъ. Когда Сигизмундъ отказался отъ правленія и ему наслѣдовалъ его двоюродный братъ, Андрей, Михаилъ напалъ на Трансильванію. Послѣ побѣды на Шелленбергскихъ высотахъ 1599 г. Андрей Баторій былъ принужденъ бѣжать и былъ убитъ въ области секлеровъ, поддержку которыхъ умѣлъ себѣ обезпечить побѣжденный Михаилъ. Назначенный императорскимъ намѣстникомъ, Михаилъ носился уже съ планомъ получить польскую корон[illegible] послѣ того какъ онъ провозгласилъ себя 1 іюля 1600 княземъ Валахі[illegible] Молдавіи и Трансильваніи, но у него оказалось слишкомъ много врагов[illegible] чтобы его намѣренія могли быть осуществлены. Трансильванское дворянств[illegible] относилось къ нему враждебно и въ 1601 тамъ былъ избранъ снова княземъ въ третій разъ уже Сигизмундъ Баторій. Потерпѣвъ пораженіе под[illegible] Мирисломъ (1600), Михаилъ бѣжалъ къ себѣ въ Молдавію, гдѣ онъ такж[illegible] не устоялъ противъ польскаго гетмана Яна Замойскаго. Его двусмысленн[illegible]

отношеніе къ Сигизмунду Баторію стало причиною его преждевременнаго конца. Получая отъ Австріи денежныя средства, онъ присоединился къ австрійскому генералу Баста, оперировавшему съ 1598 г. въ Трансильваніи. Когда же Сигизмундъ, разбитый въ битвѣ близъ Надь-Горосло, бѣжалъ въ Молдавію — Михаилъ вступилъ съ нимъ въ переговоры относительно его возвращенія въ Трансильванію. Убѣдившись въ этой двойственной игрѣ воеводы—Баста, вѣроятно, по указанію свыше, велѣлъ умертвить Михаила въ г. Тордѣ.

Преемники этого выдающагося человѣка были люди заурядные — за исключеніемъ Мате-й-Басараба (1632—1654), умѣвшаго не только держать турокъ далеко отъ своихъ границъ, но и серьезно занятаго культурными интересами своей страны. Онъ основалъ въ 1652 первую книгопечатню, строилъ церкви и монастыри, велѣлъ переводить церковныя книги на валашскій языкъ и издалъ новое собраніе законовъ — «Правила».

Съ 16 и 17 вѣковъ турецкое вліяніе становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ и къ сѣверу отъ Дуная. Хотя Молдавія, послѣ смерти Стефана Великаго, и продолжала управляться собственными воеводами — господарями, однакоже они были подчинены верховной власти султана. Уже его непосредственный преемникъ—Богданъ III (1504—1517) платилъ султану ежегодную дань, обезпечивая такимъ образомъ странѣ религіозную свободу, а также свободу внутренняго управленія и выбора воеводъ. Условія эти легли вообще въ основу государственныхъ отношеній между Молдавіей и Портой, продолжавшихъ существовать и въ новѣйшія времена. Какъ скоро дань была своевременно уплачена, воеводы, ставшіе лишь послушными орудьями Порты, могли управлять по своему усмотрѣнію. Ожесточенная борьба партій, неиствовавшихъ по всей странѣ, невыносимыя тяжести, обременявшія народъ, довели его до такой степени отчаянія, что онъ сталъ очень часто отдѣлываться убійствами отъ своихъ воеводъ. Результатомъ столь запутаннаго положенія дѣлъ, ухудшаемаго кромѣ того разбойничьими вторженіями казаковъ, было то, что султаны стали распоряжаться совершенно своевольно назначеніемъ и низложеніемъ воеводъ, причемъ, конечно, дѣло не обходилось безъ опустошеній и грабежей со стороны вводимыхъ въ Молдавію турецкихъ войскъ. Сравнительное улучшеніе въ общемъ состояніи страны относится къ правленію Василія Лупу (1634—1653), эллинизированнаго албанца, стремившагося поднять какъ духовное, такъ и матеріальное благосостояніе страны. Изгнанный изъ Молдавіи княземъ Трансильванскимъ, Георгомъ Ракочи, онъ былъ опять введенъ туда казаками, впослѣдствіи же попалъ въ плѣнъ къ татарамъ и былъ ими выданъ султану. При преемникѣ его Стефанѣ XIII Георгіи, Молдавія находилась въ зависимости отъ Трансильваніи, но слишкомъ тѣсный союзъ этого правителя съ Георгомъ Ракочи II побудилъ султана лишить его господарскаго достоинства и изгнать изъ Молдавіи. Порта по своему усмотрѣнію стала насылать въ Молдавію своихъ ставленниковъ — албанцевъ и грековъ по происхожденію, преимущественно членовъ фамилій: Гика, Дабижа, Дука, Кантакузино, Розетти, Кантемиръ, быстро смѣнявшихъ другъ друга. Эта система управленія, выжимавшая послѣдніе соки изъ народа, достигла своего апогея съ того момента, когда султаны стали отдавать почти въ аренду воеводское достоинство константинопольскимъ фанаріотамъ. Первымъ изъ нихъ былъ хіосецъ — Николай Маврокордато (1712—1716). Такъ-же самовольно распоряжалась Порта и съ валашскими правителями. Послѣ дѣльнаго и заботливаго Константина Бранкована (1688 — 1714), при которомъ однакоже Валахія много страдала отъ частаго перехода иноземныхъ войскъ во время австрійскихъ, польскихъ и русскихъ войнъ съ Турціей, и здѣсь также воеводы-греки, стали вершить

судьбы княжества; первымъ изъ нихъ былъ вышеупомянутый Николай Маврокордато (1716—1730).

Въ собственной Греціи, вслѣдъ за завоеваніемъ Константинополя, одно за другимъ пали жертвой османовъ существовавшія тамъ самостоятельныя государства. Остались пока незавоевыванными лишь венеціанскія владѣнія. Несмотря на свойственную этой республикѣ изворотливость, война оказалась все-таки неизбѣжной и Венеція вела ее вначалѣ довольно успѣшно, опираясь на мѣстные элементы народонаселенія, съ крайнимъ недовольствомъ относившіеся къ турецкому игу. Но когда Махмуду-Пашѣ удалось подавить возстаніе, венеціанцы должны были отступить къ Навпліи, испуганное же населеніе, спасаясь отъ обычныхъ турецкихъ жестокостей, бѣжали въ неприступныя горы. Успѣхи Георгія Кастріота (Скандербега) побуждали Венецію, несмотря на многія неудачи, продолжать войну, хотя отъ этого не улучшилось положеніе ея дѣлъ въ Пелопоннесѣ, послѣ же смерти албанскаго героя въ 1468 г., Венеція не могла уже думать о наступательныхъ предпріятіяхъ и ограничилась незначительными военными дѣйствіями противъ османовъ. За потерей пелононнескихъ владѣній Венеціи слѣдовала потеря острововъ Эгейскаго моря. Такимъ образомъ Венеція лишилась на всегда Эвбеи, послѣ ея храброй обороны, въ 1470 г. Ей удалось удержать пока лишь Критъ съ нѣсколькими островами, а такъ же нѣкоторыя крѣпости въ Мореѣ. Оккупація греческихъ земель турками вызвала новую эмиграцію многочисленныхъ греческихъ семей, (какъ это уже было послѣ паденія Палеологовъ), въ Италію, Францію и Россію. Венеція продолжала стоять въ ряду противниковъ турокъ, и старалась, хотя и безрезультатно, вернуть себѣ прежнее значеніе съ помощью различныхъ союзовъ. Глубоко павшая въ матеріальномъ отношеніи, Греція не возбуждала къ себѣ никакого интереса до тѣхъ поръ, пока ея географическое значеніе не обратило на себя вниманія генуэзскаго адмирала Андрея Дарія, получившаго отъ императора Карла V порученіе аттаковать турокъ въ ихъ собственныхъ водахъ. Завоеваніе Корона и Патры послужило сигналомъ къ всеобщему возстанію морейскаго населенія противъ турокъ, сопровождавшагося ужасной рѣзней. Тѣмъ кровопролитнѣе зато была месть османовъ, когда, послѣ заключеннаго Сулейманомъ мира съ Карломъ V, они стали опять полными хозяевами въ Греціи. Острова Эгейскаго моря были чудовищно опустошены, многія изъ нихъ, какъ напримѣръ Эгина, можно сказать даже погибли тогда на всегда. Безпомощная Венеція должна была заключить миръ въ 1540, оставлявшій за нею лишь Критъ и два маленькіе островка—Тиносъ и Миконосъ. Держались также, нѣкоторое время, ставшіе вассалами султана, владѣтели Андроса и Наксоса, пока Селимъ II не отнялъ у нихъ и этихъ острововъ въ 1566. Турки завладѣли такимъ образомъ и Эгейскимъ моремъ. Въ этомъ отношеніи ничего не измѣнилось и послѣ побѣдоносной битвы подъ Лепанто 1571, въ которой турецкій флотъ былъ разбитъ Донъ Жуаномъ Австрійскимъ, такъ какъ раздоры между союзниками помѣшали использовать этотъ важный моментъ. Вообще говоря, грекамъ предоставлялась возможность, подъ условіемъ уплаты дани, жить согласно своимъ обычаямъ и прежнимъ законамъ, но, какъ бы то ни было, спокойствіе не могло водвориться въ измученной странѣ. Традиціонная ненависть между греками и латинянами, особенно многочисленными на островахъ, подавала поводъ къ новымъ ожесточеннымъ схваткамъ; напримѣръ на островѣ Наксосѣ между двумя родами — Коккосъ и Бароцци. Различныя возстанія, предпринимаемыя греками, въ связи съ военными экспедиціями западныхъ народовъ противъ османовъ, оканчивались для нихъ весьма печально, съ одной стороны, благодаря слѣдовавшимъ затѣмъ новымъ мѣропріятіямъ раздраженныхъ турокъ, съ другой, благодаря гра-

бежамъ западныхъ войскъ. Иногда появлялись такимъ образомъ испанцы, или корабли великаго герцога Тосканскаго—Фердинанда I, или же мальтійцы, посѣщавшіе греческія берега и острова безъ всякой конечно пользы для грековъ и безъ особеннаго вреда для турокъ.

Продолжительная война между Венеціей и Портой велась изъ-за обладанія Критомъ. Начало ея коренится въ возстаніи сфакіотовъ противъ венеціанскаго дворянства и администраціи. Несмотря на то, что возстаніе было подавлено Венеціей и что посланному ею «general proveditore»—Джіакомо Фоскарини (1574—1577) удалось даже, посредствомъ цѣлесообразныхъ реформъ, примирить населеніе съ республикой, греки попрежнему чуждались италіанцевъ,—и это отвращеніе критянъ къ венеціанцамъ облегчило османамъ завоеваніе острова, во время вспыхнувшей впослѣдствіи войны. Венеціанско-турецкая война отразилась и на греческомъ континентѣ, когда венеціанцы старались возмѣстить свои критскія потери безсмысленнымъ грабежомъ греческихъ областей.

Послѣ паденія столицы Крита, Кандіи, геройски защищавшейся, подъ руководствомъ Франческо Морозини,—(между помогавшими ему западноевропейскими отрядами находился также корпусъ брауншвейгцевъ и люнебургцевъ подъ предводительствомъ Іосіи фонъ Вальдекъ), республикѣ не оставалось ничего иного какъ заключить миръ. По условіямъ этого договора, 1699 г. Венеція лишалась Крита и уступала его туркамъ. Франки заглядывавшіе иногда и послѣ того въ Эгейскія воды были большею частью лишь пиратами, въ родѣ извѣстнаго провансальца—Гюга де Кревелье, дававшаго также пустыя обѣщанія освободить грековъ.

Какъ видно изъ предыдущаго,—борьба османовъ съ ихъ западноевропейскими противниками разыгрывалась почти постоянно на греческой почвѣ. Несчастная страна, потерявшая всякое политическое значеніе, не могла даже надѣяться на спокойствіе, которое позволило бы ей хоть сколько-нибудь поднять свое матеріальное благосостояніе.

Впрочемъ новыя надежды окрылили грековъ когда размахъ экспансивныхъ стремленій османовъ нашелъ свой предѣлъ у стѣнъ Вѣны, когда императоръ Леопольдъ I, король польскій Янъ Собѣскій и Венеція объявили войну Турціи. Благодаря подвигамъ венеціанскаго морского героя Франческо Морозини, Греція заняла опять въ тогдашнихъ соображеніяхъ весьма видное мѣсто. Одна крѣпость за другой сдавались въ Мореѣ венеціанцамъ (на службѣ которыхъ сражались тогда въ Греціи и нѣмецкіе полки—ганноверцы, саксонцы, гессенцы и швабы). Но за венеціанскими побѣдами слѣдовали еще болѣе тяжелыя времена для грековъ, разбитые турки свирѣпствовали до такой степени въ Мореѣ, уничтожая все на своемъ пути, что эта область лишилась большей части своего населенія. Тѣмъ не менѣе греки прониклись новымъ духомъ и смѣло начали новое возстаніе, — даже въ Средней Греціи и въ Эпирѣ. Изъ морейскихъ крѣпостей туркамъ удалось удержать за собою одну лишь Монембазію. Въ концѣ сентября 1687 г. венеціанскій флотъ вошелъ въ Пирей, въ то самое время, какъ графъ Кенигсмаркъ, сынъ извѣстнаго шведскаго генерала 30 лѣтней войны, вступалъ въ Аѳины и готовился къ осадѣ и бомбардировкѣ Акрополя, въ которомъ засѣли турки. Нѣкоему люнебургскому артиллерійскому поручику было предназначено судьбой направить свою пушку на великое твореніе Иктина—Парѳенонъ и разрушить его. Турки капитулировали, обезпечивъ себѣ право свободнаго выхода, а нѣмецкія войска, перезимовавъ въ Аѳинахъ, покинули къ великому ужасу населенія городъ въ 1688 г., убѣдившись въ невозможности удержать его за собой. Нижній городъ испыталъ месть, вошедшихъ въ него и предавшихъ его пламени, турокъ, принявшихся въ то же время снова за укрѣпленіе Акрополя. До 1690 г. Аѳины представляли однѣ раз-

валины. Новый оборотъ военныхъ дѣлъ, не столь благопріятный для венеціанцевъ, а также война объявленная Франціей нѣмецкой имперіи и Австріи, повліяли сдерживающимъ образомъ на греческихъ патріотовъ и османы сочли возможнымъ возобновить свои нападенія на Морею и только Карловицкій миръ (1699) гарантировалъ снова Венеціи владѣніе Мореей и островомъ Эгиною. Почти полную пустыню нашли венеціанцы, когда они снова стали вводить на полуостровѣ свое управленіе, но она стала заселяться бѣглыми аѳинянами, критянами, хіосцами, румеліотами, искавшими здѣсь лучшей жизни. Вообще говоря, морейцамъ жилось довольно хорошо подъ венеціанской властью. Но успѣхи Турціи въ войнѣ съ Россіей (1711) побудили ее наброситься и на плохо подготовленную къ оборонѣ республику. Подъ начальствомъ великаго визиря Дамадъ-Али-Кумурджи двинулись турецкія войска изъ Ѳивъ къ Мореѣ. Паденіе Коринѳа сопровождалось ужасающими жестокостями. Положеніе Венеціи становилось все болѣе затруднительнымъ, а ея полководцы до такой степени растерялись, что перестали даже думать о серьезной оборонѣ. Послѣ позорной сдачи Паламиди, пала Навплія, а затѣмъ Ріонъ, Модонъ и другія укрѣпленія. Лишь союзъ съ Габсбургскимъ домомъ и побѣды принца Евгенія ободрили снова Венецію,—но все-таки, по условіямъ Пожаревацкаго мира 1718 г., она лишилась своихъ греческихъ владѣній за исключеніемъ Іоническихъ острововъ, Чериго, Санта-Маура и нѣсколькихъ крѣпостей.

Послѣдній періодъ венеціанскаго владычества не прошелъ безслѣдно для грековъ. Вмѣстѣ съ улучшеніемъ матеріальнаго состоянія страны возрастали и духовныя потребности населенія, удовлетворяемыя между прочимъ вновь возникавшими школами, основателями которыхъ являлись очень часто разбогатѣвшіе за границей греческіе граждане. За одно съ этимъ духовнымъ подъемомъ расло и національное самосознаніе грековъ, начинавшихъ тосковать по свободѣ. Такъ же, какъ и славянскія государства, Греція стала обращать свои взоры на единовѣрную Россію.

Несмотря на то, что начиная уже съ XVI вѣка Россія стояла высоко въ глазахъ балканскихъ христіанъ, она избѣгала, вопреки различнымъ стараніямъ западныхъ державъ, принимать участіе въ ихъ борьбѣ съ османами. Только Петръ Великій вышелъ на новый путь, отправивъ въ Черногорію 1711 г. своего посланника—Милорадовича, съ призывомъ къ выступленію противъ турокъ. Населеніе Цеты, (названіе Черногоріи, Монтенегро становится извѣстнымъ лишь съ 1435 г.), управляемое, послѣ смерти Стефана Душана, сначала Балшичами (1360—1421), затѣмъ родомъ Черноевичей (1455—1516) подъ верховною властью Венеціи,—и наконецъ, послѣ прекращенія этого рода, епископами (владыками) Цетинскими, умѣло всегда ускользнуть отъ турецкой зависимости и очень успѣшно боролось съ османами. Посольство Петра было радостно принято и тогдашній митрополитъ правитель Черногоріи—Данило Петровичъ Негошъ (1697—1735) поѣхалъ самъ въ Россію, чтобы заручиться русскою помощью. Хотя походъ этотъ былъ неудаченъ и надежды на русскую помощь на долго должны были заглохнуть, тѣмъ не менѣе недовѣріе Порты къ Россіи уже было пробуждено и она отвѣчала суровыми мѣрами противъ подчиненныхъ ей райи; но эта суровость привела лишь къ подъему національнаго чувства и распространенію его среди четниковъ-«клефтовъ», результатомъ чего и были событія, вспыхнувшія въ 1821 г. Въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ турками, клефты-партизаны, будущіе освободители Греціи, имѣли возможность отлично подготовиться къ своей задачѣ. Главную роль играли тогда такъ называемые суліоты, (уроженцы мѣстности Сули), а также суровые Маніоты изъ Тайгета. Вскорѣ однако, послѣ этой мелкой борьбы клефтовъ, начались серьезныя замѣшательства. Заинтересованный въ поль

скомъ вопросѣ въ 1768 султанъ Мустафа III (1757—1773) объявилъ въ 1768 г. войну Екатеринѣ II. Побѣждая на сушѣ, русскіе послали также и флотъ, подъ начальствомъ Григорія Орлова, въ воды Архипелага. Появленіе этой эскадры въ 1770 г. у маніатійскаго берега послужило сигналомъ общаго возстанія грековъ, уже раньше побуждаемыхъ къ нему русскими агентами. Но чесменская побѣда Орлова, (у береговъ Хіоса) не имѣла серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ ему не удалось проникнуть въ Дарданеллы. Въ результатѣ опять-таки пострадали греки. Послѣ покоренія Триполицы и Патры турками и албанцами, переполнившими греческія области, Пелопоннесъ сдѣлался жертвою отвратительнаго грабежа. На Критѣ было также подавлено и потоплено въ крови возстаніе сфакіотовъ. Но Куйчукъ-Кайнарджійскій миръ (1774) вносилъ все таки нѣчто новое въ греческія, и вообще балканскія, отношенія, а именно Россія получила право покровительства надъ Молдавіей и Валахіей и надъ греко-восточными христіанами въ Турціи. Для Турціи началась эпоха несомнѣннаго упадка и Екатерина не только не оставила своего «греческаго проекта», но, наоборотъ, вела переговоры объ его осуществленіи съ императоромъ Іосифомъ II въ 1782 г. Турки должны были быть изгнаны, и ихъ мѣсто должна была занять новая византійская имперія, съ вторымъ внукомъ Екатерины—Константиномъ, во главѣ. Австріи предполагалось отдать Боснію и Сербію, Россіи же Крымъ, и крѣпость Очаковъ, Валахія и Молдавія сохраняли бы свою независимость подъ властью православнаго князя. Предпринятый однако въ виду этихъ плановъ походъ былъ неудаченъ для австрійцевъ, послѣдствіемъ же русскихъ побѣдъ было заключеніе Турціей двухъ мирныхъ договоровъ: въ Систовѣ съ Австріей 1791 г. и въ Яссахъ съ Россіей 1792 г.

Въ наполеоновское время могущество оттоманской имперіи продолжало падать все ниже и ниже. Броженіе охватило всю страну, лишенную даже элементарной безопасности, такъ какъ шайки такъ называемыхъ Кирджаліевъ, пользуясь слабостью правительства, опустошали жесточайшимъ образомъ, въ теченіе 12 лѣтъ (1792—1804) Болгарію, Ѳракію и Македонію. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ вождей «Кирджальевъ» Османъ Пасваноглу, босніецъ-мусульманинъ, завладѣлъ въ 1794 Виддиномъ и, сильно укрѣпивъ его, утвердился въ немъ, какъ независимый паша. Албанцы, турки и болгары вступали въ ряды его войска и онъ носился уже съ дерзкимъ планомъ итти прямо на Константинополь, чтобы свергнуть султана. Прославленные турецкіе полки позорно отступали отъ Виддина,—за то это презрѣнное воинство одерживало побѣды надъ опустошаемыми имъ беззащитными болгарскими деревнями, и дымящіяся развалины выростали всюду на его пути. Самонадѣянность Пасваноглу была такъ велика, что онъ перешелъ даже Дунай и напалъ на валашскія области, вызывая тамъ неописуемое замѣшательство, и лишь послѣ того, какъ въ 1802 г. валашскимъ воеводою былъ избранъ Константинъ Ипсиланти, получившій отъ прусскаго посланника Кнобельсдорфа нужныя денежныя средства, звѣзда Пасваноглу начала меркнуть. Въ 1806 онъ былъ разбитъ русскими, а въ слѣдующемъ году умеръ этотъ опасный для турокъ человѣкъ. Между тѣмъ общее недовольство христіанской райи стало благодаря русскому вліянію, проявляться, болѣе рѣшительнымъ образомъ и событія первыхъ годовъ XIX вѣка были разсвѣтомъ грядущихъ дней свободы для всѣхъ христіанскихъ народовъ полуострова. Раньше всѣхъ, въ 1804 г., поднялись сербы, пытаясь сбросить съ себя турецкое иго. Возстаніе, начатое тогда Георгіемъ Петровичемъ (Карагеоргіемъ), значительно усилилось въ слѣдующемъ году, благодаря поддержкѣ Россіи, а въ 1806 сербы могли уже похвалиться первой побѣдой одержанной надъ турками, въ битвѣ близъ Шабаца. Послѣ нѣкоторыхъ неудачъ, они взяли, въ декабрѣ 1806

Бѣлградъ и одержали новую побѣду, подъ начальствомъ Милоша Обреновича, подъ Ушицей, послѣ которой созвали народное собраніе—«скупщину». Всѣ дальнѣйшіе успѣхи сербовъ въ борьбѣ за свободу находились въ связи съ русскими побѣдами и русскою поддержкою. Россія, начиная съ конца XVIII в. все чаще и настойчивѣе вмѣшивалась въ дѣла балканскаго полуострова. Во время русско-турецкой войны 1770 г. она заняла своими войсками Валахію, и хотя по условіямъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира верховная власть надъ этимъ княжествомъ все таки оставалась за Турціей, тѣмъ не менѣе, русское вліяніе давало себя тамъ чувствовать съ особенною силою. Кромѣ того, въ 1781 г. Порта должна была согласиться на то, чтобы русскій консулъ контролировалъ дѣятельность валашскаго правительства. Австрійскія войска занимали также нѣкоторое время эти области во время турецкой войны 1788 г., затѣмъ въ 1805—6 опять владѣла ими Россія, вплоть до Букарестскаго мира 1812 г. Точно такъ же русскія войска занимали и Молдавію отъ 1769—1774. послѣ того какъ воевода Григорій II Калллимаки (1766—1769), поддерживавшій сношенія съ Россіей, былъ казненъ турками, воеводой же былъ назначенъ Григорій III Гика, павшій впослѣдствіи въ Яссахъ, въ 1777 г. жертвою янычаръ. Послѣ его смерти началось отпаденіе разныхъ частей отъ Молдавіи. Австрія, завладѣвшая уже въ 1718—1739 областью по рѣкѣ Альтѣ—такъ называемой «Малой Валахіей», въ 1774 г. присоединила къ своимъ владѣніямъ, съ согласія султана, Буковину, вошедшую окончательно въ составъ австрійскаго государства въ 1777 г. Въ XIX вѣкѣ выдвигается еще болѣе на первый планъ Россія. Въ 1809 была занята ею Добруджа, въ 1810 русскіе, вмѣстѣ съ сербами, одержали блестящую побѣду на Варваринскихъ поляхъ, въ то время какъ на востокѣ, переправившись черезъ Дунай, они завладѣли Силистріей и, послѣ паденія Рущука, заняли Болгарію. Но, несмотря на эти успѣхи, главная цѣль балканскихъ народовъ—освобожденіе изъ-подъ турецкаго ига—еще не было достигнута. Подготовленія Наполеона къ войнѣ съ Россіей принудили императора Александра заключить миръ въ Букарестѣ (1812), по которому Россія получила Бессарабію, между тѣмъ какъ сербамъ была гарантирована амнистія и внутреннее самоуправленіе.

ГЛАВА IX.

Внутреннія отношенія. Культура.

Естественнымъ послѣдствіемъ четырехвѣковаго турецкаго рабства было то, что у христіанскихъ народовъ балканскаго полуострова заглохло всякое политическое и національное сознаніе. Если же гдѣ-нибудь и можно было еще найти болѣе замѣтные слѣды лучшаго прошлаго, то только у грековъ, у которыхъ тѣсная связь съ церковью замѣняла въ значительной степени національное чувство. Объединенные церковью, они образовали нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ. Зная ихъ характеръ, завоеватель Константинополя оставилъ ихъ подъ управленіемъ ихъ патріарха и клира. Назначаемый султаномъ, греческій патріархъ въ Константинополѣ. пользовался по отношенію къ своимъ соотечественникамъ не только церковною, но и гражданскою властью. Греческій кварталъ турецкаго Стамбула — «Фанаръ» сталъ въ это время центромъ, изъ котораго управлялся, именемъ новаго повелителя, весь греческій народъ, разсѣянный на всемъ пространствѣ отъ Чернаго моря до Адріи, но составлявшій въ этомъ церковномъ организмѣ извѣстное государственное цѣлое. Несмотря на многіе примѣры корыстолюбивыхъ духовныхъ сановниковъ, пресмыкающихся

передъ падишахомъ, въ общемъ однако именно церковь, совмѣщавшая въ себѣ и національныя представленія грековъ, сдѣлала возможнымъ возрожденіе греческаго народа. Мало того, благодаря ей эллинизировались и славянскіе народы, прозябавшіе нѣсколько вѣковъ въ своемъ отупѣніи. Лишенные всякаго національнаго чутья, благодаря ужасамъ турецкаго гнета, народы эти перестали уже быть націями — и стали лишь безсознательными массами. И вотъ эти массы сдѣлались предметомъ особеннаго интереса въ глазахъ извѣстной своей цѣпкостью греческой церкви, послѣ того въ особенности, какъ ей удалось добиться отъ Порты распространенія власти Константинопольскаго патріархата и на сербскую церковь, съ центромъ ея—въ Ипечѣ (1766 г.), также и на болгарскую — въ Ахрицѣ съ 1767 г. Это главенство фанаріотскаго духовенства было въ особенности чувствительно въ Болгаріи. Здѣсь болгарскій языкъ былъ постоянно вытѣсняемъ и сохранился лишь въ крестьянскихъ избахъ, а также въ женской половинѣ болѣе зажиточныхъ жилищъ. Въ церкви и школѣ сталъ господствовать греческій языкъ. До какой степени была забыта болгарами ихъ собственная національность можно судить и потому, что когда, въ половинѣ 18 вѣка, два монаха—Макарій изъ Патмоса и Герасимъ изъ Итаки предприняли реформу школьнаго дѣла по западно-европейской системѣ, эллинскія школы проникли и въ чисто славянскія мѣстности. Образованнымъ человѣкомъ считался лишь тотъ, кто по-гречески чувствовалъ, говорилъ и думалъ; названіе болгаринъ—сталъ браннымъ словомъ. Даже за границей отрицали болгары свою національность, въ противоположность сербамъ, сохранившимъ въ большей чистотѣ свой языкъ и патріотическія чувства. Только погруженный въ суевѣріе и темноту мужикъ продолжалъ знать и чувствовать, что онъ болгаринъ и ненавидѣть все греческое. Эта ненависть прежде всего сосредоточивалась на греческомъ духовенствѣ, получавшемъ свои должности, не по своему знанію, а посредствомъ подкупа Кто больше всего заплатилъ, тотъ получалъ самое высшее духовное званіе, деньги, нужныя для этого а также для содержанія пышнаго двора этихъ сановниковъ, выжимались изъ народа безъ всякаго контроля. Результатомъ этого духовнаго угнетенія, еще тяжелѣе ложившагося на общество, чѣмъ политическій гнетъ турокъ, былъ глубокій какъ нравственный, такъ и экономическій, упадокъ измученнаго народа. Къ сожалѣнію жертвою этого стремленія эллинизировать все славянское пали также многія цѣнныя рукописи и древніе документы.

Погибли въ пламени многочисленныя монастырскія библіотеки, напр. древнее патріаршее книгохранилище въ Тырновѣ. Если погруженный въ рабство народъ долженъ былъ когда-либо прійти къ самосознанію, то, конечно, это могло произойти лишь благодаря развитію родной литературы, народныхъ книгъ, изъ которыхъ бы онъ узналъ, что и онъ не былъ рожденъ въ цѣпяхъ, что и у него были монархи, передъ которыми дрожалъ Константинополь, владычествующій надъ ними теперь. Благодаря знакомству съ отечественной исторіей должно было проснуться омертвѣвшее національное чувство. Съ этою цѣлью и была составлена аѳонскимъ монахомъ Паисіемъ «Славяно-болгарская исторія» въ 1762 г., главное значеніе которой составляетъ теплота патріотическаго чувства, потому то она и подвергалась столь многочисленнымъ переработкамъ. Точно такъ же и упорно преслѣдуемый епископъ врацскій Софроній († 1815) старался словомъ и письмомъ просвѣщать свой народъ; онъ оставилъ въ мемуарахъ яркую картину своей эпохи.

Эллинизмъ началъ быстро распространяться и по ту сторону Дуная, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ по волѣ Порты фанаріотскіе греки стали валашскими и молдавскими воеводами, потому что за воеводами слѣ-

довали многочисленные колонисты, усиливающіе роль греческаго элемента въ сѣверныхъ областяхъ. Несмотря на цивилизаторскія стремленія воеводы Маврокордато фанаріотское правленіе не пользовалось популярностью у румынъ. Наряду съ дѣльными правителями встрѣчались и такіе, которые озлобляли народъ своими жестокостями. Вновь основанныя школы и гимназіи должны были и здѣсь, такъ же, какъ и на греческой родинѣ, усилить значеніе эллинскаго элемента и на почвѣ совмѣстнаго образованія насадить греческія національныя стремленія. Въ общемъ, впрочемъ, эти школы были проникнуты совершенно новымъ духомъ. Вмѣсто теологическихъ вопросовъ, составлявшихъ по примѣру Византіи, до конца XVIII в., главное содержаніе тогдашняго школьнаго знанія, стали усердно изучать западно-европейскихъ философовъ и естествоиспытателей.

Однимъ изъ главныхъ популяризаторовъ новаго знанія былъ Евгеній Булгарисъ изъ Корфу, въ концѣ концовъ побѣжденный ненавистью клерикаловъ и умершій въ 1806 г. на русской службѣ. Его судьбу раздѣлилъ и другой знаменитый современникъ его и соотечественникъ Никифоръ Теотокисъ.

Одновременно съ духовнымъ подъемомъ эллинскаго элемента совершался и подъемъ матеріальный. Греческіе негоціанты вытѣсняютъ все болѣе и болѣе венеціанскихъ и ихъ торговые обороты простираются уже не только на востокъ и Россію, но и на западную Европу. Извѣстна греческая колонія въ Бреславлѣ въ эпоху Фридриха II.

Въ то время, какъ слѣдствіемъ общаго онѣмѣнія жизни въ Болгаріи было также полное затишье (не считая нѣсколькихъ переводовъ) въ ея литературѣ, — у сербовъ продолжала жить по крайней мѣрѣ ея народно-героическая пѣснь, бывшая однимъ изъ главныхъ элементовъ общенародной памяти и чувства; благодаря ей, въ суровѣйшія даже времена турецкаго гнета, не было утрачено сербами ихъ національное самосознаніе. Не столько лирика, сколько эпическія пѣсни, заимствующія содержаніе изъ національной исторіи—соотвѣтствуютъ о народной душѣ сербовъ. Каждое болѣе важное событіе, каждый герой воспѣвается соотечественниками, начиная съ ужаснаго пораженія на Коссовомъ полѣ и до нашихъ дней. Въ монотонныхъ напѣвахъ, съ аккомпаниментомъ гуслей, разсказывается о былыхъ счастливыхъ временахъ, о любимыхъ народныхъ герояхъ и о долгихъ страданіяхъ подъ чужеземнымъ игомъ. Воспѣвается мощный царь Душанъ, такъ же какъ и миѳическій Марко Кралевичъ, погруженный, подобно Фридриху Барбароссѣ, въ вѣковой сонъ и выжидающій освобожденія отечества, несчастный краль Лазарь и жертвующій собой Милошъ Обиличъ, а также и измѣнникъ Бранковичъ. Въ захватывающихъ образахъ, представляется высокомѣрье турецкихъ завоевателей и ужасныя страданія порабощенной райи. Эти пѣсни, переходящія изъ устъ въ уста, поддерживали постоянно среди народа воспоминаніе о его прошломъ, объ исторіи и способствовали его возрожденію.

Преимущественно лирическимъ характеромъ отличается, наоборотъ, народная поэзія грековъ. Если въ 13 и 14 вѣкахъ греческая литература находилась подъ вліяніемъ французской, то въ 16 и 17-мъ мѣсто этой послѣдней заняла италіанская, съ тѣхъ поръ, какъ властвовавшая на морѣ Венеція оттѣснила маленькія французскія ленныя государства и сдѣла Критъ средоточіемъ своего вліянія. Впрочемъ, греки, подражая италіанцам далеко не всегда выбирали лучшіе образцы, они не столько обраща внимания на дѣйствительную цѣнность италіанскихъ произведеній, сколь на ихъ содержаніе, руководствуясь главнымъ образомъ своимъ врожде нымъ пристрастіемъ къ идиллическо-меланхолическимъ сюжетамъ. Меж прочимъ были переведены стихотворенія Петрарки и Тезеида Боккачіо; в

драматической поэзіи греки заимствовали главнымъ образомъ произведенія изъ категоріи лирико-драматическихъ пасторалей. Наклонность къ буколической идиліи, созданной въ александрійско-римскій періодъ, не была забыта греками и въ византійскій періодъ. Эта идиллическая драма развивалась именно на островѣ Критѣ, гдѣ Хортацисъ, въ 1600 г., написалъ свою «Эрофилу». Красивымъ собраніемъ эротическихъ стихотвореній являются такъ называемыя «Родосскія любовныя пѣсни», относящіяся къ 14 столѣтію и свидѣтельствующія несомнѣнно болѣе утонченнымъ содержаніемъ о французскомъ вліяніи, въ противоположность грубочувственной эротикѣ византійцевъ. Особенно прелестна идилія «Прекрасная пастушка» Критянина Дримитикоса (1627). Сюда же слѣдуетъ отнести столь симпатичныя грекамъ прощальныя и жалобныя пѣсни, такъ же какъ и поэтическія размышленія о смерти и ея могуществѣ, тема, къ которой возвращаются и въ наши дни харосскія пѣсни. Къ бытовой, семейной поэзіи можно причислить разныя передѣлки и обработки (заимствованныя у италіанцевъ) ветхозавѣтныхъ сценъ—напр. исторіи о жертвѣ Авраама и т. п. На ряду съ этимъ, продолжается попрежнему обработка индійскихъ и персидскихъ сюжетовъ, а жизнерадостный героическій эпосъ X вѣка «*Дигенисъ Акритасъ*» все еще доставлялъ наслажденіе своимъ читателямъ. Такимъ образомъ въ теченіе XIV—XVII в.в. греческая народная поэзія, подъ вліяніемъ высшаго романскаго искусства, создала основаніе, на которомъ могла затѣмъ развиться новогреческая поэзія.

ГЛАВА X.

Новая эпоха. Національное возрожденіе.

Сербы первые поднялись въ XIX вѣкѣ, чтобы сбросить съ себя турецкое иго, но ихъ возстаніе не привело сразу къ политическому возрожденію. Можно сказать даже, что народъ взялся за оружіе въ 1804 г., и даже въ слѣдующіе за тѣмъ годы, лишь въ силу необходимости, не надѣясь еще на возможность отдѣленія отъ Турціи, но стремясь добыть себѣ лишь гарантіи личной и матеріальной безопасности. Однако же размѣры, сила и успѣхи этихъ движеній, въ связи съ участіемъ Россіи въ сербскихъ отношеніяхъ, дали такое направленіе этимъ предпріятіямъ, что результатомъ ихъ была впослѣдствіи полная независимость Сербіи. Благодаря русскому вліянію, уже букарестскій договоръ 1812 года предоставлялъ сербамъ, какъ внутреннюю, такъ и финансовую автономію и только старыя крѣпости должны были оставаться въ рукахъ турокъ. Когда же Россія, занятая войною съ Наполеономъ, не могла удѣлять прежняго вниманія балканскимъ дѣламъ, турки воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы подчинить себѣ опять Сербію. Раздоры между тогдашними вожаками и недостаточная подготовка Бѣлграда къ осадѣ вынудили Карагеоргія и большинство главарей народа къ бѣгству, сначала въ австрійскіе предѣлы, а затѣмъ въ Россію. Только одинъ Ужицкій воевода Милошъ Обреновичъ остался въ странѣ, подвергшейся кровавой мести турокъ. Ихъ жестокости вызвали новое возстаніе рбовъ. Въ Вербное воскресеніе (11 апрѣля 1815 г.) появился Милошъ реновичъ, съ старымъ знаменемъ воеводъ въ рукѣ, въ деревню Таково возобновилъ революціонное движеніе. Побѣдивъ различные турецкіе отцы. онъ вступилъ въ переговоры съ Али-пашей объ автономномъ устройвѣ и учрежденіяхъ страны и былъ признанъ «башъ княземъ», между мъ какъ возвратившійся Карагеорій былъ умерщвленъ.

Въ то же время и греки стали готовиться къ возстанію. Мысль о бодѣ никогда не исчезала среди нихъ, всегда ревностно-охраняемая

церковью. Слѣдуетъ также замѣтить, что именно греки стояли всегда близко къ падишахамъ и къ правительству, занимали часто самыя высокія должности и, такимъ образомъ, имѣли возможность относиться вполнѣ сознательно къ турецкой политикѣ. Въ экономическомъ отношеніи положеніе грековъ также значительно улучшилось съ конца XVIII в., когда восточная торговля окончательно перешла въ ихъ руки отъ венеціанцевъ и французовъ.

Въ то время, какъ въ горахъ Майны, Албаніи и Θессаліи, клефты, никогда не поддававшіеся туркамъ, носились съ мыслью объ освобожденіи, образованная греческая молодежь, искавшая знанія въ западныхъ университетахъ, знакомилась съ новыми освободительными идеями, возникавшими въ Америкѣ и во Франціи. Уже въ 1796 Константинъ Ригасъ набросалъ въ Вѣнѣ планъ общаго востанія, а Адаматіосъ Кораисъ изъ Смирны работалъ въ Парижѣ въ видахъ духовнаго возрожденія своего народа. Іоаннъ Капо д'Истріа изъ Корфу, предсѣдатель ученаго общества—фило-музъ, основаннаго въ 1872 въ Аѳинахъ, сумѣлъ добиваться въ свою очередь сочувствія для греческихъ дѣлъ монарховъ и министровъ, собравшихся на вѣнскій конгрессъ (1875). Но непосредственный толчекъ къ возстанію дало общество — «гетерія» — *феликеровъ*, основанная въ концѣ 1814 г. тремя молодыми греками: Николаемъ Скуфасомъ изъ Арты, Аѳанасіемъ Чакалофомъ изъ Янины и Панагіотисомъ Анагностопуло изъ Андрицены. Цѣлью этой «гетеріи» было не только освобожденіе Греціи, но и возстановленіе греческой имперіи съ столицей въ древней Византіи, фантастическій планъ, неисполнимость котораго стала въ особенности очевидной, послѣ разыгравшихся вскорѣ послѣ того событій въ Валахіи и Молдавіи Поддерживаемые императоромъ Александромъ I филикеры находили всюду приверженцевъ. Въ 1820 г. они предложили бывшему министру императора графу Капо д' Истріа званіе предсѣдателя своей гетеріи. Хотя онъ самъ и не принялъ этого званія, но онъ уговорилъ Александра Ипсилянти, сына валашскаго господаря, также состоявшаго на русской службѣ, стать во главѣ этого общества. Полагаясь на сочувствіе, выказываемое грекамъ императоромъ Александромъ, онъ переправился въ 1821 г. черезъ Прутъ, вступилъ въ Яссы и обратился съ призывомъ къ грекамъ—сбросить съ себя турецкое иго. Такой образъ дѣйствій русскаго чиновника ставилъ въ очень непріятное положеніе Россію по отношенію къ Портѣ и къ иностраннымъ державамъ. Императоръ публично поспѣшилъ отказаться отъ поддержки грековъ, вырывая этимъ почву изъ-подъ ногъ фанаріотовъ, и такъ уже ослабленныхъ обнаружившимися среди нихъ раздорами, отпаденіями и измѣнами. Напрасно «священный отрядъ» грековъ бросился подъ начальствомъ Николая Ипсилянти, брата Александра, въ геройскій бой подъ Драгашанами (19 іюня 1821), численное превосходство войскъ пашей силистрійскаго и браиловскаго рѣшило дѣло - и весь отрядъ погибъ. 26 іюня Александръ Ипсилянти бѣжалъ на австрійскую территорію, и семь послѣднихъ лѣтъ своей жизни мучился въ заключеніи, сначала въ Мункачѣ, затѣмъ въ Терезіенштатѣ; освобожденный по настоянію императора Николая, онъ вскорѣ умеръ (31 января 1828 г.). Конецъ возстанія былъ трагиченъ: оставшіеся въ живыхъ герои драгашанско битвы, заперши въ молдаванскомъ монастырѣ Секко, подъ начальствомъ сына Николая Ипсилянти, Георгія, взорвали себя на воздухъ (20 сентября).

Но хотя греческое возстаніе на сѣверъ и было подавлено, тѣмъ энергичнѣе за то развивалось движеніе въ Мореѣ, распространившись отсюда и на остальныя части греческой территоріи, а также и на острова. И опять с фанатической злобой турки отвѣтили на это страшнымъ кровопролитіемъ.

Жертвою народнаго взрыва и бѣшенства янычаръ стали въ то время многіе уважаемые и высокопоставленные греки, между прочими, сѣдой патріархъ Григорій V. Жестокости же, совершенныя турками на островѣ Хіосѣ, возбудили негодованіе всей Европы. Между тѣмъ и греки приступили уже къ дѣйствію. Греческій флотъ, снаряженный, благодаря высокому патріотизму острововъ Гидры, Спетсіи и Пеары, уничтожилъ, подъ начальствомъ неустрашимаго вождя — Канариса, турецкій флотъ. Майноты поднялись подъ предводительствомъ Мавромихалиса, а старому вождю Клефтовъ—Колокотрони изъ Мессены удалось оцѣпить турокъ подъ Триполицей. Побѣдоносная битва подъ Фальтеци отдала въ греческія руки этотъ важный пунктъ—и 1 января 1822 открылось въ Піадѣ первое греческое національное собраніе, подъ предсѣдательствомъ Алексансандра Маврохордата, 13 же января оно объявило независимость Греціи. Мужество грековъ возбудило во всей Европѣ симпатіи народовъ и великихъ людей. Греческія пѣсни Вильгельма Мюллера и стихи Лорда Байрона поддерживали это настроеніе,—всюду возникали фильэллинскіе союзы, помогавшіе грекамъ оружіемъ и деньгами. Несмотря на разногласія среди вождей, греки продолжали большею частью побѣждать до 1825 г. Но въ этомъ году султану удалось заручиться помощью вице-короля египетскаго Мехмета-Али, взамѣнъ за обѣщанную уступку о-ва Крита и Мореи. Вице-король послалъ въ Морею своего сына Ибрагима съ хорошо обученной арміей, передъ которой не могли устоять несогласные между собою греки. Оставшіеся въ живыхъ солдаты уничтоженныхъ повстанческихъ отрядовъ скрывались въ лѣсахъ подобно дикимъ звѣрямъ. Миссолунга, безрезультатно осаждаемая турками, сдалась также Ибрагиму, соединившемуся съ ними. Паденіе этого города побудило наконецъ и европейскіе кабинеты, удовлетворявшіеся до сихъ поръ, подъ вліяніемъ Меттерниха, лишь безплоднымъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ, къ болѣе энергическимъ дѣйствіямъ.

1-го декабря 1825 умеръ Александръ I, а преемникъ его Николай I не былъ расположенъ подчиняться далѣе вліянію Меттерниха. Въ Англіи стоялъ въ то время во главѣ правительства Каннингъ, относившійся съ увлеченіемъ къ освобожденію Греціи и предложившій въ Петербургѣ, при посредничествѣ герцога Веллингтона, формулировку условій извѣстнаго «протокола», по которому Грецiя такъ же, какъ и Сербія, должны были получить независимость, съ обязательствомъ однако уплаты дани Портѣ. Французское правительство, принявъ во вниманіе фильэллинскія теченія въ обществѣ, присоединилось къ иниціативѣ этихъ обоихъ государствъ. Были посланы инструкціи начальникамъ союзныхъ флотовъ въ греческихъ водахъ, чтобы помѣшать всякому вооруженному столкновенію между турками и греками. Во время этихъ стараній заставить Ибрагима отослать его флотъ обратно въ Египетъ и произошло кровопролитное сраженіе при Наваринѣ (20 октября 1827), въ которомъ въ теченіе четырехъ часовъ были уничтожены всѣ османскіе корабли. Эта нежелательная насильственная развязка поставила дипломатію въ затруднительное положеніе. Англійское правительство послѣ смерти Каннинга стало враждебно относиться къ Греціи изъ зависти къ Россіи. Оно холодно приняло избраніе подъ русскимъ вліяніемъ—Капо д' Истріи греческимъ президентомъ и смотрѣло съ удовольствіемъ на снаряженіе французской экспедиціи въ Морею съ цѣлью принудить удалиться оттуда Ибрагима, что и послѣдовало въ концѣ 1828 года. Въ томъ же году разразилась война между Россіей и Портой. Она продолжалась до 1829 года, когда генералъ Дибичъ-Забалканскій, перейдя побѣдоносно Балканскія горы, подступилъ къ Адріанополю. Благодаря посредничеству прусскаго военнаго уполномоченнаго, Карла фонъ-Мюффлинга, былъ заключенъ мирный договоръ въ Адріанополѣ, 14 сен-

тября 1829 г., по которому Порта должна была уступить часть азіатскихъ областей, срыть нѣкоторыя укрѣпленія въ Валахіи и признать рѣшеніе Лондонской конференціи по отношенію къ Греціи. Тамъ же, между тѣмъ, разрасталось все болѣе и болѣе побѣдоносное возстаніе вплоть до Лондонской конференціи, которая окончательно разрѣшила греческій вопросъ, 3-го февраля 1830 года, признаніемъ великими державами независимости Греціи. Немедленно за этой декларацiей послѣдовало также признаніе независимости Греціи султаномъ.

Принцу Леопольду Саксенъ-Кобургъ-Готскому было предложено управлять страной, но онъ не принялъ этого предложенія и его отказъ вызвалъ раздраженіе противъ Капо д'Истріи, окончившееся междоусобной войной, въ которой греческій адмиралъ Міаулисъ взорвалъ греческій флотъ. Капо д'Истріа былъ убитъ маинотами Костантиномъ и Георгіемъ Мауромихалисами передъ каѳедральнымъ соборомъ въ Навпліи. Чтобы положить конецъ этимъ усобицамъ, Лондонская конференція рѣшила преобразовать Грецію въ наслѣдственную монархію и предложить корону баварскому принцу, Оттону, второму сыну Эллинофила, Людвига I.

Возрожденіе Греціи должно было естественно отразиться и въ Болгаріи. Уже въ 1821 г. большая часть отрядовъ гетеристовъ, состоящихъ, главнымъ образомъ, изъ болгаръ и сербовъ въ Валахіи и многочисленныхъ македонскихъ болгаръ, устремились подъ греческія знамена, когда въ Греціи вспыхнуло возстаніе. Походъ русскаго генерала Дибича (Забалканскаго) возбудилъ среди болгаръ новыя надежды, и они начали уже было надѣяться на возсозданіе болгарскаго царства, когда предводитель ревностно поддерживавшаго русскихъ отряда болгарскихъ добровольцевъ, — Георгій Стойковъ Мамарчовъ Буюклу, пріѣхавъ въ старинную столицу болгарскихъ царей Тырнова, былъ привѣтствуемъ народомъ, какъ освободитель отечества. Преждевременныя мечты. Отрядъ казаковъ схватилъ Мамарчова и привезъ его, какъ военноплѣннаго, въ русскую главную квартиру. Адріанопольскій миръ, доставившій независимость Сербіи, и принесшій княжеское достоинство султанскому гатти-шерифу Милошу,— разрушилъ надежды болгаръ. 13-й параграфъ мирнаго договора позволялъ имъ лишь послѣ продажи недвижимаго имущества переселяться въ Россію. Вслѣдствіе этого многіе города лишились почти половины своего населенія. Несмотря однакожъ на заключенный миръ, нападенія бандъ гайдуковъ изъ балканскихъ горъ и Родопа на турецкія войска не прекращались, не измѣняя впрочемъ нисколько положенія, созданнаго условіями мира, такъ же, какъ и вновь организованное Мамарчовымъ возстаніе. Подобно Сербіи и Греціи, Болгарія должна была въ борьбѣ съ турецкимъ и русскимъ гнетомъ достигнуть дальнѣйшаго національнаго развитія, легшаго въ основаніе и ея новой политической жизни.

Вслѣдствіе греческаго возстанія султанъ былъ вынужденъ снова назначать воеводъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ въ Македоніи и Валахіи. Въ Валахіи эта государственная должность была предоставлена въ 1822 г. Григорію Гика, въ Молдвію Ивану Стурдзѣ. Оба они стремились создать благосостояніе своихъ странъ, но проведенію въ жизнь задуманныхъ ими самостоятельно реформъ мѣшало сильно утвердившееся уже русское вліян[illegible] Хотя по адріанопольскому миру, которымъ закончилась русско-турец[illegible] война, и была возстановлена верховная власть султана надъ этими ст[illegible]нами, но это нисколько не помѣшала воздѣйствію Россіи на развитіе и[illegible] внутреннихъ отношеній. Такимъ образомъ Молдавіей и Валахіей управля[illegible] въ сущности русскій генералъ Павелъ Киселевъ, снабдившій ихъ да[illegible] чѣмъ-то въ родѣ конституціи.

Русскому вліянію подчинились также Черногорія и Сербія. Послѣд[illegible]

управлялъ тогда, съ полновластіемъ турецкаго паши, Милошъ Обреновичъ, не созывавшій никогда народнаго собранія. Онъ подавилъ нѣсколько кровопролитныхъ возстаній, но не могъ помѣшать сильной оппозиціи, въ соглашеніи съ Россіей и Портой, выработать «Уставъ» (оконченный въ 1838 г.), вводившій новое ограниченіе княжеской власти сенатомъ вмѣсто народнаго собранія. Милошъ присягнулъ конституціи, но уже въ 1839 г. отказался отъ престола въ пользу своего старшаго сына, Милана, но новый князь умеръ нѣсколько недѣль спустя. Его неспособнаго брата Михаила III (1839—1842) сенатская партія заставила отречься отъ престола въ 1842 г. и скупщина избрала княземъ сына стараго Карагеоргія, Александра Карагеоргіевича (1842—1858). Послѣ подавленія венгерскаго возстанія (1848—49) Александръ, поддерживавшій австрійцевъ съ помощью корпуса добровольцевъ подъ начальствомъ Кничанина, все болѣе и болѣе сталъ подчиняться австрійскому вліянію. Послѣдствіемъ его разрыва съ сенатомъ было низверженіе его съ престола, который скупщина снова предложила дому Обреновичей, избравъ вторично престарѣлаго, 80 лѣтняго Милоша 1858—1860 который такъ-же, какъ и въ первый разъ управлялъ страною съ величайшимъ произволомъ. Ему наслѣдовалъ опять тотъ-же сынъ его Михаилъ III (1860—1868), человѣкъ образованный, стремившійся внести въ свое правленіе новѣйшія начала. Задача его въ этомъ отношеніи была облегчена и тѣмъ, что въ то время уже многіе молодые сербы получили образованіе за границей и были такимъ образомъ подготовлены къ занятію соотвѣтственныхъ должностей. Вмѣсто упраздненнаго сената былъ учрежденъ государственный совѣтъ, скупщина созывалась каждые три года, и была введена всеобщая воинская повинность. Благодаря стремленіямъ «Омладины» политическаго союза, который поставилъ себѣ цѣлью объединеніе всѣхъ сербовъ и сумѣлъ привить свои славянофильскія идеи, враждебныя венграмъ въ Босніи и Герцеговинѣ, произошли въ Молдавіи и Валахіи, событія, вовлекшія Сербію въ новыя осложненія.

Въ Валахіи послѣ паденія Григорія и Александра Гика (1834—42) былъ избранъ подъ вліяніемъ Россіи воеводою Георгій Бибеско (1842—1848). Между тѣмъ европейская литература и журналистика успѣли уже въ то время популяризировать повсемѣстно новѣйшія западныя идеи и февральская парижская революція простерла свое вліяніе до самаго устья Дуная. Бибеско принужденъ былъ бѣжать, а Гельяде, Голеску и др. образовали временное правительство.

Въ Молдавіи народъ также возсталъ противъ Михаила Стурдзы, назначеннаго тамъ воеводою еще въ 1834 и за это время повергшаго народъ въ крайнюю нищету своими притѣсненіями. Какъ въ Валахіи, такъ и въ Молдавіи русскія и турецкія войска подавили революціонное движеніе и по Балта-Лиманскому договору 1849 г. были возстановлены прежнія отношенія. Валашскимъ воеводою былъ назначенъ на семь лѣтъ братъ Бибеско, Дмитрій Барбу Стирбей, въ Молдавіи-же на такой-же срокъ Григорій Гика, оба они старались улучшить администрацію и финансы и водворить порядокъ въ княжествахъ энергичнымъ и дѣльнымъ правленіемъ, но всѣ ихъ усилія были погублены вспыхнувшей въ то время крымской войной 1853 г. Съ 1853 по 1854-й годъ обѣ страны были заняты русскими войсками, а съ 1854—1857 ихъ оккупировали европейцы, чтобы воспрепятствовать вторженію русскихъ въ балканскія земли. Парижскій миръ (1856) возстановилъ верховную власть Турціи въ этихъ странахъ и отдалъ ихъ подъ покровительство великихъ державъ. Въ Валахіи Александръ Гика, смѣщенный съ воеводства въ 1842 г., былъ теперь назначенъ начальникомъ — (каймаканомъ), въ Молдавіи же намѣстничество было предложено Θеодору Бальшу, а послѣ вскорѣ послѣдовавшей его смер-

ти, оно перешло къ Николаю Богаридесу. Тогда же въ обѣихъ этихъ странахъ въ образованныхъ слояхъ общества возникло стремленіе къ ихъ объединенію, несмотря на непріязненное отношеніе къ этимъ планамъ державъ. 17 февраля 1859 г. валахское національное собраніе объявило своимъ княземъ полковника Александра Куза, который нѣсколько раньше— въ январѣ, былъ избранъ въ молдавскіе князья. И такимъ образомъ возникло новое государство Румынія.

Событія въ придунайскихъ княжествахъ отразились и въ Сербіи. Прежде всего тамъ было рѣшено удалить турокъ, занимавшихъ крѣпости и города. Уличная борьба между турецкимъ и сербскимъ населеніемъ, равно какъ и обстрѣливаніе города Бѣлграда съ крѣпости, занятой турецкимъ гарнизономъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ съѣздъ представителей державъ—участницъ Парижскаго мира въ Константинополѣ. По совѣту главнымъ образомъ Австріи турки удалились прежде всего изъ Бѣлграда и вскорѣ, подъ давленіемъ державъ, Порта освободила въ 1867 г. и всѣ остальныя крѣпости. 6-го марта того же года послѣднія турецкія войска оставили Сербію. Во время приготовленій князя Михаила къ введенію новой конституціи онъ внезапно палъ жертвою заговора въ Топчидерскомъ паркѣ 29 іюня 1868 года. Скупщина избрала единственнаго еще оставшагося въ живыхъ Обреновича Милана IV (1868—1889), обучавшагося въ то время въ Парижѣ.

Такъ какъ Порта все-таки сохраняла еще извѣстныя верховныя права надъ нѣкоторыми балканскими государствами, то задачу ближайшаго будущаго составляло устраненіе послѣднихъ остатковъ ея власти. Куза вступилъ на румынскій престолъ 2 декабря 1861 г. подъ именемъ Александра-Іоанна I, поддерживаемый Наполеономъ III, надѣявшагося пріобрѣсти въ немъ вѣрнаго союзника въ готовившейся войнѣ съ Австріей, и утвержденный султаномъ Абдулъ-Меджидомъ. Его благія начинанія встрѣчали однако на каждомъ шагу сопротивленіе бояръ, и частая смѣна министерствъ мѣшала мирному правленію страной. Въ виду этого Куза рѣшился на государственный переворотъ, онъ распустилъ палаты, объявилъ новые выборы и велѣлъ выработать новый конституціонный уставъ съ двумя палатами по образцу наполеоновскаго. Онъ спѣшилъ использовать свою неограниченную власть для проведенія реформъ, ввелъ новыя начала во всю правительственную систему, особенно же въ судопроизводство и дѣло народнаго просвѣщенія. Онъ основалъ высшія учебныя заведенія въ Букарестѣ и Яссахъ и отмѣнилъ крѣпостное право. Когда же издержки, сопряженныя съ этими нововведенія, превзошли финансовыя силы страны, случившійся же недородъ и голодъ возбудилъ раздраженіе среди народа—то снова составился заговоръ душой котораго сдѣлался государственный дѣятель Димитрій Стурдза, къ которому присоединилось войско. Въ ночь на 22 февраля 1866 г. Куза былъ принужденъ отречься отъ престола. Временное правительство, въ составъ котораго вошли Николай Голеску, Ласкаръ Катарджіу и Николай Хараламби, созвало (23 февраля) представительное собраніе, предложившее румынское княженіе графу Филиппу Фландрскому, брату бельгійскаго короля. Послѣ его отказа, выборъ палъ на принца Карла Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, 14-го апрѣля 1866 г. На его сторонѣ былъ Наполеонъ III и Пруссія, за то Австрія столь враждебно относилась къ его избранію, что ему пришлось инкогнито пробраться въ Румынію черезъ австрійскія земли. Послѣдовавшая затѣмъ австро-прусско-италіанская война мѣшала на время вмѣшательству державъ въ румынскія дѣла. Рыцарская искренность, съ которою Карлъ дѣйствовалъ по отношенію къ Портѣ, равно какъ и энергія, съ которою онъ сосредоточилъ румынскія войска въ пограничныхъ крѣпостяхъ снискали ему скорое утвержденіе его выбора султаномъ

которому онъ представился лично 24-го октября 1866 г. въ Константинополѣ. Трудная задача ожидала германскаго принца въ чужой странѣ, тѣмъ болѣе что уже при его вступленіи на престолъ двѣ партіи сильно боролись между собой: опасавшіеся ограниченія своихъ привилегій конституціонной свободой бояре и либералы, добивавшіеся слишкомъ энергическихъ реформъ. Несмотря на частую перемѣну министерствъ, нарушившую столь необходимый для юнаго государства внутренній миръ, несмотря на угрожавшее было ему распаденіе, послѣ извѣстнаго банкротства Струсберга, оно могло, однакожъ, настолько утвердиться и развиться, что въ началѣ русско-турецкой войны уже могло доказать вполнѣ свою жизнеспособность.

Въ Греціи, подобно тому какъ и въ другихъ вновь образовавшихся балканскихъ государствахъ,—времени государственнаго укрѣпленія предшествовалъ безпокойный переходный періодъ. Немедленно послѣ торжественнаго въѣзда короля Оттона I въ Навплію 7-го февраля 1833 его ждали тяжелыя испытанія. Онъ долженъ былъ управлять народомъ, терзаемымъ борьбою партій, одичалымъ отъ предыдущей войны, похитившей его лучшихъ сыновъ и его благосостояніе. Положеніе осложнялось еще болѣе основанной на зависти дипломатіей державъ, каждая изъ которыхъ стремилась къ преобладающему вліянію на греческія дѣла, принимая участіе въ водвореніи въ нихъ порядка. Въ особенности Австрія, стоявшая и въ греческомъ вопросѣ на сторонѣ Турціи, была виновата въ томъ, что вопросъ этотъ не разрѣшенъ еще и понынѣ. Уже въ первый годъ баварское регентство, управлявшее по несовершеннолѣтію короля, встрѣтило сопротивленіе со стороны національныхъ героевъ освободительной войны,—и прежніе раздоры стали причиной новаго взрыва. Когда король, перенесшій свою столицу изъ Навпліи въ Аѳины въ 1834 году былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ 1-го іюня 1835 года, члены регентства удалились изъ Греціи; остался только въ качествѣ канцлера, графъ Армансбергъ. Недоброжелательство, съ которымъ греки относились къ своему слишкомъ бюрократическому правительству, равно какъ и корыстолюбивыя вождѣленія покровительствующихъ державъ, каждая изъ которыхъ стремилась расположить въ свою пользу одну изъ партій въ странѣ,—вызвала раздоры и ненависть къ иностранцамъ, особенно къ нѣмцамъ, что и было поводомъ образованія новой національной партіи. Несмотря на всѣ усилія короля поднять уровень образованія и благосостоянія страны (въ 1837 былъ основанъ университетъ въ Аѳинахъ, въ 1841 г. греческій народный банкъ), все-таки партійная рознь, поддерживаемая иностранными посланниками, стала причиной постоянной смѣны министерствъ, неоднократно сопровождавшейся сильнѣйшими волненіями. Въ 1834 г. былъ учрежденъ греческій синодъ, вполнѣ независимый отъ константинопольскаго патріархата, а въ 1850 г. правительству удалось добиться согласія патріарха на формулировку этой автономіи аѳинскаго синода спеціальнымъ договоромъ. Вспыхнувшая въ 1853 г. крымская война привлекла симпатіи грековъ къ русскимъ, отъ которыхъ они ждали разгрома турокъ и расширенія греческихъ границъ

Въ Ѳессаліи, Македоніи и Эпирѣ офицеры организовали возстаніе. Но вслѣдъ за разрывомъ дипломатическихъ сношеній съ Турціей была произведена демонстрація французскаго и англійскаго флотовъ въ Пирейской гавани, принудившая греческое правительство къ нейтралитету. Враждебное отношеніе народа къ правительству еще болѣе усилилось послѣ этой неудачи. Кромѣ того война содѣйствовала паденію торговли, разбойничьи банды безпокоили страну и государственные долги возрасли до неимовѣрныхъ размѣровъ. Такъ какъ въ то-же время правительство холодно встрѣчало излюбленныя стремленія народа къ расширенію своей тер-

риторіи (которымъ новый толчекъ былъ данъ тогдашними событіями въ Италіи), то баварская династія не могла удержаться на греческомъ престолѣ. По возвращеніи короля изъ путешествія его въ Морею онъ былъ низложенъ образовавшимся временнымъ правительствомъ. Обнародовавъ протестъ, онъ уѣхалъ къ себѣ на родину въ 1862 г. Выборъ народа палъ на великобританскаго принца Альфреда, второго сына королевы Викторіи. Но такъ какъ раньше было постановлено, чтобы ни одинъ принцъ изъ династій трехъ покровительствующихъ державъ не могъ взойти на греческій престолъ, то избраніе это было отклонено, и греческая корона была предложена датскому принцу Вильгельму, который и совершилъ свой въѣздъ въ Аѳины въ 1863 году подъ именемъ Георга I. Въ его правленіе состоялось присоединеніе Іоническихъ острововъ съ согласія великихъ державъ. Несмотря, однако-жъ, на такое значительное пріобрѣтеніе, королю Георгу пришлось бороться съ очень тяжелыми условіями При возраставшихъ изъ года въ годъ финансовыхъ осложненіяхъ, Греціи грозила еще опасность быть вовлеченной въ войну съ Турціей, вслѣдствіе ея участія въ возстаніи на Критѣ (1866), которое она поддерживала деньгами, оружіемъ и войсками. Но вмѣшательство предложенной Бисмаркомъ и состоявшейся въ Парижѣ конференціи вовстановило миръ, и Критъ былъ вынужденъ подчиниться попрежнему турецкому господству. Вскорѣ однакожъ османская имперія должна была лишиться послѣднихъ остатковъ своей власти надъ христіанскими народами балканскаго полуострова, а именно послѣ войны съ Россіей (объявленной въ апрѣлѣ 1877 г.).

Изъ балканскихъ народовъ болѣе всѣхъ изнывали подъ турецкимъ игомъ болгары. Наконецъ, и для нихъ насталъ часъ освобожденія. Въ данномъ случаѣ произошло то, что такъ часто повторялось въ исторіи, именно, пробужденію политической жизни народа предшествовало пробужденіе литературы. Съ тѣхъ поръ, какъ врачъ Петръ Беровичъ, издавъ новые лучшіе учебники, поднялъ уровень школьнаго обученія, проживавшіе же за границей болгарскіе купцы поддерживали, хотя и незначительными деньгами, его благія начинанія, въ Болгаріи стали опять писать на родномъ языкѣ. Главнымъ же образомъ содѣйствовала этому литературная дѣятельность Юрія Ивановича Венелина, который посвятилъ всю свою короткую, но полную лишеній жизнь изслѣдованіямъ по отечественной исторіи. Послѣ основанія въ 1835 году въ Грабовѣ первой народной школы, благодаря стараніямъ купца Василія Евстатіева Априлова по западно-европейскому образцу, появились вскорѣ и другія. Число образованныхъ людей возрастало изъ года въ годъ, — въ 1844 могла уже появиться и первая болгарская газета. Это была духовная революція, возникшая сама собою, и прежде всего враждебно встрѣченная фанаріотами. Политическое возрожденіе Болгаріи должно было сначала выдержать борьбу съ панэллинизмомъ. Самостоятельное королевство должно было имѣть и независимую церковь съ національнымъ духовенствомъ. Несмотря на всѣ происки греческаго духовенства, турецкое правительство должно было признать законными жалобы болгаръ, и константинопольскій патріархъ, по его настоянію, рукоположилъ особаго болгарскаго архіепископа. Но тѣмъ не менѣе борьба между элементами не прекратилась, н[illegible] противъ, дѣло дошло до открытаго революціоннаго взрыва, когда жи[illegible] шіе въ Константинополѣ болгары, а затѣмъ и ихъ сородичи внут[illegible] страны, въ первый день Пасхи 1860 года, объявили себя независимы[illegible] отъ греческаго патріархата. Возбужденіе было столь велико, что снача[illegible] даже явилось не мало сторонниковъ сліянія съ католической церковь[illegible] Но, конечно, народныя массы и слышать объ этомъ не хотѣли, и рук[illegible] положенный въ Римѣ въ архіепископы уніатской болгарской церкви и[illegible]

менъ Іосифъ Сокольскій долженъ былъ бѣжать изъ отечества. Въ виду возраставшаго все сильнѣе и сильнѣе раздраженія сдѣлалось неизбѣжнымъ вмѣшательство Порты, и былъ изданъ султанскій фирманъ 28-го февраля 1870 года, которымъ повелѣвалось учрежденіе независимаго болгарскаго экзархата съ правомъ избирать своего экзарха, утверждаемаго затѣмъ султаномъ. Такимъ образомъ, несмотря на отлученіе экзарха патріархомъ, была все-таки достигнута, по крайней мѣрѣ, церковная независимость Болгаріи. Вскорѣ затѣмъ народъ сталъ уже питать надежды и на политическую независимость. Различныя попытки возстанія поддерживали національное сознаніе. Особенно участившись послѣ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, онѣ, однако, были подавляемы съ чрезмѣрными жестокостями турецкими войсками.

Герцеговинское возстаніе поддержали Сербія и Черногорія, которою послѣ смерти Данила I (1851—1860), секуляризировавшаго свое до того времени духовное княжество и объявившаго себя свѣтскимъ княземъ, управлялъ племянникъ его Николай Петровичъ. Хотя война эта и была несчастна для Сербіи, но телеграмма русскаго императора Александра II султану Абдулу-Гамиду принудила этого послѣдняго къ перемирію, за которымъ послѣдовалъ и миръ 28-го февраля 1877, возстановившій прежнее положеніе.

Болгарскія дѣла были также приняты во вниманіе, и состоявшаяся въ декабрѣ 1876 г. конференція державъ потребовала отъ Порты образованія двухъ автономныхъ болгарскихъ провинцій, подъ управленіемъ христіанскихъ губернаторовъ. На отказъ въ этомъ Россія отвѣчала объявленіемъ войны, и 24-го апрѣля 1877 г. русскіе перешли черезъ Прутъ и двинулись къ Румыніи. Но къ этому времени оказалось уже, что Румынія подъ управленіемъ короля Карла, сдѣлалась настолько самостоятельнымъ государствомъ, что русскіе не могли попрежнему занять ея территорію, и воспользоваться ею для передвиженія войскъ. Царь Александръ долженъ былъ предварительно обязаться не нарушать ни государственнаго устройства, ни территоріальныхъ границъ страны. Когда же русскіе перешли затѣмъ черезъ Дунай, Румынія, уплачивавшая до тѣхъ поръ дань Портѣ, объявила свою независимость 22-го мая 1877, а въ 1881 году совершилось коронованіе короля Карла. Во все продолженіе русско-турецкой войны румыны были весьма цѣнными союзниками Россіи, особенно же при осадѣ Плевны. Сербы также поднялись противъ турокъ въ декабрѣ 1877 г. и завоевали разные города, какъ-то: Нишъ, Пиротъ, Тирнъ и др.

Что касается грековъ, то ихъ военныя стремленія сдерживались угрожающимъ положеніемъ Англіи, когда-же несмотря на это министерство все-таки рѣшило выслать войска въ Өессалію — было уже слишкомъ поздно: Санъ-Стефанскій миръ, прекративъ войну (3-го марта 1878 г.), далъ полную независимость Балканскимъ государствамъ, Болгаріи же — самостоятельность. На Берлинскомъ конгрессѣ (13 іюня—13 іюля 1878) условія С.-Стефанскаго договора были значительно модифицированы. Болгарія, которая должна была получить по С.-Стефанскому миру придунайскую Болгарію, большую часть Өракіи и почти всю Македонію хотя и была признана независимымъ княжествомъ, съ обязательствомъ уплавать дань Турціи, но должна была удовлетвориться лишь территоріей жду Дунаемъ и Балканами; населенная же по большей части болами Восточная Румелія оставалась и впредь турецкимъ владѣніемъ, къ автономная провинція подъ управленіемъ христіанскаго губернатора. лгарская Македонія была также сохранена за Турціей — рѣшеніе, нознее уже въ себѣ зародышъ будущихъ осложненій, не разрѣшенныхъ онынѣ. Сербія убѣдилась также, что ея національныя стремленія, относельно запада и юго-запада потерпѣли неудачу. Если по Санъ-Стефан-

скому договору къ ней былъ присоединенъ Новый-Базаръ, (Novi pazar) вслѣдствіе чего она стала бы непосредственною сосѣдкой Черногоріи, то все-жъ-таки западъ былъ отъ нея отрѣзанъ, такъ какъ Австрія заняла Боснію и Герцеговину; тѣмъ не менѣе ей удалось получить окрестности Пирота, Вранію и Нишъ. Желанія черногорцевъ также не были удовлетворены, однако уступка Антивари все же открывала княжеству доступъ къ морю, а въ 1880 г. оно получило также Дульциньо.

Греціи предоставлено было округлить свои границы на сѣверъ; относительно чего впрочемъ она сама должна была придти къ соглашенію съ Портой. Это неопредѣленное рѣшеніе греческихъ требованій скоро довело до военнаго столкновенія оба эти государства.

Но худшую благодарность за свою помощь, оказанную русскимъ, получили румыны, лишившись Бессарабіи взамѣнъ за безплодную Добруджу.

На Балканскомъ полуостровѣ утвердились новыя отношенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ возникли новые безпорядки, не прекращающіеся и до сихъ поръ. Молодыя государства переживаютъ еще и понынѣ періодъ броженія и созиданія. Кромѣ того австрійское и русское вліянія, зачастую противодѣйствовавшія другъ другу, не всегда отражались благопріятнымъ образомъ на внутреннемъ и внѣшнемъ мирѣ страны.

Но самымъ сильнымъ вліяніемъ пользовались русскіе въ Болгаріи, входя даже въ составъ ея министерствъ. 29-го апрѣля 1879 г. былъ избранъ на княжескій престолъ племянникъ русскаго императора. 22-лѣтній принцъ Александръ Баттенбергскій. Безпрестанныя столкновенія между радикалами и консерваторами, яростно боровшимися другъ съ другомъ, заставили наконецъ князя объявить 9-го мая 1881 г. свое отреченіе отъ престола, если ему не будутъ предоставлены чрезвычайныя полномочія срокомъ на 7 лѣтъ, для введенія порядка въ смутныя внутреннія отношенія. Національное собраніе согласилось 13 іюля на эти условія. Однакоже борьба партій не прекращалась, нѣкоторыя изъ нихъ подозрѣвали между прочимъ Россію въ стремленіи обратить мало-по-малу Болгарію въ русскую провинцію, князю приходилось испытывать все большія и большія неудачи. Въ то же самое время, начиная съ 1884 года, при радикальномъ министерствѣ Каравелова возникло панболгарское движеніе, распространившееся и на восточную Румелію съ Македоніей. Когда восточно-румелійскіе болгары возстали въ 1885 году, стремясь къ соединенію съ княжествомъ, Александръ появился въ Филипполѣ и возвѣстилъ сліяніе обѣихъ странъ. Этимъ событіемъ воспользовался Миланъ Сербскій, объявившій 6-го марта 1882 года Сербію королевствомъ; чтобы устранить возраставшіе все болѣе и болѣе внутренніе безпорядки онъ задумалъ отвлечь отъ нихъ населеніе приготовленіями къ войнѣ, которую онъ и объявилъ Болгаріи (14 ноября 1885 г.). Война эта продолжалась 14 дней, и прекратилась, благодаря вмѣшательству Австріи, послѣ побѣды болгаръ близъ Сливницы (17—19) ноября и взятія ими Пирота (26 и 27 ноября). Букарестскій миръ (3-го марта 1886 года) возстановилъ прежнее положеніе, и по Константинопольскому протоколу (5 апрѣля 1886 г.) князь Александръ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи. Несмотря на объединеніе этихъ обѣихъ странъ подъ властью одного правителя и на стремленіе одной изъ партій объявить независимость Болгаріи подъ скипетромъ одного «короля» Александра, не прекращалась сильная оппозиція, поддержанная многими недовольными офицерами. Въ ночь на 20-е августа 1886 года княжескій дворецъ окружили войска, и Александръ былъ отвезенъ въ Рени, въ русскую Бессарабію, откуда ему предложено было дальнѣйшее слѣдованіе во Львовъ. Немедленно затѣмъ возникло новое движеніе въ пользу князя, и онъ былъ призванъ своими сторонниками вернуться

снова на престолъ, но не поддержанный Россіей, онъ принужденъ былъ отречься окончательно, назначивъ передъ отъѣздомъ регентство.

Національное собраніе избрало 10-го ноября 1886 года сначала принца Вальдемара датскаго, когда же онъ отказался, былъ избранъ принцъ Фердинандъ Саксенъ-Кобургъ-Когари (7 іюня 1887 г.). Душою правительства оставался пока Стамбуловъ, но возобновившееся вмѣшательство Россіи воспрепятствовало стремленіямъ этого способнаго государственнаго человѣка къ полной независимости Болгаріи. Онъ палъ жертвою убійства (15-го іюня 1895). Отношенія между Россіей и Болгаріей улучшились впослѣдствіи, что же касается отношеній болгаръ къ Македонскимъ сербамъ и грекамъ, то они стали по крайней настолько болѣе удовлетворительны, что епископскія каѳедры могли быть теперь тамъ замѣщаемы и природными болгарами

Въ Сербіи точно такъ же политическая жизнь не могла свободно развиваться. Неудачный исходъ войны съ Болгаріей, ужасное состояніе финансовъ, супружескій разладъ въ королевской семьѣ поколебали положеніе Милана. Наконецъ, послѣ принятія скупщиной, по его настоянію новой либеральной конституціи, онъ отказался отъ престола на созванномъ имъ народномъ собраніи 6 марта 1889 г. въ пользу своего сына Александра I. Хотя молодой король былъ не лишенъ дарованій, онъ не въ состояніи былъ справиться съ затрудненіями тогдашняго положенія. Перемѣны въ государственномъ устройствѣ, борющіяся между собою русское и австрійское вліянія не давали странѣ покоя, со времени же брака короля съ Драгою Машиной онъ сталъ вести особенно рискованную игру по отношенію къ своимъ министрамъ и государству. Все это привело къ тому, что въ роковую ночь съ 10 на 11 іюня 1903 г. было совершено убійство королевской четы; это было отвѣтомъ на послѣднія тираническія мѣры Александра. Съ нимъ прекратилась династія Обреновичей, и съ 15 іюня 1905 г. опять на сербскій престолъ вступаетъ Карагеоргіевичъ Петръ I

Греція попрежнему страдала отъ борьбы партій и частой смѣны министерствъ. кромѣ этого участіе ея въ возстаніи Крита довело ее до войны съ Турціей. Послѣдствіемъ непримиримой ненависти между христіанами и турками было кровопролитное возстаніе, еще болѣе возбуждаемое надеждами критянъ на сліяніе ихъ съ Греціей въ одно цѣлое. Хотя греческое правительство и проявляло до нѣкотораго времени сдержанность въ этомъ отношеніи, но съ 1896 — 1897 г. оно начала наступательныя дѣйствія противъ Турціи. Греческій полковникъ Вассосъ, высадившись на берегъ Крита, вступилъ во владѣніе имъ, именемъ греческаго короля. Державы блокировали островъ, когда же Греція не обратила вниманія на ихъ ультиматумъ, Турція объявила ей войну 17-го апрѣля 1897, и Эдемъ-паша выступилъ въ походъ въ Ѳессалію. Греки не могли противустоять туркамъ и принуждены были обратиться къ посредничеству державъ, результатомъ чего явилось перемиріе 19 мая. По наступившему затѣмъ Константинопольскому миру Греція лишилась нѣсколькихъ пограничныхъ областей на сѣверѣ Ѳессаліи; и войска ея должны были оставить Критъ. ...тъ островъ получилъ автономное управленіе подъ покровительствомъ ...рціи. Намѣстникомъ былъ назначенъ принцъ Георгъ греческій. Насту...вшее затѣмъ спокойствіе подѣйствовало благодѣтельно на развитіе мѣ...ыхъ отношеній, хотя переходъ къ правильному управленію затруд...ся многими обстоятельствами.

XIX столѣтіе принесло освобожденіе христіанскимъ государствамъ Бал...скаго полуострова, но не дало необходимаго всѣмъ имъ покоя, который ...ѣхъ поръ не можетъ быть достигнутъ, пока не будетъ разрѣшенъ въ

высшей степени сложный національный вопросъ, и такимъ образомъ не вырвется съ корнемъ всеобщее броженіе и недовольство. Недовольными остались сербы, подчинившіеся лишь съ глубокимъ озлобленіемъ рѣшеніямъ, мѣшавшимъ ихъ соединенію со своими соплеменниками, сотнями тысячъ населяющими пограничныя земли въ Венгріи, Кроаціи, Далмаціи, Босніи, Македоніи и турецкую старо-сербскую территорію. Поэтому ихъ раздраженіе обращалось попеременно то противъ турокъ, то противъ болгаръ, въ послѣднее же время, особенно въ финансовомъ и промышленномъ отношеніи, противъ Австріи. Неспособные слѣдовать совѣтамъ своего опытнаго правителя Милана, а также одного изъ самыхъ выдающихся своихъ государственныхъ дѣятелей Владана Джорджевича, они не могутъ выйти изъ этихъ затрудненій и остаются попрежнему на западѣ балканскаго полуострова самымъ безпокойнымъ элементомъ.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ другими христіанскими балканскими народами. И у нихъ вѣчную смуту создаетъ тотъ же національный вопросъ, то же стремленіе къ объединенію, какъ напримѣръ въ Албаніи и Македоніи. Притязанія болгаръ, грековъ и румыновъ, особенно когда послѣдніе приняли сторону своихъ соплеменниковъ, куцовалаховъ, въ ихъ справедливыхъ требованіяхъ, нерѣдко противорѣчатъ другъ другу. Если заинтересованныя въ албанскихъ дѣлахъ болѣе всего западныя державы Австрія и Италія желали бы установленія прежде всего въ нихъ status quo, согласно послѣднимъ совѣтамъ ихъ государственныхъ людей, а затѣмъ уже въ меньшей степени автономіей Албаніи, то въ Македоніи рѣшеніе балканскаго вопроса было гораздо труднѣе, такъ какъ оно могло лишь основываться на проведеніи границъ по языку и по племенному составу— задача, которую главнымъ образомъ предстояло разрѣшить Россіи и Австріи.

Но именно этотъ националистическій принципъ, который долженъ лечь въ основу разрѣшенія вопроса, сопряженъ съ огромными затрудненіями. Кто же могъ бы доставить въ распоряженіе смѣлыхъ государственныхъ людей, которые бы захотѣли приступить къ его развѣдкѣ, вполнѣ надежный статистическій матеріалъ, относительно состава населенія, позволяющій сдѣлать необходимые выводы?

Мѣстные уроженцы изъ разныхъ національностей обрабатывали бы статистическія данныя, согласно своимъ національнымъ тенденціямъ, западно-же европейскіе изслѣдователи встрѣтили-бы сопротивленіе и недовѣріе со стороны населенія. А между тѣмъ, если прошлое столѣтіе принесло освобожденіе христіанскимъ народамъ полуострова, то дипломатія XX-го вѣка должна добиться того, чтобы устранить накопившееся недовольство, являющееся историческимъ наслѣдіемъ вѣковъ, раздроблявшихъ народы на мелкія частицы и вызывавшія между ними нездоровое соперничество.

ГЛАВА XI.

Внутреннія отношенія. Культура.

Характеризуя политическую жизнь балканскихъ народовъ, мы пр нимаемъ во вниманіе недавнюю эру ихъ возрожденія послѣ вѣкового с съ этой исторической точки зрѣнія слѣдуетъ опредѣлять и духовную и жизнь находящуюся еще въ фазѣ развитія. И если иногда на балк ской почвѣ стремленія, тѣсно связанныя съ прошедшимъ сталкиваю слишкомъ рѣдко съ новыми идеями и возникающими благодаря имъ у жденіями, то въ общемъ все-таки замѣтно всюду серьезное желаніе на стать то, что было потеряно въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій турец

гнета [1]). На ряду съ проявленіями возраставшаго національнаго сознанія, обнаруживался также постоянный прогрессъ въ дѣлѣ образованія, возникали новыя учебныя заведенія, развивалась періодическая печать и различныя общества.

Въ Сербіи, благодаря реформамъ (не безъ сопротивленія принимаемыхъ народомъ) Досифея Обрадовича (1739—1811) и ученаго друга Леопольда фонъ Ранке—Вука Стефановича Караджича (1787—1864) сербскій народный языкъ сдѣлался языкомъ литературнымъ. Самымъ выдающимся творцомъ сербскаго письменнаго языка былъ великій славистъ—Даничичъ. Онъ собственно создалъ тотъ сербскій языкъ, на которомъ теперь говорятъ и пишутъ. Въ 1849 цоявилась его книга: «Сербскій языкъ и Сербскій алфавитъ»; въ 1858—«Сербскій синтаксисъ», въ 1878—«Этимологія». Но его главный трудъ по языковѣдѣнію,—это его большой словарь. Первымъ поэтомъ національнаго возрожденія писавшимъ впрочемъ еще подражая старинному языку былъ Лукіанъ Мушицкій (1777—1837), архіепископъ Карловицкій. На народномъ языкѣ воспѣвалъ сербскую войну за освобожденіе Сима Милютиновичъ въ своей «Сербіанкѣ». Во главѣ новой сербской литературы стоитъ Іованъ Поповичъ († 1856), основавшій въ 1847 сербское литературное общество и ученый журналъ «Гласникъ». Изъ этого общества образовалась впослѣдствіи сербская академія наукъ. Но все-таки важнѣйшее сокровище сербской литературы составляютъ по прежнему ея народныя пѣсни (piesme), частью лирическаго, частью эпическаго характера, съ содержаніемъ заимствованнымъ изъ древней или позднѣйшей исторіи Сербіи. Сознавая цѣнность этого національнаго клада, раньше всѣхъ принялся за собираніе пѣсенъ Караджичъ, находившійся подъ вліяніемъ нѣмецкаго романтизма, и печаталъ ихъ подъ заглавіемъ: «Сербскія народныя пѣсни» съ 1823—1833 годъ. За его сборникомъ слѣдовали другіе. Коронованные представители сербскаго племени владыка Петръ II Петровичъ Ньегошъ (1813—1851) и нынѣшній князь Никола I Петровичъ Ньегошъ принимаютъ лично участіе въ сербской литературѣ. Среди новыхъ писателей однимъ изъ самыхъ талантливыхъ лириковъ считается Іованъ Іовановичъ, изъ историковъ-же и бытописателей Стефанъ Любиша и Лазарь Лазаревичъ. Разсказы ихъ изъ народной жизни тѣмъ интереснѣе, что именно эта вѣтвь сербскаго племени сохраняла въ наибольшей чистотѣ свой народный бытъ и народная жизнь процвѣтаетъ еще въ ней и до сихъ поръ, безъ примѣси чуждыхъ элементовъ. Сербъ сохранилъ и до сихъ поръ свою задругу, мѣшающую, правда, накопленію богатствъ, но зато также устраняющую нужду. Этотъ родъ домашняго союза поддерживаетъ въ немъ кромѣ того здоровое семейное чувство.

Несмотря на пятивѣковыя страданія, болгары также сохранили въ неприкосновенности свои древніе обычаи, большею частью даже и тѣ болгары, которыхъ нужда заставила эмигрировать. Только на равнинахъ, гдѣ имъ приходилось постоянно сталкиваться съ сербами и румынами они переняли нѣкоторыя черты и привычки сосѣдей. Въ противоположность живому, сварливому сербу болгаринъ спокоенъ и бережливъ. Отдаленныя перспективы, обширные планы не по душѣ твердому, разсудительному болгарину, но ли прогрессъ этой страны и довольно медленный, за то онъ конечно остановится никогда, если только не помѣшаютъ работать безъ помѣхи му трудолюбивому, скромному, привязанному къ своему обиходу и полту благороднаго патріотизма народу.

[1]) Новѣйшая конституціонная эра въ Турціи обѣщаетъ повидимому улучть и національныя отношенія въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, авшихся подъ ея властью. *Пер.*

Болгарская литература такъ же молода, какъ и вновь обрѣтенная самостоятельность. Хотя начало ново-болгарской литературы было положено еще монахомъ Паисіемъ и епископомъ Софроніемъ, но болѣе оживленная дѣятельность на этомъ поприщѣ развивается лишь съ общимъ подъемомъ уровня просвѣщенія, вслѣдствіе появленія новыхъ школъ. Къ числу первыхъ поэтовъ этого періода принадлежатъ: Стояновъ и Пешаковъ, подражавшіе русскимъ поэтическимъ произведеніямъ и народнымъ пѣснямъ. Большой благодарности заслуживаетъ дѣятельность архимандрита Неофита Рыльскаго, написавшаго первую болгарскую грамматику и составившаго, къ сожалѣнію, неоконченный, греко-церковно-славянско-ново-болгарскій словарь. Вскорѣ затѣмъ возникли повсюду книгопечатни. и въ 1844 г. появился уже первый ежемѣсячный иллюстрированный журналъ «Любословичъ». Самымъ талантливымъ поэтомъ и писателемъ настоящаго времени считается Петко Рачовъ Славейковъ, (род. 1825 г.), пріобрѣвшій себѣ громкое имя въ лититературѣ, благодаря своимъ эротическимъ и сатирическимъ стихамъ, равно какъ и историческимъ и географическимъ сочиненіямъ. Другіе дѣятели, какъ напр. Константинъ и Димитрій Миладиновы, собирали съ большимъ рвеніемъ народныя пѣсни. Лучшимъ новеллистомъ считается Любенъ Каравеловъ, драматическимъ же писателемъ Василій Друмевъ. Драма стала особенно популярнымъ жанромъ литературы, начиная съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Кромѣ того были переведены—Вольтеръ, Молієръ, Гюго, Лессингъ и Шиллеръ. Самымъ выдающимся болгарскимъ ученымъ является профессоръ Харьковскаго университета Дриновъ, авторъ историческихъ и церковно-историческихъ сочиненій.

Древне-румынская литература, вслѣдствіе вліянія господствовавшей въ странѣ церковно-славянской литературы, отличалась также исключительно религіознымъ характеромъ, но это продожалось до XVII вѣка, въ которомъ румынскій языкъ сталъ государственнымъ и церковнымъ языкомъ. Къ этому времени относятся хроники Уреки и Мирона Костина. Новыя преслѣдованія обрушились на румынскій языкъ и вообще на начавшую тогда развиваться національную литературу во время господства фанаріотовъ (1711—1822). Каждый образованный человѣкъ въ государствѣ и въ церкви желалъ въ эти годы быть грекомъ. Только въ XIX-мъ вѣкѣ проснулось опять національное чувство и Георгъ Асакій въ Молдавіи, а Іоаннъ Геліаде-Радулеску въ Валахіи оказали большое содѣйствіе нарождавшейся національной литературѣ. Возникновеніе румынской журналистики также связано съ ихъ именами. Въ лирической поэзіи особенно отличались Варареску, Муресану, Негруцци, Александреску, Болинтинеану и Эминеску, между тѣмъ какъ драма едва лишь начинаетъ возникать; это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что очень недавно лишь былъ точно установленъ самъ составъ румынскаго языка, благодаря трудамъ Синкая, Майореску. Рѣшительное вліяніе на развитіе художественной литературы въ Румыніи оказываетъ королева румынская Елисавета, издающая свои поэтическія произведенія подъ псевдонимомъ Карменъ Сильва. Кромѣ поэзіи она покровительствуетъ также наукѣ. Въ лицѣ Евдоксіу де-Гурмузакисъ, Іорга и др. румыны пріобрѣли теперь выдающихся изслѣдователей своей исторіи. Академія наукъ и понимающее свои задачи въ этомъ отношеніи правительство поддерживаютъ энергичную дѣятельность народа, проявляющуюся во всѣхъ областяхъ духовной жизни страны.

Въ Греціи—византійство, политически давно погребенное въ духовномъ отношеніи, даетъ себя чувствовать до сихъ поръ. Расцвѣтшая было нѣкогда на Критѣ народная поэзія погибла не столько вслѣдствіе турецкаго гнета, сколько вслѣдствіе развитія ложноклассическаго, сухо-формалистическаго ученаго византійства. Произведенія XVII, XVIII, отчасти XIX вѣ-

ковъ носятъ именно византійскій характеръ, хотя византійство это тяготѣетъ менѣе къ античному міру, чѣмъ къ западной Европѣ. Враждебное всему народному, фанаріотство было вдохновителемъ этихъ полныхъ пустого паѳоса произведеній. Направленіе это объясняется также и двойственностью замѣчаемой и до сихъ поръ въ греческомъ языкѣ: вѣдь и въ нынѣшнемъ школьномъ образованіи преобладаетъ еще древне-греческій языкъ, стѣсняющій свободное развитіе современной мысли и формъ. Но эти византійскія цѣпи должны быть разорваны, такъ какъ современная мысль не можетъ принудить себя воплощаться въ отжившія формы,—она требуетъ общепонятнаго выраженія и можетъ найти его лишь въ живомъ языкѣ. Главную потребность современной Греціи составляетъ именно живой литературный языкъ. Въ этомъ направленіи началась уже дѣятельная работа, но съ самаго начала ея образовалась три партіи: одна изъ нихъ ревностно оберегала роль классическаго греческаго языка, другая основывалась на народномъ языкѣ и, наконецъ третья, представителемъ которой былъ великій Кораисъ,—избрала средній путь, она и была вначалѣ побѣдительницей. Эти различныя стремленія, отражаясь въ литературѣ, стали причиной невыразимой путаницы и хаоса, и греческая литература XIX вѣка полна колебаній и переходовъ отъ классицизма къ модернизму. Въ періодъ, предшествовавшій войнѣ за освобожденіе было предпринято много переводовъ, въ особенности французскихъ писателей—Вольтера, Мольера, Расина: впослѣдствіи обратились къ италіанскимъ писателямъ и познакомились въ переводахъ съ Тассо, Метастазіо, Гольдони и др. Изъ нѣмецкихъ авторовъ нравились въ особенности Виландъ и Гесснеръ. Подъ французскимъ вліяніемъ сочинялъ свои любовныя и застольныя пѣсни, жившій въ Букарестѣ Аѳанасій Христопулосъ (1770—1847), пародіи на котораго писалъ букарестскій врачъ Георгъ Саккеларіосъ, въ своей книгѣ «Antibakchika». Довольно выдающуюся роль въ этой литературѣ играетъ сатира, не просто насмѣшливая, но оживленная серьезнымъ стремленіемъ внести свою лепту въ соціальное и національное развитіе общества. Выдающимся сатирикомъ является Іоаннъ Вилларасъ (1773—1823) изъ Эпира, живописующій въ формѣ Эзоповыхъ басенъ, слабости человѣчества. Фильэллинскіе монархи, полководцы и борцы за освобожденіе воспѣваются въ панегирическихъ гимнахъ. Но вся эта поэзія застыла въ формахъ сухой учености, главнымъ представителемъ которой нужно считать Александра Ризоса Рангабе, впослѣдствіе греческаго посланника въ Берлинѣ, писавшаго (кромѣ многочисленныхъ переводовъ) лирическія, эпическія и драматическія произведенія, заимствуя содержаніе изъ античной византійской и новой исторіи. Въ области драмы греки остановились пока на первой ступени, такъ какъ въ этомъ родѣ литературы имъ было всего труднѣе воскресить прерванную традицію, съ помощью которой они могли бы дальше развивать свою драму. Въ драматическихъ произведеніяхъ грековъ отсутствуетъ именно драматическій элементъ, замѣняемый часто лирическимъ. Изъ драматическихъ писателей слѣдуетъ назвать: Бернардаки, Вассиліади, Каллерджиса и Луку Нотараса. Византійская ученость, господствуетъ также въ эпической и даже въ политической поэзіи, заимствующей содержаніе изъ современ-[но]сти и созданной демагогически настроеннымъ Александромъ Суццой, [п]одражавшимъ въ комедіяхъ французамъ, въ эпосѣ же италіанцамъ и [а]нгличанамъ (Байрону). Несмотря на незначительность его твореній, онъ [в]се-таки образовалъ школу, къ которой слѣдуетъ причислить Ѳеанидиса Г. Суриса.

Романское вліяніе, вызвавшее нѣкогда греческую народную литера[ту]ру, удержалось до сихъ поръ лишь на Іоническихъ островахъ, сохра[ня]ющихъ и теперь слѣды венеціанской культуры, между тѣмъ какъ гре-

ческій востокъ больше подверженъ былъ всегда византійско-константинопольской. Эти острова, будучи тѣсно связаны съ западомъ, призваны освободить грековъ отъ неудобства, связаннаго съ существованіемъ двухъ нарѣчій. Творцомъ этого движенія былъ уроженецъ острова Зантэ Діонисій Соломосъ, указавшій литературѣ дорогу самостоятельнаго, органическаго развитія. Его значеніе основывается главнымъ образомъ на его энергическихъ начинаніяхъ въ различныхъ литературныхъ областяхъ. Ученикомъ французскихъ романтиковъ былъ самый замѣчательный послѣ Соломоса греческій поэтъ Валаоритисъ (1824—1879), оказавшій сильное вліяніе на литературу 60-хъ и 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Во время борьбы между двумя направленіями греческій ученый, живущій въ Парижѣ Психари, ополчился противъ условности и искусственнаго состава литературнаго языка, и, выдержавъ бурю негодованія со стороны «ученыхъ» писателей, указалъ имъ, какимъ сокровищемъ является для нихъ народный языкъ. Съ тѣхъ поръ многіе авторы стали писать разсказы изъ провинціальной жизни на народномъ языкѣ. Лирики и беллетристы уже также начали имъ пользоваться и можно надѣяться, что онъ станетъ вскорѣ и языкомъ науки. Такимъ образомъ греки получатъ наконецъ настоящій, живой, ново-греческій языкъ. Они вообще охотно бывали до сихъ поръ учениками запада—тѣмъ естественнѣе вспомнить имъ и въ этомъ случаѣ, что французскій и италіанскій языки ведутъ свое начало отъ народнаго языка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЛИТЕРАТУРА.

(Въ этотъ списокъ вошли лишь сочиненія болѣе общаго характера. Кромѣ того, авторъ пользовался, конечно, богатой спеціальной литературой изъ области славяновѣдѣнія).

K. J. Jirecek, Geschichte der Bulgaren. Prag, 1876.

Успенскій, Основаніе второго болгарскаго царства. Одесса, 1879.

Benj. von Kallay, Geschichte der Serben bis 1815 (unvollendet). Budapest, 1878.

B. Klaic, Geschichte Bosniens. Leipzig. 1885.

G. Fr. Hertzberg, Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des Antiken Lebens bis zur Gegenwart. Gotha, 1876—1878.

Paparrigopulos, Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους.

Lambros, Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος. Athen, 1888—1892.

N. Jorga, Geschichte des rumänischen Volkes. Gotha, 1905.

См. стр. 2 обложки.

„Т-во Художественной Печати", Спб., Ивановская, 14.

См. стр. 3 обложки